

Генерал-майор ДЕНСТЕРВИЛЬ

БРИТАНСКИЙ
ИМПЕРИАЛИЗМ
В БАКУ и ПЕРСИИ
1917-1918

(воспоминания)

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
Б. РУДЕНКО

Изд-во «СОВЕТСКИЙ КАВКАЗ» - ТИФЛИС
1925

Оглавление

		ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	3
		ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	7
Глава	I	ПРИОТВОРЕННЫЕ ДВЕРИ	8
Глава	II	УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ ПОЕЗДКА С ЦЕЛЬЮ РЕКОГНОСЦИРОВКИ	12
Глава	III	МОРЕ! МОРЕ!	19
Глава	IV	МЫ ОТСТУПАЕМ К ХАМАДАМУ	26
Глава	V	ПРИЗРАЧНАЯ АРМИЯ	33
Глава	VI	МЫ НАЧИНАЕМ ЗНАКОМИТЬСЯ С НА- ШИМИ ХОЗЯЕВАМИ	39
Глава	VII	ГОЛОД	46
Глава	VIII	СТОЯНКА В ХАМАДАНЕ	52
Глава	IX	ШАГ ВПЕРЕД	60
Глава	X	ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП НА ПУТИ К МОРЮ	66
Глава	XI	ТУРКИ, НЕВЕРНЫЕ И ЕРЕТИКИ	73
Глава	XII	МЫ СООБЩАЕМСЯ С БАКУ	81
Глава	XIII	МЫ ЗАНИМАЕМ БАКИНСКИЙ ФРОНТ	90
Глава	XIV	ОБО ВСЕМ ПОНЕМНОГУ	98
Глава	XV	ВРАГ У ВОРОТ	107
Глава	XVI	СОБЫТИЯ НАДВИГАЮТСЯ	112
Глава	XVII	ОТСТУПЛЕНИЕ	120

Предисловие к русскому изданию

ВЫПУСКАЯ в свет мемуары генерала Денстервиля, издательство „Советский Кавказ“ бьет сразу по двум целям. В этой книге читатель найдет автопортрет рыцаря английского империализма и его российских прислужников - эсеров, дашнаков и меньшевиков.

За короткое время своего пребывания на Кавказе, при помощи своих российских друзей, английский хищник натворил столько бед, что рабочий класс уже никогда не забудет бакинской трагедии. А циничный рассказ об алчных устремлениях и кровавых злодеяниях английского генерала, в результате чего потекли реки пролетарской крови, послужит призывом к неослабной борьбе против империалистических шакалов и их приспешников всех цветов и мастей.

Прежде чем обратиться к содержанию этой кровавой книги, посмотрим, что представляет из себя Денстервиль, хотя уже многое сказано тем, что он генерал и англичанин.

Денстервиль - реакционер, выраженный явно. Он - враг революции и революционеров. Последних он не особенно различает: персидских демократов и русских большевиков он сваливает в одну кучу. Он не щадит красок и красноречия для того, чтобы вывести их в самом смехотворном, самом неприглядном свете.

Вот фраза, которую он бросает в беседе с персидскими демократами:

- «Но, быть может, вы припомните, что я тоже ведь демократ в том смысле, что я являюсь представителем единственной демократической страны в мире».

Несомненно, персидские демократы почувствовали, что такое демократизм английского генерала, и раскусили этого матерого империалиста не хуже, чем бакинские рабочие. Вот отрывок из донесения генерала своему правительству: [V-VI]

«Я полагаю, что мы не должны дать почувствовать персам, что мы, будучи страной демократической, поддерживаем крупных помещиков Персии против демократического движения».

Как у себя на родине, так и в странах, где им удастся утвердиться, эти «истинные демократы» поддерживают помещиков и капиталистов.

«Я очень не люблю лгать: ложь мне противна», - говорил генерал одному персидскому сановнику, а читателю говорит следующее:

«Я отпарировал попытку получить нужные сведения отважной ложью».

Еще Лассаль отметил, что реакционеры - не краснобаи, а люди очень и очень практичные.

- В дни войны всякие художества должны уступить место голой утилитарности, - изрекает наш генерал.

И, действительно, он придерживался этого принципа.

Для удобства своих шофферов он переименовывает названия улиц персидских городов, заменяя их именами лондонских улиц. Он обставляет свой поход таким комфортом, что это скорее напоминает увеселительную прогулку. Наименьшая затрата сил и достижение наибольших результатов вот его девиз. Причем пускается в ход для достижения собственных целей решительно все - от грубого обмана купца до утонченной лжи дипломата. Денстервиль захлебываясь рассказывает о том, как он надул «большевиков» и обеспечил себя бензином и как изящно, с цитатами из Гафиза, он проводил - персов.

Этот алчный хищник даже признается, что, идя на бакинскую интервенцию, он, в сущности, пустился на авантюру, «но нефть, - оправдывается он, стоит того, чтобы пускаться на авантюру».

Во что обошлась эта авантюра в частности армянам - прекрасно известно всем и каждому. Бакинская авантюра Денстервиля - яркая иллюстрация «гуманности», английского империализма.

Уяснив себе, облик лживого, утилитарного авантюриста, перейдем к изложению его деяний. Для нас это тем более [VI-VII] поучительно, что, как будет видно из дальнейшего изложения, все эти качества английского генерала были вскрыты единственно большевиками, все же прочие политические элементы пошли с ним на соглашение и сотрудничество.

Цель английского генерала - утвердить свое господство в Закавказье, на Северном Кавказе и в Туркестане, т. е. захватить Каспийское море, овладеть бакинской нефтью и туркестанским хлопком.

Так он сообщает своему читателю. А персам, представителям различных кавказских организаций и партий он говорит другое. Причем каждому - свое. Армянам он нашептывает о Великой Армении после победы союзников, русским - об интересах России и т.д. Он пытается привлечь на свою сторону даже бакинских мусульман, для чего, тайком от других, ночью он ходит сговариваться с их представителями.

Своему же читателю он признается, что все «народы и народцы» для него лишь военный материал для борьбы за антантовское дело. Он использует в Персии айсоры, персы и, главным образом, русских.

Чувствуя себя окруженным враждебной стихией, имея перед собой, с одной стороны, Кучук-хана, с другой - «большевиков», к которым он причисляет буквально всех русских, не желавших с ним являться, - Денстервиль, не располагая живой силой, но, обладая изрядным количеством золота, находит для себя живую силу главным образом в лице генерала Бичерахова.

«Нужно было соблазнить Бичерахова соединить свою судьбу с нашей, для чего заключить договор выгодный для обеих сторон. После долгих препирательств по разным пунктам мы, наконец, выработали следующие условия:

1. Бичерахов не выведет своих войск из Персии, пока я не сумею заменить их своими частями.

2. Я, с своей стороны, обязуюсь оказывать, ему финансовую помощь, так как он испытывает большие затруднения в выплате жалования своим людям, но он не должен быть корыстолюбивым и не должен требовать платы за оказываемые нам услуги, употребляя получаемые суммы исключительно [VII-VIII] на покрытие действительных расходов по военным операциям.

3. Бичерахов не должен будет предпринимать никаких операций без согласования с нами, в противном случае финансовая помощь со стороны английского правительства немедленно будет прекращена.

4. Первой военной операцией должны быть военные действия против армии Кучук-хана и расчистка пути от Казвина к Каспийскому морю.

5. Если Бичерахов окажет мне должное содействие в Персии, то мы совместно выработаем план позднейших действий на Кавказе, где моя помощь будет ему не менее ценна, чем его мне.

Едва этот превосходный договор был заключен, как представился случай испытать его действие на практике».

Надо отдать справедливость, что Бичерахов спас Денстервиля. Не будь его отряда, английский генерал со своими 20 офицерами погиб бы либо от «большевиков», либо от Кучук-хана.

Благодаря Бичерахову Денстервиль не только сумел продержаться всю зиму в Северной Персии, набрать кое-какие силы, стать хозяином положения в стране, прекрасно поставить контрразведку, но и весной добраться до Энзели, в ожидании бакинской интервенции.

«Я неоднократно вел переговоры с представителями партии с.-р., программа которых гораздо больше соответствует нашим целям и по своему существу она созидательна, тогда как программа Советской власти чисто разрушительна. Они хотят нашей помощи, особенно финансовой. Я поддерживаю дружественные сношения с эсерами, и они знают, что смогут во многом рассчитывать на нас, если захватят власть в свои руки».

Как надо понимать созидательную программу эсеров и разрушительную Советской власти? Созидательность эсеров заключается в том, что их программа *соответствует целям английского генерала*, а большевики, как видно из приведенной в книге выписки из „Известий Совета Рабочих, Красноармейских, Матросск. и Крестьянск. Депутатов Бакинск. [VIII-IX] района, «вскрывают истинные намерения англичан и, противодействуя империалистической политике, ведут *разрушительную работу*».

Весною 18-го года на поклон к английскому генералу приезжают в Энзели представители Бакинского Армянского Национального Совета.

Любопытно отметить: генерал им открыто заявляет, что не располагает живой силой и что он может взять на себя организацию местных сил при условии, если последние захотят драться.

Но чтобы не совсем обескуражить этих «высокопочтимых попрошайек», генерал авторитетно добавляет:

«Так или иначе, но никаких сомнений в конечной победе союзников быть не может, а это, в свою очередь, будет, несомненно, иметь своим последствием восстановление Армении; одно это положение может служить вам путеводной звездой во тьме вашего беспросветного отчаяния».

Друзья англичан, «в соответствии с их целями» в Баку, одержали верх.

«26-го июля большевистское правительство было свергнуто и заменено новой группой, называвшей себя Центро-Каспийской Директорией.

...Едва только новое правительство успело взять бразды правления в свои руки, как, *согласно выработанному уже плану, послало к нам гонимых с просьбой о помощи*».

Денстервиль признается, что у него войск не было, но он пустился в авантюру, так как нефть и хлопок могут оправдать всякий риск.

Директория, состоявшая из его друзей или «диктаторов», - как пренебрежительно называет их наш автор, - очень скоро разочаровала его.

Он даже признается в том, что намеревался дать всем им «по шапке», да у него под рукой не оказалось достаточно офицеров для организации нового управления краем.

«Шаумян и Петров были посажены в городскую тюрьму. Они были отпущены на свободу в день захвата Баку турками, после чего отправились с небольшой, группой своих приверженцев в Красноводск. К несчастью для них, в то [IX-X] время большевики были очень непопулярны в этом городе, и вся их партия была расстреляна».

Пусть генерал «отважной ложью» старается утаить имена истинных палачей двадцати шести комиссаров, - бакинский пролетариат знает это дело доподлинно и каждый год чтит память борцов за рабочее дело.

Мы не будем шаг за шагом следить за деятельностью Денстервиля в Баку. Физиономия английского империалиста уже достаточно выяснилась из предыдущего изложения. Мы остановимся теперь подробнее на добровольных друзьях английского генерала. Денстервиль приводит письмо «диктаторов», посланное ему в ответ на его заявление, что по вине бакинцев Баку не может больше держаться и, в виду неминуемого падения города, он снимает свои силы с фронта и приступает к эвакуации англичан.

Друзья Денстервиля в ответном письме собственноручно описали свою гнусную роль в бакинских событиях,

Вот оно:

«Когда мы заключили с вами военное соглашение, мы приняли на себя, совместно с вами ответственность за оборону города и бакинского района, как для Российской республики, так и в интересах общесоюзного фронта.

Наш союз с вами привел к полному разрыву между нами и властью российских большевиков. Их помощь Баку людьми, оружием и военными материалами и продовольствием прекратилась тогда же окончательно. Полагаем, что вам было не безызвестно, что, после того, как власть большевиков в Баку была свергнута, представители Ленина хотели сформировать здесь коалиционное правительство, обещая снабжать нас всеми необходимыми военными материалами и оказывать нам самую действительную поддержку в борьбе против турок, при условии, *что английские войска уйдут из Баку и его района.*

Эти условия были для нас неприемлемы. Мы знали, что для спасения Баку, для установления демократического мира в Европе, для уничтожения позорных условий Брест-Литовского мирного договора, а также для того, чтобы помешать [X-XI] выполнению немцами своего военного плана, нам необходимо было действовать совместно с англичанами.

К несчастью, мы ошиблись: за все время до 3-го сентября (больше месяца) вы доставили в Баку *немногим больше одной тысячи людей, с шестнадцатью орудиями и небольшим количеством технического материала.*

Не говоря уже о том, какое количество войск потребно для изгнания неприятеля из пределов Закавказья, помощь, присланная вами, *совершенно недостаточна* даже для успешной обороны Баку.

Какие бы доводы вы ни стали приводить в оправдание недостаточности присланной вами помощи и как бы ни превосходна была военная выправка и техническое оборудование вашего бакинского отряда, - мы считаем необходимым довести до вашего сведения (и просим вас сообщить это и вашему правительству), *что вы не оказали нам помощи в таком размере, в каком мы были вправе ждать ее от вас, основываясь как на ваших собственных заверениях, так и на обещаниях вашего правительства.*

К тому же, имея в виду условия, предложенные нам правительством Ленина, *мы утверждаем, что ваши войска не только не увеличили, но даже уменьшили силы бакинских защитников, ибо мы могли бы значительно пополнить их ряды, если бы приняли условия партии большевиков».*

На этом мы можем остановиться. Самое главное уже выболтали авторы. Они признались, что приглашение англичан не увеличило оборонительных сил Баку, а уменьшило их. Иначе говоря, они признали, что приглашение англичан, даже с точки зрения чисто военной, была ошибкой, минусом. А с политической точки зрения? Сознawali-ли эта эсеро-меньшевицкая компания, хотя-бы, когда писалось это письмо, что с политической точки зрения их акт не может быть назван иначе, как предательством?

Сознawali-ли эти предатели, что единственно правильная линия, по отношению к английским империалистам был взята партией большевиков?

Сознawali-ли они, что и вожди бакинского пролетариата Шаумян и Джапаридзе были убиты руками англичан [XI-XII] *не без содействия со стороны их ближайших товарищей* эсеров и меньшевиков?

Теперь, когда трагедия Баку уже находится в исторической перспективе, не найдется ни одного обывателя, который бы не признал все это безоговорочно.

Книга Денстервиля в этом отношении во многом может помочь.

Английский генерал не оставил без ответа меморандум своих друзей.

«Я вполне согласен с вами относительно всего сказанного вами о важности обороны Баку, и я не перестаю настаивать на своей точке зрения перед моим правительством. Однако я принужден отметить, что ваше мнение о поведении британского правительства в связи с присылкой в Баку недостаточно сильного отряда войск для защиты города от неприятеля основано на ложных предположениях. Ни я, ни

мое правительство никогда не заявляли, что мы можем доставить в Баку столько войск, чтобы спасти город без посторонней помощи. Напротив, нас информировали, что в Баку уже имеется 10,000 защитников под ружьем, которые нуждаются всего лишь в правильной организации и небольшом подкрепляющем английском отряде, для того, чтобы успешно отразить противника».

Так оправдывается Денстервиль. Есть ли это очередная «отважная ложь» или в данном случае изолгались его друзья, - для нас не важно.

Другое оправдание английского вояки заключается в обвинении дашнаков и их пресловутых отрядов. В то время как дашнаки постоянно кичились военными талантами своих хумбапетов и героическими подвигами своих хумбов, Денстервиль заявляет, что численность отрядов была вполне достаточна для обороны Баку; но, что с такими недисциплинированными бандами, даже при самой активной поддержке со стороны регулярных английских частей, нельзя было ничего поделывать. Боееспособность дашнакских хваленых хумбов английский спец приравнивает почти что к нулю.

Для нас гораздо важнее тут отметить, что английский генерал всякими правдами и неправдами преданно служил [XII-XIII] делу английских капиталистов. Он старался использовать всех, кто только попадался ему на пути. Он их «уговаривал», а чаще подкупал, подчиняя всех своей единой цели.

Какую же роль сыграли его «русские друзья»? Они свалили Советскую власть, т. е. единственно сознательную противницу английского империализма и способную организовать оборону Баку, и тем самым расчистили дорогу в свою страну английскому хищнику, и не были сами отстранены от власти единственно потому, что у Денстервиля не оказалось под рукой достаточно сил для «организации своей власти».

В наши дни, после громкого дела Б. Савинкова, воспоминания английского генерала являются еще одним ярким подтверждением подлого предательства эсеров, меньшевиков и дашнаков.

Недаром же социалистов этого пошиба тов. Ленин еще задолго до этого метко назвал:

- Социал-предателями!

П. Макинцян

Предисловие автора

ЭТА книга отнюдь не имеет целью дать подробное - «точное описание военных операций, а потому для изучающих искусство стратегии и тактики она большой ценности не представит; она написана исключительно с намерением быть интересной для всех. Рассказы об армии Гуш-Гуш, ничего общего с действительностью не имеющие давно уже сделались притчей во языцех и, мне кажется, было бы желательным дать отчет о действительных происшествиях. Каждый из моих боевых товарищей мог бы дать правдивое изображение той или иной отдельной операции, участником которой он был, но этого было бы совершенно недостаточно для того, чтобы получить полное представление о выполнении возложенных на нас поручений в целом; таким образом, эта задача выпадает на мою долю. Настоящий отчет записан мною по памяти с помощью лишь моего отрывочного дневника, почему я могу гарантировать только достоверность фактов, приводя круглые числа и приблизительные цифры.

Дать же подробный отчет о множестве операций, предпринятых отдельными отрядами армии, значило бы выйти далеко за пределы предлагаемой книги; подобные же отчеты для того, чтобы они действительно явились ценными, должны быть написаны только теми, кто руководил отдельными экспедициями. Так, например, майор Вагстаф мог бы порассказать о своих приключениях в Зинджан-Миане, среди шах-севанов, майор Старнес сообщил бы о своих действиях против курдов в районе Биджара, майор Макарти - о вербовке солдат в Персии, полковник Маттьюс - об опытах в районе Решта, полковник Кейворт - о Бакинской операции и, наконец, полковник Стокс сделал бы доклад о своей работе в революционной армии. [XIV-XV]

Перечисляя отдельные эпизоды, нет, конечно, возможности дать полную оценку тех офицеров, чьи действия способствовали успеху того или иного задания, или от чьей находчивости и решительности зависело выполнение тех или других планов. Подобная оценка дана уже в официальных отчетах и читатель должен понять, что когда генерал пишет о действиях армии, находившейся под его командованием, то, с одной стороны, он не может совершенно игнорировать главных действующих лиц и говорить «я и мой штаб», но, с другой стороны, в каждом отдельном случае было бы очень кропотливо отмечать участие какого-нибудь офицера, который, быть может, и блестяще выполнил данное ему поручение.

Мне помогали не только мой штаб, но и все мои офицеры, которым я вверял выполнение отдельных заданий и которых я теперь прошу принять мою глубокую благодарность.

Г. АГРА

ГЛАВА I

Приотворенные двери

ИСТОРИЯ наших приключений, место действия которых охватывает всю область, лежащую между Багдадом и Баку, по странному совпадению изобилует неизбежным повторением: буквы Б: Берлин, Баку. Батум, Бухара и Багдад и если угодно продолжать это совпадение «паки и паки», то должно прибавить и Византию (Byzantium) вместо Константинополя. Таким образом, сущность моей миссии, с которой мне было приказано следовать на Кавказ в конце 1917 года, а также и планы врагов, стремившихся воспрепятствовать выполнению моей миссии - лучше всего было-бы поставить под знаком этой буквы алфавита.

Одной из главных проблем, фигурировавших в глубоко продуманном еще перед войной немецком плане мировой гегемонии - было овладение Малой Азией и продвижение вглубь Азии путем постройки железнодорожной линии Берлин-Багдад.

Когда, в марте 1917 г., Багдад был занят англичанами, и возможность взятия его обратно турками оказалась мало вероятной, немцы принуждены были взять курс своего дальнейшего продвижения вглубь Азии несколько севернее и избрать направление: Берлин - Баку - Бухара.

Ясно, что в этой последней схеме Закавказье, Баку и Каспийское море должны были играть значительную роль, и потому целью возложенного на меня поручения было предупредить появление немцев и турок в этих районах.

Судьбе было угодно, чтобы как раз в тот момент, когда англичане взятием Багдада делали невыполнимым первый из указанных планов немцев, российская катастрофа открыла северную дорогу для беспрепятственного следования германских войск. До лета 1917 года русские войска еще держались стойко, хотя уже было ясно, что процесс разложения затянется нена [1-2] долго. Линия их фронта простиралась от юга России, по Кавказу, у Каспийского моря, по северо-западной Персии, до стыка их левого фланга с английским правым крылом на границах Персии и Месопотамии, восточнее Багдада. К осени 1917 года эта линия начала таять; в войсках началось массовое дезертирство, вся армия стремилась оставить фронт и вернуться домой.

Таким образом, в районе Эрзерума турецкие войска, действовавшие в сущности в качестве немецкого авангарда, в один прекрасный день не нашли никаких войск на пути к давно желанному Закавказью, за исключением нескольких армянских отрядов, дезорганизованных, плохо снабженных и отравленных революционным духом. Но так как путь наступления турок лежал через родину армян, то армяне принуждены были оказывать им кое-какое сопротивление. Тифлис - столица Закавказья - пал бы по всей вероятности, без серьезного сопротивления и захват этого города дал бы турко-германцам возможность полного господства над железнодорожной линией между Батумом - Баку от Черного моря до Каспийского и отдал бы в их распоряжение чрезвычайно ценные Бакинские нефтяные промыслы, горные богатства Кавказского хребта и колоссальные запасы зерна и хлопка на берегах Каспийского моря.

Перенесение нового театра военных действий так далеко от места главных операций (от Багдада до Баку ведь 800 миль) - не давало возможности отправить туда достаточного количества войск.

Единственно возможным и самым целесообразным планом было отправить английскую миссию в Тифлис. Эта миссия, по прибытии на место назначения, должна была реорганизовать распавшиеся единицы русской, грузинской и армянской армий и восстановить фронт против турецкого вторжения. Перспектива казалась заманчивой и возможный успех должен был пропорционально превзойти количество посланных людей и затраченные суммы. Это было и соблазнительно, и практично.

Честь этой командировки выпала на меня, и я отправился из Багдада с головным отрядом в январе 1918 года.

Я должен оговориться, что первоначальный план так и не был выполнен: отряд наш не добрался до Тифлиса. Но то, что я намереваюсь рассказать, касается попыток достичь места [2-3] назначения отряда и всех тех перепетий, которые выпали на его долю, а также и тех второстепенных достижений, которые, я уверен, были все-же весьма ценны для союзников.

Я предоставлю самому читателю из моего повествования сделать оценку этих успехов и хочу остановиться только на одном факте непосредственно приведшем к оставлению немцами тифлисского плана. Это был, так сказать, «моральный камуфлет»: мой головной отряд, состоявший из двенадцати офицеров и сорока одного солдата, закрыл прорыв, образованный в Северной Персии уходившими рус-

скими войсками и, таким образом, совершенно парализовал операции неприятеля на этой линии, хотя этому сильно мешали враждебные действия «нейтральных» персов.

Прежде чем приступить к рассказу о приключениях нашей миссии, было-бы, пожалуй, интересно дать краткую оценку плана действия немцев в Закавказьи.

С точки зрения неприятеля, Турция, без сомнения, должна была действовать с большим подъемом духа, движимая соблазнительной перспективой захвата ценной территории на этом единственном театре войны, где победы падали, подобно спелым сливам, в открытый рот. Кроме того, турки могли излить свою ненависть к армянам, и к тому же у каждого турецкого солдата была соблазнительная возможность пограбить в больших городах. Но, с другой стороны, турецкая армия, в целом не была уже так хорошо организована, как в 1916 году. Войска устали, военачальники не только не воодушевляли их больше уверенностью в окончательной победе, но, пожалуй, сами были подавлены перспективой поражения. Против подобной армии было бы нетрудно организовать довольно многочисленные войска Грузии и Армении, воинственный дух которых усилился-бы, по крайней мере, в сто раз при наличии твердого решения не пускать к себе ненавистных завоевателей.

Эти соображения были столь ясны и просты, что они были приняты за исходную точку наших операций. К сожалению, опыт убедил нас как раз в обратном. Революция так завладела умами и настроением людей, что даже такое примитивное чувство как стремление защитить свой домашний очаг, - этот силь [3-4] нейший из людских инстинктов - совершенно исчез у народов Закавказья.

Единственно возможный и успешный способ действия нашей миссии мог базироваться только на патриотических чувствах населения Закавказья и их любви к отечеству.

Может показаться совершенно невероятным, но я уверяю вас, что такого чувства у них не существовало и все планы, построенные на этом базисе, заранее были обречены на неудачу. В этом, конечно, нельзя обвинять тех, кто, естественно, рассчитывал на наличие подобных чувств.

Разгадка этого в том, что Тифлис еще задолго до войны придерживался, как говорят русские, «германской ориентации».

Тщательно подготавливаясь к великой войне, немцы пустили глубокие корни на севере и юге Кавказа, имея в виду всевозможные комбинации в будущем.

Население Тифлиса читало сообщения агентства Рейтера и, сопоставляя их с победными возгласами германских радио, говорило себе: «Конечно, Германия выиграет войну. В таком случае, зачем нам нужны здесь англичане, которые только затягивают дело? Пусть турки зиймут нашу страну: все равно ведь победоносная Германия оградит нас теперь от турецких эксцессов, а по окончании войны выгонит их отсюда. Ведь, турецкое нашествие всего лишь маленькое неудобство, от которого немцы потом избавят нас»

Вот каков был, несомненно, образ мыслей в Тифлисе и в особенности, среди грузин. Армяне-же смотрели на все это через призму страха перед турецкими зверствами.

Это отсутствие национального духа и объясняло нерешительность всех призванных выполнять в Закавказьи задания военного характера. Когда мой рассказ коснется последней стадии обороны Баку против турок, то будет видно, как даже в «двенадцатый час», перед угрозой падения родного города, гибели всего имущества, жен и детей, перед лицом смертельной опасности сделаться добычей злейшего врага и неминуемо погибнуть в общей резне, - даже в этот страшный момент патриотический дух, который единственно мог сделать оборону города успешной, так и не пробудился. Несомненно, отсутствие этого чувства нужно приписать эффекту революции. Все те [4-5] факторы, которые образуют то, что мы называем «храбростью» были бесследно уничтожены революцией и сменились угрюмой апатией, которая встречала все положения безнадежным возгласом: «есть-ли смысл делать что-нибудь!»...

Таково было положение дел в Закавказьи. Перейдем теперь к Персии.

Хотя Персия и была объявлена нейтральной ее территория с самого-же начала войны сделалась плацдармом для русских и турецких войск, которые сражались на путях от Казвина к Керманшаху. Это продолжалось до тех пор, пока взятие нами Багдада не дало русским неоспоримого перевеса. Благодаря этому в 1917 году русские держали за собой все пути, идущие от Персидско-Мессопотамской границы на северо-восток к Каспийскому морю. Турки, не выказывая явного намерения переходить в наступление по этой линии, держали, однако, достаточное число войск на линии параллельной русскому фронту, к северо-востоку от него, внимательно следя за операциями в этом районе.

Когда, после большевистского переворота, в ноябре 1917 года, русские войска стали уходить из северной Персии, то сделалось очевидным, что на правом фланге британской Мессопотамской армии образуется брешь па пространстве почти 450 миль, сквозь которую турецкие и немецкие агенты и войска смогут беспрепятственно наводнять Центральную Азию.

Была надежда заполнить эту брешь вербовкой под английским флагом хорошо оплачиваемых добровольцев из отступающих русских.

Но попытка, сделанная в этом направлении потерпела полнейшее фиаско.

Причины неудачи были главным образом те-же, о которых я писал выше: революционер может убивать, но он не может сражаться. Завербованные люди оказались ни к чему не годны: к тому-же революционные комитеты приговаривали к смертной казни всех желавших записываться добровольцами. Эту попытку пришлось раз на всегда оставить. - В результате, образовавшийся прорыв был заполнен офицерами и солдатами... нашей миссии при обстоятельствах, о которых речь будет впереди. [5-6]

Мне остается теперь дать краткое географическое описание местности-

В направлении от Багдада на восток расположена однообразная низменная область Месопотамии, которая тянется на протяжении около 80 миль, до самой персидской границы, совпадающей с подножием горных массивов. Переход от низменности к нагорной области постепенен: он начинается с невысоких холмов, которые начинают нарушать характер плоской низменности еще приблизительно миль за двадцать до персидской границы.

От этого пункта до Каспийского моря, т. е. на расстоянии 400 миль, по прямой линии, вся область состоит из голых гор, чередующихся с плодородными долинами. Линия параллельных хребтов тянется с северо-запада на юго-восток, в то время как дорога идет к северо-востоку, пересекая, таким образом, эти хребты под углом с правой стороны. Горные проходы поднимаются до 5 и 8 тысяч футов высоты над уровнем моря, а средняя высота нагорья колеблется между 3 и 7 тысячами футов.

У прохода Так-и-Гири, ведущего из Месопотамии в Персию, попадаются по склонам гор чахлые дубы: это, пожалуй, единственное дерево в этой области, вплоть до Эльбурских гор, окаймляющих южное побережье Каспийского моря. Перевалив последний горный хребет у Менджиля, вы видите, что остальное пространство до иорского берега, протяжением в 70 миль, представляет с остальной областью самый резкий контраст, который можно встретить только в Азии. После 300 миль путешествия, по голым и диким горам, подобным разве только мертвым скалам Адена, вы попадаете в густой лес; это производит приблизительно такой-же эффект, как если бы вдруг вы перенеслись с одной планеты на другую. Последние 20 миль, остающиеся до моря, по направлению к району русских концессий - гавани Казиян (или Энзели), представляют собой низменность, пересеченную невысокими дюнами. Эта низменность образовалась с течением веков от речных наносов со стороны Эльбурских гор и песка, принесенного сюда северными ветрами.

Бассейн Каспийского моря: включает в себе большое разнообразие климатов и температур. Берега его представляют из [6-7] себя образчики всех местностей страны и населены бесчисленными мелкими племенами, остатками древних могущественных народов. Что касается климата, то Астраханский порт у устья Волги на северном берегу моря, замерзает зимой, тогда, как в окрестностях Энзели процветает культура риса, а смаковницы и пальмы растут на открытом воздухе и зима выражается лишь в теплом мелком дожде.

Область к северо-западу - по преимуществу низменная - местами являет вид поросшей травой степи, местами же - песчаной пустыни; дальше-же, на западе и на юге, высятся отроги Кавказских гор и величественные хребты гор Эльбурских.

Из главных народностей, живущих по берегам моря, отмечу русских казаков на севере, туркменов на востоке, персов и гилян на юге и татар, грузин, армян и дагестанцев на западе.

За исключением южных берегов, составляющих персидскую территорию, все море лежит в пределах русских владений и, даже на этом южном берегу, главная гавань и лучшие рыбные промысла уступлены русским. Это действительно ценная концессия. Дорога от Энзели к Тегерану и Хамадану также находится в руках русских.

Морской транспорт здесь имеет немаловажное значение, так как он представляет собой основу для экспорта икры и замороженной рыбы с русских рыбных промыслов, риса - из провинции Гилян, пшеницы и хлопка - из Туркестана, бакинской нефти и мануфактуры и прочих европейских фабрикатов, идущих сюда по Волге через - Астрахань. - Там, где нефтяное топливо так дешево и опасные штормы на море так часты, там нет места парусным судам, а потому число имеющихся на Каспийском море пароходов очень велико для такого маленького водного пространства. Не справляясь с официальными данными, мы полагаем, что Каспийский торговый флот состоит приблизительно из 250 пароходов вместимостью от 200 до 1000 тонн; некоторые из них построены в Англии и доставлены сюда по Волге.

Маленькая флотилия из трех вооруженных судов «Карса», «Ардагана» и «Геок-тепе» охраняет эти внутренние воды, и способна навести порядок и на берегу, если не встретит со [7-8] сопротивления. Флот, конечно, играл большую политическую роль, в дни революции, главным образом, по причине улучшившегося материального положения матросов. Замечательно, как охотно революционное правительство прислушивалось к требованиям флота, когда резиденция правительства находилась на берегу моря и орудия судов угрожали жизненным центрам страны.

Сделанный краткий обзор политических событий, приведших к решению послать специальную миссию в Тифлис и набросанное в общих чертах описание местностей, по которым нам пришлось про-

двигаться, приводя в исполнение намеченную операцию, будет, полагаю, достаточным для введения читателя в курс дела-

Еще одно обстоятельство, на котором нужно немного остановиться, это - состав миссии.

В виду специального характера миссии и ее заданий, не было необходимости посылать боевые части. Человек 200 офицеров и столько-же солдат должны были играть роль инструкторов в реорганизованных частях.

Эти офицеры и нижние чины были выбраны из различных войсковых частей и разных театров войны: из Франции, Салоник, Египта и Месопотамии. Люди были родом, главным образом, из Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южно-Африканских республик. Все они были выбраны как люди толковые и способные, показавшие себя с хорошей стороны на полях сражений. Действительно, можно сказать, что отряд составил превосходный. Командование такими людьми могло сделать честь любому офицеру.

Но, ведь, нужно было собрать всех этих людей и это оказалось самым трудным. Если-бы время не было важнейшим фактором в задуманной операции, то самое лучшее было-бы собрать их всех вместе в одном каком-нибудь пункте и затем двинуть по первому требованию. Но это, однако, оказалось совершенно невыполнимым. Время играло самую важную роль в этом деле и поэтому мне пришлось отправлять людей партия за партией по мере того, как они прибывали в мое распоряжение. Последние эшелоны были отправлены мною уже к концу второго месяца. Да и в течение всей операции эти люди никогда не могли собраться воедино вследствие разнообразия да [8-9] ваемых им поручений и обширности театра военных операций. Последнее обстоятельство было самым неприятным, но, к сожалению, совершенно неизбежным.

Мое знание русского языка и симпатии к России не мало способствовали выполнению порученной мне задачи, но нельзя было, конечно, ожидать, чтобы офицеры моей армии, как общее правило, были-бы лингвистами. Они таковыми не были.

Были, однако, такие, которые немного объяснялись по-русски благодаря тому, что изучали этот язык на борту пароходов, отправляясь в эту экспедицию. Попадались и говорящие чуть-чуть по-французски. Офицеры, назначаемые для работы в штабе, были отлично подобраны и многие из них владели одновременно русским и французским языками.

Некоторые, из самых отдаленных уголков мира, были знакомы с языком тех народностей, с которыми им приходилось сталкиваться, но знание этих языков было совершенно не нужно в Азии и Европе. Мне пришлось, например, объяснить одному, что язык зулусов едва-ли пригодится ему в Персии.

К назначенному кадру английских офицеров были приданы еще и отличные русские офицеры, присланные из Лондона, а также и другие русские беженцы из революционной России, которые присоединились ко мне позднее и чьи услуги были для меня очень ценны.

Всего сказанного достаточно для общего вступления. Я попытался выяснить стратегическую и политическую ситуации, которые вызвали отправку миссии; я дал краткое описание страны, где посланные отряды пережили столько приключений, а также представил действующих лиц, которые будут принимать участие в этих приключениях. [9-10]

ГЛАВА II

Увеселительная поездка с целью рекогносцировки

24 ДЕКАБРЯ 1917 года, будучи командиром 1-й пехотной бригады на северо-западной границе Индии, я получил секретный приказ прибыть в штаб армии в Дэли, где мне должна была быть поручена какая-то ответственная экспедиция.

Пограничные племена, причинявшие нам в прошлом году столько беспокойства, были в нынешнем году настолько умиротворены различными устрашающими изобретениями, т. е. аэропланами и бронированными автомобилями, что их воинственный дух казался вышибленным окончательно.

Настроение было скверное и мне уже начинало казаться, что я попал в стоячие воды, как вдруг приятный приказ принес мне долгожданную возможность снова вырваться на фарватер.

Приготовления к отъезду были очень коротки и после кратковременного пребывания в главной квартире армии в Дэли для совещания и подбора офицеров для моего штаба, я 6 января 1918 года отправился в поход и прибыл в Басро через Карачи 12-го. Утром 18 января я был уже в Багдаде, где немедленно же явился в штаб.

Пока что я был единственным представителем своего отряда и, хотя горел нетерпением скорее начать действовать, но должен был ждать здесь прибытия своих офицеров.

Если бы даже и можно было заполучить офицеров немедленно же, то и тогда некоторая проволочка явилась бы неизбежной. Нужно было еще детально обсудить план действия, посоветоваться с экспертами, наладить связь и предусмотреть тысячу обстоятельств, дабы не попасть впросак в трудную минуту.

Прежде всего нужно было выяснить общую обстановку и [10-11] постараться предотвратить заранее все возможные препятствия.

Для этой цели нужно было изучить карты и быть в курсе всех последних сведений, собранных в районе предполагаемых операций. В этом деле мне очень много помог майор сэр Вальтер-Бартело офицер Гольдстримской гвардии, который незадолго перед этим проделал весь этот путь, пока русские еще держали фронт. К этому времени из Англии приехал капитан Г. Гольдсмит со специальным поручением, имеющим отношение к моей миссии, и я решил послать этих двух офицеров в автомобиле несколькими днями раньше моего отряда, дабы они озаботились снабжением отряда бензином в некоторых пунктах дороги.

Сам я рассчитывал пуститься в путь через несколько дней с десятью или двенадцатью офицерами на фордах, в качестве авангарда.

Для эшелона, состоявшего из двенадцати офицеров и двух писарей, который являлся авангардным отрядом, необходимо было, по крайней мере, 4 легковых машины и 36 полугрузовиков, чтобы свободно доехать. Но полугрузовики очень малы, легковесны и, к тому же, их полезная грузоподъемность значительно сокращалась запасом необходимых частей и инструментов, специальными принадлежностями и медикаментами. Кроме того, мы брали с собой изрядное количество персидского серебра и английского золота, что представляло солидную тяжесть, канцелярские принадлежности, перевязочный материал, запас продовольствия и массу других вещей, без которых нельзя предпринимать такого рода экспедиций.

Затруднения, которые можно было предвидеть, исходя из общего положения вещей, сводились приблизительно к следующим: а) трудности пути, б) зимние вьюги, в) вопрос о нейтралитете Персии - проблема весьма сомнительного свойства, г) враждебность курдов, д) возможные затруднения со стороны революционных русских войск и, в особенности со стороны большевиков, е) враждебные действия со стороны джангалов в провинции Гилян, на южном берегу Каспия, ж) вопрос продовольствия и з) снабжение бензином.

Примите в соображение еще и следующее: расстояние от [11-12] Багдада до Ханекена 94 мили; грунт дороги глинистый, но твердый и по наведенным справкам, удобный в сухое и зимнее время. От Ханекена до Хамадана 240 миль; дорога очень сомнительная, хотя и некогда приведенная в порядок русскими; дорога скверная даже в хорошую погоду и совершенно непроходимая в дурную. От Хамадана до Энзели (Казиана) 267 миль: дорога когда-то отличная, проведенная русским дорожно-строительным отрядом много лет тому назад, но теперь требующая капитального ремонта.

Снежные бураны, очень частые в это время года, иногда делают дороги непроходимыми.

Нужно было ждать враждебных действий со стороны персов. Мы знаем, что хорошо вооруженное население было очень недовольно нашими действиями. К тому же картина персидских нравов, описанная во всемирно-известной книге «Хаджи-Баба из Исфагани» заставляла нас серьезно считаться с настроением жителей.

Курды, живущие к северу от нашего пути, представляют из себя нечто совсем иное. Обитая в горных районах, они успешно занимаются грабежом на больших дорогах. Одно упоминание о курдах приводит в содрогание перса, но русские заставляли их уважать себя, хотя, пожалуй, и несколько преувеличивали их свирепость... Во время русского господства случаи убийства солдат курдами бывали очень часты. Сравнивая курдов с татарами на северо-западной границе Индии, мы пришли к печальным для нас выводам.

Встреча с революционной русской армией, в особенности же с большевиками, также не предвещала нам ничего хорошего, так как большевики в ответ на отказ Британского правительства в их признании, заняли угрожающую антибританскую позицию.

Джангалы из провинции Гилян, предводительствуемые революционным вождем сомнительной репутации - Кучук-ханом, могли также серьезно угрожать успеху нашей миссии.

Мирза-Кучук-хан захватил весь Гилян, через который лежал наш путь - последние 70 миль, и обрек на поток и разграбление всех иностранцев: он избивал всех попадавшихся ему на пути европейцев. Кроме того, он действовал в контакте [12-13] с большевиками, занимавшими Энзели, единственный порт на Каспийском море, где мы могли погрузиться на пароходы.

Все эти трудности, конечно, можно было преодолеть при умелом ведении дела, но если бы эти трудности и были преодолены и мы высадились-бы благополучно в Баку, то там нам пришлось-бы встретиться с самыми яркими большевиками и англофобами из всех, какие только были на Кавказе в то время.

Следующий вопрос, вопрос снабжения продовольствием 52 офицеров и солдат - представлял огромные затруднения в этой голодной, опустошенной стране в самый разгар зимы. И, наконец, последняя задача - снабжение машин бензином была также чрезвычайно трудна, а в ней именно и был ключ к успешному выполнению задания: ведь каждый фунт бензина нужно было доставлять из Багдада и с каждой милей пройденного нами пути, трудность доставки бензина возрастала в геометрической прогрессии.

Риск остаться без бензина был очень велик, но, в конце концов, этого не случилось. От Багдада до Керманшаха, где мы встретили русский отряд, у нас бензину хватило, тем более, что им мы еще запаслись в пути в 150 милях от Багдада. Дальше, от Керманшаха, нам помогли русские власти.

Майор Баргедо и капитан Гольдсмит выехали 24 января, сопровождаемые легким бронированным автомобилем, под командой лейтенанта Сингера, Им дан был приказ добраться до Хамадана и там, озаботившись заготовкой бензина, дожидаться моего отряда.

Риск появиться с такими незначительными силами на территории курдов был весьма значителен, но моральный эффект, произведенный бронированным автомобилем, и зимние холода заставили курдов уйти в нижние долины, в сторону Мессопотамии-

К 26 января мой отряд увеличился до 14 человек; наступил, наконец, момент нашего отъезда. В дни ожидания я решил было сначала отправиться один в Хамадан, чтобы там, на месте ознакомиться с положением вещей и собрать, возможно, больше сведений. Но я отказался от этого проекта по следующим двум причинам: во-первых, потому что в этом случае сообщение с Лондоном сделалось-бы значительно труднее, тогда как оттуда нужно было ждать еще инструкций по некоторым [13-14] второстепенным вопросам; во-вторых, потому, что в случае моей задержки в Хамадане, мое пребывание там могло бы привлечь внимание наших многочисленных недоброжелателей и дать им время постараться испортить нам дело.

Я телеграфировал в Англию, что пришел к решению дожидаться в Багдаде приезда назначенных ко мне офицеров и затем двинуться, не останавливаясь, к Энзели и дальше морем на Баку, куда я, при благоприятном стечении обстоятельств, думал попасть приблизительно через 12 дней, - срок, достаточный для того, чтобы предупредить все контр-маневры наших противников. В теории это безостановочное путешествие было выполнено, но в действительности мы больше стояли, нежели двигались.

Злейший враг, а иногда и лучший друг солдата - погода ополчилась на нас с самого же начала путешествия и портила нам дело всюду, где только было возможно.

Наконец, в 7 часов утра 27 января 41 машина (форды) выстроились под стенами Багдада, ожидая приказа к отправлению. Я взял с собой следующих офицеров: капитана Дунинга, подполковника Дункана, капитана Саундерса, капитана Сторка - штабного офицера, капитанов Гунера, Джонсона и Аннета - офицеров пехоты, артиллерии и кавалерии, затем майора Брунскиля и капитана Джона - двух врачей; капитанов Капсбея и Адама - один инспектор, другой - офицер автомобильной роты и двух писарей - унтер-офицеров Рутдджа и Ватсона.

На случай стычки с неприятелем у шофферов была 41 винтовка и у капитана Гупера имелся пулемет Луиса.

Мы выехали в назначенный час и, благодаря хорошей погоде, расстояние до Ханекена - 94 мили - было покрыто без больших остановок. Но даже при этих благоприятных условиях нам понадобилось на это путешествие 10 1/2 часов. Нужно было, чтобы эшелон двигался контактно и поэтому, в случае порчи какой-либо машины, вся колонна должна была останавливаться, пока не докладывали, что «все в порядке». Таким образом, путешествие на 41 машине отнимает приблизительно в 41 раз больше времени, чем путешествие на одной. Можно считать день успешным, если средняя скорость при таком способе передвижения составит 10 миль в час. [14-15]

Со дня моего приезда в Багдад погода все время стояла хорошая, но трудно было надеяться, что над нами все время будет голубое небо. Поэтому-то и следовало ожидать, что когда мы подъехали к горам, тучи стали собираться над верхушками дальних хребтов, и все указывало на наступление самой скверной погоды. Указания эти блестяще подтвердились в ближайшие же часы.

После приятно проведенной нами ночи в разрушенном турецком доме в Ханекене, где мы пользовались гостеприимством английского гарнизона, - мы выехали 28 числа в Нал-Так (путь в 61 милю), куда мы прибыли в страшную бурю, сопровождавшуюся дождем и снегом, после десятичасового пути. Мы делали, приблизительно, в среднем, по 6 миль в час благодаря скверной дороге, отвратительной погоде и частой порче машин. Дождь начался сейчас-же, как только мы оставили за собой Ханекен и все дурные предзнаменования вчерашнего дня оправдались.

На ночь мы остановились в разрушенной деревне Пал-Так, у подножия Так-и-Гирского перевала. Деревни вдоль дороги поочередно разрушались то русскими, то турками в течение двух лет войны. Оставшиеся несчастные жители бродили едва передвигая ноги от голода, среди развалин, со страхом взирая на новых завоевателей какой-то невиданной национальности. Но они скоро узнали, что вновь прибывшие не разрушители, а восстановители.

От Пал-Така следующим этапом путешествия был Гарун-абад. Выехав 29 января, мы преодолели этот путь в 41 милю только лишь к 2-му февраля. Дорога от Пал-Така первые 3 мили поднимается почти отвесно по скале. Мы выехали на заре, в ужаснейшую погоду и удовольствие оказалось не из приятных. Мы скоро пришли к убеждению, что подталкивание автомобилей руками, хотя и было довольно хорошим упражнением, но мало продуктивным с точки зрения успешного продвижения вперед.

На вершине утеса мы нашли румяного гемширского парня, сидящего на скале в качестве часового одного из последних пикетов, охранявших для нас дорогу. Эта война часто поражала сценами самых необыкновенных контрастов, но я думаю, что [15-16] пребывание здесь этого солдата было одним из наиболее поразительных.

На пути из Персии к Вавилону, на пути, по которому шли мидийцы и персы, на голых скалах персидских гор сидел юноша из милых долин Гемпшира...

Когда мы достигли вершины горы, то нам предстояло еще 3 мили пути до ближайшего убежища от дождя. Оставалось теперь убедиться в возможности сделать эту вторую половину пути в снежный бурган, который бушевал с неослабевающей силой. У деревни Сурхадиза мы сделали остановку в лагере частей Гемпширского полка. Здесь мы наполнили наши баки бензином и стали ждать, пока погода не прояснится, чтобы сказать последнее «прости» этому последнему форпосту Мессопотамской армии. Погода прояснилась только после полудня, и мы двинулись в прекраснейшем настроении духа.

Но не надолго. Солнце показалось только на 10 минут, а затем налетел сильнейший снежный ураган, который сделал дальнейшее продвижение по скользкой горной дороге абсолютно невозможным.

Итак, после двух неудачных попыток бороться со снежной мятежью, мы принуждены были склониться перед неизбежностью вернуться в Сурхадизу, где мы комфортабельно расположились, в развалившемся каравансарае. Большая часть крыши обрушилась, но все-таки ее оставалось еще достаточно, чтобы дать приют всем нам и даже присутствие трупов двух лошадей не мешало нам чувствовать себя довольными под этой кровлей.

Нет худа без добра. Хотя-бы взять этих двух ужасных лошадей: летом-бы они сделали атмосферу нетерпимой, теперь-же присутствие этих замерзших трупов всего только оскорбляло наши взоры. То-же самое произошло и с насекомыми, обитавшими в этом грязной сарае: они были погружены в зимнюю спячку и поэтому оставляли нас в покое.

Почти тоже произошло и с курдами. Этот самый снег, что причинял нам столько неудобств, заставил их спуститься с гор, оставив там лишь немногих, которые едва-ли были подвижны намерением беспокоить нас. Но обыкновенно риск получить курдскую пулю или тиф от насекомых всегда весьма значителен. [16-17]

«Autant de gagnè sur l'ennemi».

В каравансарае деревушки Сурхадиза нам суждено было прожить несколько дней, хотя каждый день мы делали попытки добраться до перевала. Снег все шел и шел, и мятеж бушевала тем сильнее,

чем ближе мы пытались подходить к перевалу. В конце концов, мы пришли к убеждению, что наша стоянка может затянуться на весьма неопределенное время.

Наконец, 2 февраля я решил двинуться в путь задолго до рассвета и попытаться еще раз проехать перевал, прежде чем снег начнет таять.

Выехав из деревушки, в 4 часа утра при яркой луне, мы добрались до перевала в половине восьмого. Ничто не может сравниться с красотой этих узких покрытых снегом ущелий, ведущих на вершину хребта! Когда мы толкали наши машины по твердому снегу, то, время от времени нам встречались серые тени курдов, которые пронеслись, не принося нам вреда.

Английский консул в Керманшахе, до которого нам было еще 70 миль пути, ввел охрану дороги, пользуясь для этой цели самими-же курдами, сделав, таким образом, невозможным для всякого новичка разобраться в каждом встретившемся ему курде: друг-ли он, или враг. Во всяком случае, это было не так уже важно, ибо каждый курд был вашим врагом или другом в зависимости от обстоятельств.

Так или иначе, наличие этой романтической охраны, резиденции консула в Керманшахе, телефонные и телеграфные провода по сторонам дороги заставляли нас чувствовать, что даже в такой дикой местности мы не были совершенно отрезаны от цивилизованного мира. Правда, телеграфные и телефонные провода были оборваны, но столбы и изоляторы еще оставались на своих местах, и линия могла бы быть восстановлена без особых затруднений. Наши консула и управляющие банками действительно герои. При всех тревожениях и превратностях судьбы в эти годы войны, они (и с ними их отважные жены) стояли на страже своего флага в этих беспокойных уголках земного шара. Гонимые турками, терпя всякие неприятности от местных жителей, они часто бывали, принуждаемы спасаться бегством из насиженных мест, бросать все свое иму [17-18] щество и, возвращаясь снова, когда опасность миновала, продолжали честно выполнять свои долг перед империей.

На перевале мы продвигались со скоростью всего одной мили в час и то с большим трудом, перетаскивая машины на руках и выкапывая их из снега. К 7 часам утра мы были уже за перевалом. Перед нами лежала прекрасная дорога вниз по спуску. Худшая часть пути была пройдена. В Сурхадизе к нам присоединился легкий бронированный автомобиль, но так как по этой дороге могли двигаться только легкие форды, то нам пришлось его оставить на перевале.

До этого места пути мы неоднократно были свидетелями сцен голода и часто по сторонам дороги нам попадались трупы несчастных, сдавшихся в борьбе с голодной смертью. В районе Каринда, в 20 милях от Пан-Така мы встречали целые группы поселян, мужчин и женщин, работавших над исправлением дороги, под руководством Американского комитета помощи. Это было частью больших работ» организованных британским консулом в Керманшахе, с целью помощи голодающим. Из Каринда, после 20 миль пути мы прибыли, наконец, в Гарун-абад, покрыв все расстояние в 41 милю в 12 часов, т. е. делая приблизительно немногим больше 3-х миль в час.

В Гарун-абаде, типичной курдской деревушке, мы отлично провели ночь в одном из немногих уцелевших домов. Ночной покой наш ничем не нарушался, за исключением, визита осла, который пытался разделить с нами наши спальные апартаменты.

В половине 7-го 3 февраля мы двинулись по направлению к Керманшаху и проехали 40 миль в 7 часов.

Дорога большей частью пролегла по плоским равнинам, характерным для этой части Персии. Самую значительную из этих долин, Махи-Дашт, нам посчастливилось проехать еще утром. Долина эта, обычно, представляет собой море полужидкой грязи и в дождливую погоду совершенно непроходима.

У предместий города мы встретили двух кубанских казаков верхом на своих лохматых лошадках, высланных нам в качестве проводников. Это были бравые парни из партизанского отряда полковника Бичерахова. Поколесив по городу с этими проводниками, мы подъехали к большому персидскому дому, на [18-19] против британского консульства, где помещался Персидский имперский банк и Американская миссия. В этом доме было приготовлено помещение для нас, где мы могли получить ванну, в которой, действительно, ощущалась большая необходимость.

Я считаю необходимым указать здесь на полковника Бичерахова, эту поистине замечательную фигуру, ибо и он сам, и его живописные казаки имеют большое отношение к моему дальнейшему рассказу. Бичерахов - человек лет около сорока, хорошо сложенный, с военной выправкой. Он из осетинских казаков, одного из полудиких племен, типичных для северного Кавказа. Во время войны он блестяще нес службу и был ранен несколько раз. Его люди боготворят его, как бесстрашного командира.

В то время, когда мы встретились с ним, он командовал сводными частями казаков. Его люди, хотя и подверглись до некоторой степени разлагающему действию революционных частей, оставались верными личности Бичерахова, и их беззаветная преданность помогла ему совершить ряд блестящих по-

двигов. Почему русские называли эти части войск «партизанскими»*) - я не знаю. С этим отрядом был подполковник Клеттер-бек, из Индийской армии, работавший в качестве офицера связи. Он учился в России и был очень популярен среди казаков. Кроме этих войсковых частей, в Керманшахе была еще русская радиостанция, обслуживаемая одним из ново-зеландских отрядов.

Нас очень тепло встретила вся европейская колония и контраст между настоящим английским обедом в консульстве за столом, покрытым белоснежной скатертью, уставленным хрусталем и нашей ночевкой с дружелюбным ослом, заставлял нас блаженно улыбаться. Полковник Кеннион, известный путешественник и исследователь, является здешним представителем Правительства Его Величества. Госпожа Кеннион, которая де [19-20] лит с ним все трудности жизни - одна из тех смелых английских женщин, которые работают незаметно на пользу империи. Как ни очарователен был Керманшах, было невозможно задерживаться в этом городе, хотя было бы хорошо дать машинам отдохнуть сутки. И вот на другой же день в половине шестого утра, мы двинулись к Хамадану (103 мили) надеясь дерзко проделать это путешествие в 2 дня. Но с самого же начала нам не повезло. Едва мы отъехали с четверть мили, как у одного из автомобилей сломалась ось, починка которой задержала нас на целых полтора часа. Проехав несколько миль, мы достигли Бизитуна, в окрестностях которого на скале находится надпись, сделанная царем Дарием I; затем проехали через горбатый мост, взорванный турками, от которого уцелела лишь часть мостовой арки как раз достаточно широкая для проезда наших машин. Снега здесь уже не было, небо было голубое, и дорога была настолько прилична, что мой штабной офицер не удержался от рокового восклицания: «ну, мы уже покончили со всеми трудностями; теперь это похоже на увеселительную поездку». Это замечание было сделано на 40-й миле, а на 41-й мы подъехали к невысокому, но очень крутому подъему Санехского перевала, где нам снова пришлось тащить на руках наши машины на подъем, что позволяло нам делать одну милю в три часа. Начиная с 56-й мили машины опять покатались весело и вскоре мы достигли Кангавара, где около развалин какого-то храма, времен классической Греции, нас встретил маленький русский отряд. Нам предложили, по обычаю русского гостеприимства, горячий обед.

Время шло: было уже 4 часа пополудни, а нам еще предстояло проехать 22 мили.

Было ясно, что если мы задержимся здесь, то с наступлением темноты мы наверняка столкнемся с каким-нибудь неприятным препятствием. С другой стороны, мы могли и вовсе не добраться до цели сегодняшнего путешествия, а потому пренебрегать возможностью угостить сытным обедом наших шофферов было бы не предусмотрительно. Кроме того, мы имели с собой проводника в лице поручика русской армии Георгиева, который был назначен полковником Бичераховым, сопровождать нас до самого Хамадана; это был чрезвычайно [20-21] нужный человек; без его помощи мы едва ли добрались бы в ту ночь до Асад-абада.

Итак, поддавшись искушению, мы снова снялись с якоря в пять часов пополудни. Вскоре наступила темнота мы еле различали проселочную дорогу, по которой двигались. Сонные шофферы едва ехали, и в 8 час. вечера я хотел было уж сделать привал в долине. Ночь была исключительно хороша и ничто не предвещало перемены погоды. К счастью, как это видно будет из дальнейшего, я решил двигаться дальше и вскоре мы приехали в Асад-абад, где устроились сами и дали приют машинам в довольно чистом каравансарае. Мы мгновенно уснули, предвкушая на завтра удовольствие раннего выступления. Подъем на крутизну высотой в 7.600 футов и прятный въезд в Хамадан после 25-ти миль пути! Шофферы проработали в этот день 18 часов и мечтали не меньше нас отдохнуть день-другой в удобной обстановке. Это было вечером 4-го февраля, автомобили же попали в Хамадан только лишь 11-го.

Я встал в 4 часа утра, чтобы посмотреть готовятся ли к отъезду. Представьте себе мое изумление и ужас, когда я увидел, что земля была покрыта слоем снега в целый фут толщиной и снег продолжал валить тяжелыми хлопьями. Первым моим чувством было чувство благодарности провидению, что мы не остановились на начлег в открытом поле; если бы мы это сделали, то, должно быть, теперь застряли бы там основательно. Следующим моим чувством была досада на неминуемую задержку как-раз тогда, когда надо было стараться выиграть время. «Увеселительная поездка», действительно... Нет, уж позвольте мне на этот раз не согласиться с мнением моего штаба.

Целый день мы провели в попытках расчистить путь, но чем дальше мы продвигались, тем снег начинал валить сильнее и наша работа шла насмарку. На третий день, 6-го февраля, мы наняли для этой работы целую толпу крестьян, но все безрезультатно. А снег все продолжал идти.

7-го февраля я решил проехать верхом за перевал вместе с одним из офицеров штаба. Раздобыв двух приличных лошадок и местного проводника, полковник Дункан и я пустились в путь ранним утром. Мы достигли деревни Загех по ту сторону перевала около полудня; оттуда, мы продолжали свое

*) Слово «партизаны» встречается также и у белогвардейцев. Так называются те отряды специального назначения на Балканах, которые имеются у турок - «комитаджи», у греков - «андарти», а у нас «нерегулярные части». (Прим. издателя).

путешествие [21-22] на русском автомобиле с поручиком Зипаловым, который был выслан к нам на встречу из Хамадана.

Целью моей поездки в Хамадан было организовать помощь застрявшему отряду (хотя тем временем машины были вытянуты на веревках), а также повидать некоторых нужных мне лиц, ожидавших меня там. Прежде всего, в Хамадане находился генерал Оффлей-Шор, недавно вернувшийся из Тифлиса. Он мог бы дать мне последние сведения о положении вещей в Закавказьи. Майор сэр В. Бартело и капитан Гольдсмит, которым был дан приказ сделать рекогносцировку и озаботиться снабжением бензина, должны были бы быть тоже в Хамадане. Кроме того, можно было получить очень ценные сведения от местного консула Мак-Дауля и управляющего банком Мак-Муррея. Там же, в Хамадане, я должен был встретиться с генералом Паратовым, командовавшим в последнее время победоносной русской армией в Персии.

В то время он еще оставался на малоприятном посту командира революционных войск, которые не слушались никаких приказов.

Проблема эвакуации этих дезорганизованных частей была чрезвычайно трудна. Эвакуация и при нормальных условиях бывает всегда достаточно затруднительной, но когда войска перестают слушаться своих начальников, то эвакуация делается почти невыполнимой. Главное затруднение заключалось в том, что каждый отдельный солдат горел нетерпением попасть скорей домой и потому пускался в путь в одиночку, не подчиняясь никаким распоряжениям.

С генералом Баратовым был еще английским офицер связи, полковник Рауландсон.

В Хамадане мы комфортабельно устроились в помещении банка. В этом же доме остановились майор Бартело, капитан Гольдсмит, генерал Шор и др.; прелестная же и неутомимая хозяйка дома готова была оказать гостеприимство еще многим.

Несмотря на все превратности судьбы и смуту в Северной Персии, Хамаданское отделение банка продолжает стоять подобно путеводному маяку, никогда не отказывая в убежище и гостеприимстве, будучи в то же время фокусом всех местных политических новостей. [22-23]

Первым делом нужно было отправить капитана Гольдсмита обследовать дальнейший путь к Энзели и озаботиться насчет бензина. Он выехал на следующий же день, и судьбе было угодно, чтобы мы с ним больше не встретились. Так как он ехал один по дороге, запруженной отступающими русскими войсками, то он не привлекал к себе ничьего внимания и, будучи сам любителем опасных приключений, прибыв в Энзели, отправился дальше в Баку, прежде чем успел навлечь на себя чье-либо подозрение. Вследствие того, что мой отряд прибыл в Баку семь месяцев спустя, возможность нашей встречи была весьма проблематична, да к тому же он тем временем присоединился к полковнику Пайку на Северном Кавказе.

11-го февраля автомобили проехали, наконец, перевал... Прибыв в Хамадан, офицеры и нижние чины были необыкновенно радушно встречены американскими миссионерами, которые едва-ли могли бы оказать больше гостеприимства даже своим близким. Удобные помещения были подысканы для всех, машины были приведены в порядок, и все было готово к дальнейшему путешествию, когда вдруг снежный занос снова блокировал Султан-Балугский перевал, лежавший на нашем пути, сделав невозможным дальнейшее продвижение до 15-го февраля. В этот день мы выехали в половине седьмого утра и на этот раз двигались по хорошей дороге, проложенной русскими, имея все шансы на успешное продвижение вперед. Надежды наши на этот раз вполне оправдались. Снег опять было вздумал мешать нам, но отступающие русские, желая скорей попасть домой, работали так усердно, как, должно быть, никогда в своей жизни, и мы скоро преодолели завалы. Мы проехали перевал без больших затруднений, при отличной погоде и достигли Азеха (175 миль пути) к двум часам пополудни, делая в среднем по 10-ти миль в час. На следующий день, 16-го февраля, мы прибыли в Казвин, где опять были радушно приняты отделением Персидского имперского банка, здешним представителем которого являлся г-н Гудвин. Казвин, с населением около 50.000 чел. является одним из сравнительно недавних больших городов Персии. Он лежит у скрещения Энзели-Тегеранской дороги с дорогой, по которой приехали мы. Здесь, прежде чем двинуться дальше к Каспию, где мы, возможно, покинули бы окончательно берега Персии, - [23-24] было весьма полезно посоветоваться с сэром Чарльзом Марлингом, английским полномочным министром в Тегеране. При дальнейших операциях на Кавказе было необходимо детальное знакомство с положением дел в Персии, а потому мне было очень важно выслушать по этому вопросу просвещенное мнение министра.

Население Казвина не особенно радушно встретило нас. В Хамадане нам еще улыбались, но когда мы въехали в Казвин, то были приветствуемы только хмурыми лицами; население, правда, не делало никаких враждебных выступлений, ограничиваясь лишь организацией анти-британских митингов в мечетях, где выносились угрожающие резолюции. Наш отряд из 12 офицеров, двух писарей и 41-го шоффера, конечно, не был значителен. Но процессия, состоявшая из 41 автомобиля производила обманчивое впечатление больших сил и к тому-же с нами следовал бронированный автомобиль лейтенанта Сингера,

который присоединился к нам в Хамадане. Возможно, впрочем, что появление именно бронированного автомобиля могло воплотить резолюции в активные действия, но это могло бы вызвать нежелательные последствия.

В Казвине мы узнали, что дальнейшее путешествие немислимо. Мирза Кучук-хан, вождь гилянцев, через район действия которого нам нужно было проехать, объявил, что не намерен пропускать англичан: его Комитет действовал совместно с Комитетом большевиков, которые также решили не пропускать нас. Так как до сего времени все гранитные препятствия оказывались в результате не более как папиросной бумагой, то и в данном случае нужно было попытаться осилить это «невозможное». Я отдал распоряжение двинуться в дорогу на следующее утро.

Теперь необходимо дать краткое описание этого «джангальского» или «гилянского» движения.

Эльбурсские горы, самая высшая точка которых гора Демавенд, близ Тегерана, поднимается на высоту 18.000 футов над уровнем моря, образуют стену, отделяющую персидское плоскогорье от Каспийского моря. Горные хребты отстоят от морского берега приблизительно миль на 50; пологие склоны, постепенно спускающиеся к морю, покрыты прекрасным густым [24-25] лесом. Вся эта область делится на две провинции: Мазандаран, составляющую восточную половину и Гилян - западную. По последней из этих провинций лежит путь, соединяющий Персию с Европой через Каспийское море. Решт, главный город провинции Гилян, расположен по этой дороге милях в 20-ти от порта Энзели - Казиян, двойное название которого требует объяснения.

Самая гавань образована двумя песчаными косами, имеющими подобие гигантских ножниц и заключающих в себе неглубокую лагуну. На западной косе расположен старый персидский город Энзели, на восточной-же - новый русский город Казиян, выстроенный русскими в связи с заключением с Персией ценных торговых концессий. Всего несколько сот ярдов водного пространства отделяют эти два города. В Казияне расположены почти все судостроительные верфи, в Энзели-же находятся торговые помещения, банки и гостиницы, здесь и ведется вся торговля.

Жителей Гиляна называют еще «джангалами» только потому, что они живут в лесистой местности или иначе - джунглях. Но это название сбивает только с толку и дает представление чего-то дикого и свирепого, тогда как гилянцы в действительности не дики и не свирепы.

Так называемое «джангальское» движение было организовано известным революционером Мирза Кучук-ханом, честным и добросовестным идеалистом. Его программа заключает в себе те-же заезженные несносные лозунги свободы, равенства и братства. «Персия для персов» и «долгой иностранцев», конечно, также фигурируют в ней. Дальнейшее перечисление всех этих лозунгов было бы бесполезно, так как они и без того настолько-же известны, - насколько и ложны, и мир давно уж устал от них.

Следующий акт этой пьесы также стереотипен. Кучук-хан назначает Комитет действия, который сейчас сменяет власть Кучука, которому все еще кажется, что он предводительствует, тогда как его только выталкивают вперед. А эти Комитеты, предводительствуют ли они или их тоже подталкивают? Ответ на этот вопрос даст нам ключ к пониманию таких вещей, как немецкие и турецкие агенты и их пропаганда. Войска Кучук-хана находятся под командой германского офицера - фон-Пас [25-26] шена и обучаются у австрийских инструкторов. Турецкие пулеметы и патроны составляют главную часть снаряжения его армии. Таким образом, мы имеем, прежде всего, вождя Кучук-хана - не очень образованного энтузиаста чистейшей воды. За его спиной действует Комитет, каждый член которого преследует свои собственные цели. За спиной Комитета работают, с одной стороны, немцы, обещающие денежные выгоды, с другой - турки, с призывом к религиозному фанатизму и с парой пулеметов. Кто-же здесь является вождем? Теперь мы можем уяснить себе отношение гилянцев к русским. Чувство большинства населения Северной Персии к русским может быть определено, как чувство крайней ненависти, но вспыхнувшая революция, провозглашение пресловутого братства народов, а главное, уход русских войск заставили их временно забыть эту ненависть. Кучук-хан только может радоваться уходу русских из Персии (он надеется, что они уйдут навсегда) по Гилянской дороге. Это обстоятельство дает ему возможность скупать у них за бесценок громадные запасы оружия и амуниции. Поэтому то движение русских войск старались облегчить всеми способами и соединенные Комитеты большевиков и джангальцев распоряжались в Энзели, движимые одним намерением препятствовать продвижению англичан: большевики, главным образом, потому что они воображают, будто англичане затягивают войну, джангальцы же потому, что, свергнув, наконец, иго русских, они боятся, как бы англичане не заняли их место, да к тому же у них есть лозунг «Персия для персов» - и те и другие действуют вместе, потому что являются жертвами (но большей частью бессознательными) ловкой пропаганды.

Мирза Кучук-хан говорит, что у него 5000 солдат и, пожалуй, у него наберется такое количество вооруженных людей. Какое же число он выставил на поле сражения, и какова была их боеспособность - это вопросы, на которые дадут нам ответ последующие события. [26-27]

Г Л А В А ІІІ

Море! Море!

КАК только наш отряд на рассвете 16-го февраля проехал за Рештские ворота Казвина, все пришли в хорошее настроение при мысли, что завтра к вечеру последние препятствия будут преодолены и наш отряд, наконец, погрузится на пароходы, держа курс на Баку. На самом же деле не было никаких оснований полагать, что мы проедем благополучно.

Напротив, дела были скверны, как никогда. Но в нашем отряде не было пессимистов, и все были убеждены, что все трудности будут преодолены.

Начиная с самого Хамадана, вся дорога была запружена русскими войсками, двигавшимися в беспорядке. Казвин был буквально переполнен ими. В общем, они были довольно миролюбиво настроены, но их толпы являлись препятствием на нашем пути.

Погода нам благоприятствовала. Снега не было, и мы проехали последний знаменитый перевал у Буйнака, в 30-ти милях от Казвина, без всяких затруднений. Здесь точно так же, как и на Султан-Булакском перевале, уходящие русские отлично расчищали нам дорогу через снежные завалы.

От Буйнака до Менджиля, 40 миль, дорога пролегает по пустынной долине, иногда пересекая реки, через которые перекинута хорошие мосты; затем дорога приводит на открытую долину Менджиля, где несколько групп очень старых оливковых деревьев способствуют разнообразию унылого ландшафта; на ночь для нас было приготовлено помещение в маленькой сторожке русского дорожного отряда, где широковещательные объявления о «Гранд Отеле» в Тегеране с «французской кухней» делали нашу солдатскую похлебку менее вкусной, чем обыкновенно. [27-28]

Единственным препятствием на нашем пути были русские войска; их транспорты состояли, главным образом, из огромных персидских арб, запряженных четверкой лошадей; такого рода экипажи не легко было объехать на узкой горной дороге. Войска были веселы и не проявляли по отношению к нам никаких признаков неприязни. До сего времени житье, у них было приятное и, так как все люди сделались братьями, они искренно желали такого же хорошего житья и всем. Принципы свободы и братства с особенным рвением были применяемы к домашней птице и к прочей живности, если она попадалась не вдалеке от дороги; однообразие переходов нарушалось стрельбой по изоляторам на телеграфных столбах или состязанием меткости стрельбы по воронам. Походного порядка никто не соблюдал, за исключением иногда частей кавалерии. Отдельные группы солдат шли по двое или по трое в ряд и время от времени какой-нибудь уставший солдат просил нас подвезти его, а иные сами без спроса, пытались вскочить на ходу сзади на автомобиль, что обыкновенно кончалось неудачей.

В сарае, куда мы проникли по специальному разрешению, чтобы запастись бензином для дальнейшего путешествия, мы были окружены толпой солдат, которые занимали нас любопытными расспросами. Солдаты хотели узнать, куда мы направляемся. Я отвечал: «В Энзели». - А зачем? - «Это будет зависеть от обстоятельств; мы хотели помочь вам, нашим союзникам». Здесь следовала неизменная фраза: «Мы вам не союзники; мы заключили мир с Германией, а вы только хотите затягивать войну». Эту фразу повторяли все, как попугаи; надо полагать, что их выучили этому кое-какие пламенные пропагандисты.

Всех интриговали действительные цели нашего присутствия здесь, и большинство склонялось к тому мнению, что мы приехали сюда неспроста. Крестьянская натура вообще подозрительна, а натура русского крестьянина - в особенности, и добродушный англичанин к несчастью имеет в России репутацию хитреца; таким образом, к нам относились со смешанным чувством подозрения и недоброжелательства, несколько умеряемым их природным миролюбием.

Менджиль расположен у начала той долины, что тянется [28-29] на протяжении 50 миль по направлению к Каспийскому морю через Решт и узкий проход в горах, по которому река Сефид-Руд или Белая река - кстати сказать, она почти всегда бывает красной - течет к морю. Этот проход образует нечто вроде воронки, открытой северным ветрам, которые постоянно дуют здесь летом и делают Менджиль местом совершенно невозможным для жизни. К счастью этих ветров не бывает в зимние месяцы, иначе нам пришлось бы скверно. У нас нашлось немного времени, чтобы побродить по окрестностям, но вскоре наступила темнота и мы были рады поводу лечь пораньше спать, чтобы отдохнуть, как следует, прежде чем пускаться в дальнейшей тернистый путь.

На следующий день, 17-го февраля, мы пустились в путь при отличной погоде, чтобы проделать последнюю и самую тяжелую фазу нашего путешествия, имея перед собой приятную перспективу, пере-

сечь Каспийское море к завтрашнему утру, если только судьба будет благоприятствовать нам. Но мы вскоре убедились, что судьба, напротив, необыкновенно много способствовала тому, чтобы отдалить нас от моря.

Прелестная дорога на расстоянии 75 миль от Менджиля к морю описана всеми путешественниками, а потому и я принужден воздать ей должное. От самой дорожной сторожки дорога начинает извиваться вниз по пологому склону на протяжении полутора миль до самого Менджильского моста через реку Сефид-Руд; отсюда уже начинается последний спуск к морскому берегу. Прочный мост из камня и железа пересекает реку в самом углу Т - образного горного ущелья, в котором дорога поворачивает к северу. Пересекши реку, дорога следует на расстоянии 40 миль по левому берегу реки, пока не достигает равнины. Затем она слегка поворачивает налево и от этого моста еще остается около 52-х миль до Решта и около 70-ти до Энзели.

В этом ущельи, что сейчас же за Менджилом, каждый солдат невольно задумывается над необыкновенными естественными препятствиями, которые образует этот горный проход: всякая армия могла бы противостоять здесь превосходным силам противника. Шоссе местами высечено прямо в скале; по левую сторону дороги высятся отвесные скалы, а по правой - [29-30] крутой обрыв к бушующим стремнинам Сефид-Руд, непроходимым ни в какое время года. Скалистые выступы и крутые утесы с правой стороны дороги представляют собой отличное прикрытие для того, чтобы не допускать перехода войск по дороге и всякое движение по ней может быть остановлено огнем с обеих сторон реки.

Здесь, хотя и чувствуется, что Персия осталась позади и что попадаешь уже в совершенно другую страну, но настоящих лесов еще нет. Нижние холмы все еще голы, хотя и встречаются кое-где на них группы деревьев. Рощи оливковых деревьев окаймляют шоссе и ими же покрыты некоторые горные ущелья. Выше же виднеется полоса хвойных и дубовых лесов.

Настоящие же леса начинаются только на 20 миле от Менджиля; миновав русскую заставу у Нагобара, мы въехали в густой лес. Здесь нам уже кажется, что мы не только оставили позади себя Персию, но и вообще Азию: остановившись для починки автомобиля у поросшей мохом прогалины, мы нашли примарозы и цикламены, только что показавшиеся из земли, а дальше нам попались на пути фиалки и подснежники. Деревья еще стоят без листвы, за исключением нескольких вечнозеленых пород, с автомобиля трудно было различить породу дерева, но мы сумели заметить каштан и какие-то породы, напоминающие бук; из низкорослой растительности главным образом встречался кизил.

У Имам-Заде - Хазима, милях в сорока от Менджиля, горы внезапно исчезают и уже отсюда до самого Энзели шоссе идет по ровному месту; сначала лесом и рисовыми полями, а дальше, ближе к Энзели, дорога пролегает через пастбища и песчаные дюны.

Трудно было надеяться, что свирепый Кучук-хан даст нам возможность безпрепятственно проехать через ущелье, а потому необходимо было позаботиться, чтобы все наши военные средства были бы наготове при первом-же признаке враждебных действий. У нас был единственный шанс проехать благополучно, это - действовать быстро и решительно. Но с другой стороны, лучше было предоставить сделать первый выстрел джангалийцам, так как до первого выстрела мы могли бы бла [30-31] гополучно проскочить. Проскочить, конечно, лучше, нежели сражаться, особенно когда имеешь так мало сил-

Бронированный автомобиль под командой лейтенанта Сингера шел впереди; капитан Гупер, с пулеметом Люиса следовал за ним и каждый шоффер имел наготове винтовку и сто обойм патронов. Мы часто останавливались, чтобы держаться ближедруг к другу.

В лесной полосе мы не встретили никаких признаков сопротивления, но, приближаясь к Решту, мы наткнулись на хорошо вооруженных и свирепо выглядевших всадников. Увешанные бандерильями патронов, с маузерами за поясом, эти люди выглядели так, будто они затевали какое-то дело. Но Персия - страна, где вещи делаются в одно мгновение ока, и прибегать к другим способам действий не следует, пока момент еще не упущен.

В Реште мы остановились на полчаса, чтобы повидать на шоссе английского консула, г-на Макларена, и его русского коллегу, г-на Григорьевича. Английский консул вместе с г-ном Окшотом, управляющим отделением Персидского имперского банка, отважно оберегают свои флаги, несмотря на все превратности судьбы. После того, как Кучук-хан объявил себя врагом англичан, нужно было иметь хорошие нервы, чтобы оставаться в столице джангалийцев. Вскоре после того я узнал, оба они были взяты в плен и им приходилось скверно в руках гилянцев, пока им не удалось бежать.

После короткого, но весьма полезного разговора с ними машины снова двинулись в путь. Мы проехали Решт и покрыли оставшиеся 20 миль до Энзели очень быстро и без всяких инцидентов, все время ломая голову над тем, почему нам дали возможность проехать безпрепятственно после стольких угроз по нашему адресу.

Приблизительно за час до захода солнца близость моря обнаружилась присутствием песчаных дюн и еще немного - «Осанна! Осанна!» - вдали завиднелись голубые воды и скоро мы въехали в окрестности Каазиана.

Теперь нам предстояло узнать, как нас примут большевики и прочие революционеры. В сущности говоря, мы больше ожидали, что к нам отнесутся не столько враждебно, сколько с [31-32] простым любопытством, хотя с некоторой враждебностью к нам относились большевистские власти (довольно многочисленные) и небольшая часть истинных анти-британских агитаторов. Руководящее начало принадлежало, конечно, власти имущим, и нам оставалось только узнать, какую они займут позицию. В это время в городе находилось около 2000 русских войск, и как только мы остановились у здания персидской таможни, все 2000 человек окружили нас и с любопытством следили за нами, не проявляя никаких враждебных чувств.

Таможни в Персии управляются всецело бельгийскими чиновниками. Г-н Гунин, который, в качестве начальника таможни, занимал здесь с женой и детьми целое здание, принял нас очень любезно.

Он разместил нас у себя следующим образом: я должен был жить вместе с г-ном Гунином, автомобили были поставлены во двор таможни, шоффера разместились тут же у машин под навесом, а офицерам было предоставлено удобное помещение на рыбных промыслах, в расстоянии одной мили от нас

Более неудобного расположения трудно было себе представить. До сего времени на каждом привале мы жили все вместе, офицеры и солдаты, под одной крышей и одна общая еда приготавливалась нам нашим неутомимым и жизнерадостным поваром, рядовым Пайком. При таких условиях, чтобы ни случилось, мы могли всегда посоветоваться друг с другом, но теперь, разбросанные по всему Казиану, мы не сумели бы действовать сообща в случае тревоги.

Но в этот поздний час, нельзя было и думать о каком-нибудь другом расквартировании, и поэтому я согласился на предложение, приняв лишь кое-какие меры на случай тревоги. От одного мне пришлось категорически отказаться, это от радушного приглашения остановиться в доме г-на Гунина, так как я решил во чтобы то ни стало быть с моими офицерами, в помещении рыбных промыслов. Никто, конечно, не думал о комфорте, все желали только безопасности.

Тем не менее, я не мог быть настолько суровым, чтобы отказаться от приглашения, присланного мне и моему штабному офицеру, отобедать у Гунина. [32-33]

Автомобили вскоре были поставлены во двор таможни, но туда же набилось столько народу, сколько там могло поместиться. Как было спровадить их?

Казалось, этого было легче достигнуть убеждением, и потому капитан Саундерс и я начали разглаговльствовать с толпой, которая очень заинтересовалась нашими сообщениями и окружила нас со всех сторон. Тема была проста. Мы сообщали о последних новостях войны, мы соглашались с ними, что свобода вещь хорошая и признавали, что все люди должны быть товарищами; В английской армии, во всяком случае, офицеры и нижние чины всегда смотрели друг на друга, как на товарищей.

Задаваемые нам вопросы были всегда стереотипны: был ли значек (корона, увеличенная львом) на фуражке капитана Саундерса тем же самым, что и персидский герб? Когда же, наконец, кончится война? Россия ведь уже кончила ее. Таким образом, приятно беседуя, мы подошли к воротам, прошли под аркой и вышли на площадь, толпа следовала за мной, как за пророком. Затем, во время непрекращавшегося разговора, мы тихонечко закрыли ворота и поставили часового.

Теперь можно было спокойно пройти к докам, и посмотреть на каких пароходах нам продолжать наше путешествие; но мы не могли сделать ничего большего, как только заметить названия судов и примерно определить их вместимость, так как громадная толпа прислушивалась к каждому нашему слову и мешала нам свободно двигаться. Поэтому первой нашей заботой было избавиться от толпы, что нам и удалось сделать, отправив наших людей под навесы и укрывшись самим в зданиях рыбных промыслов. Здесь, пока мы занимались нашим туалетом, толпа, на этот раз настроенная враждебно, снова собралась перед нашим домом. Однако прежде чем мы смогли предпринять меры, чтобы столкнуться с этой публикой, какой-то власть имущий дал знать, что, мол, «еще рано» и толпа понемногу рассеялась.

Собравши, таким образом, секретные сведения о флоте и приняв меры к наведению справок о местном положении дел, мы приготовились отправиться на обед, который пришелся как раз не вовремя. В этот момент, какой-то невзрачного вида [33-34] субъект принес нам внушительно выглядывший пакет от «Революционного Областного Совета» и дальше «Военно-Революционного Комитета Восточно-Персидского (sic!) участка Кавказского фронта». Записка заключала следующее: «Комитет просит вас явиться на чрезвычайное заседание Комитета для объяснения причин прибытия миссии и автомобилей». Время не было обозначено, и я решил, что если я сначала пообедаю, то у меня будет время обдумать это приглашение. Итак, мы решили сначала пообедать, а затем посмотреть, что произойдет.

Обед был действительно отличный, и мы уже кончили с ним, как вдруг за дверь послышались чьи-то торопливые, тяжелые шаги и слуга-перс, взволнованный, вбежал в комнату с докладом, что в дом явился «Революционный Комитет», требуя английского генерала. Я успокоил хозяйку, которая пришла в ужас при этом известии и, встав из-за стола, пошел встретить своих посетителей, которых я ожидал увидеть не менее полдюжины. Войдя в кабинет, я был удивлен, увидев всего двух представителей - тов. Че-

лябина*), бывшего писаря паровой конторы, а теперь председателя большевистского комитета в Энзели и какого-то смуглого матроса в форме.

Я сейчас, же горячо пожал им руки и попросил их сесть, прежде чем начать следующий разговор:

- «Разрешите узнать, чем я могу быть вам полезным?»

- Мы отправили вам записку с приглашением явиться на заседание Комитета и объяснить ваше прибытие сюда и ответить еще на кое-какие вопросы. Разве вы не получали записки?

- «Я получил записку, но так как в ней не было указано время, я ждал более обстоятельного приглашения».

- Мы хотим, чтобы вы отправились с нами сейчас и дали объяснения Комитету, который ждет вас.

- «Комитет должно быть также устал, как и я, после дневной работы и я полагаю, что если бы мы смогли собраться завтра часам к 11-ти утра, мы смогли бы обсудить обстоятельно все вопросы. Пока что я могу сказать вам, что мы движимы только лишь чувством дружбы к России и не имеем никаких намерений разводить контрреволюцию». [34-35]

Затем я выразил мое удивление и сожаление по поводу общего положения вещей. Я ожидал от них теплого отношения и был уверен, что завтра утром мы сможем рассчитывать на всяческое содействие с их стороны. Мне хотелось только поскорей объяснить им, в чем дело, так как я знал, что мы сговоримся по всем пунктам. Я очень благодарил их за то, что они взяли на себя труд прийти ко мне и, выкурив папиросу и обменявшись комплиментами (собственно это был не совсем обмен, так как комплименты были больше с моей стороны), мы еще раз пожали друг другу руки и расстались, с выражением обычной русской вежливости.

Я очень желал, чтобы до встречи с Комитетом мы сумели бы кое что разузнать о местных условиях и о перспективах морского путешествия. Для меня было очень важно стать в курсе дела, прежде чем вступать в переговоры. При отличном знании условий с их стороны и полном невежестве с нашей, мы могли легко попасть впросак.

Я вернулся в столовую и рассеял, все опасения г-жи Гунин, которая думала, что меня поведут на немедленную казнь. Обед скоро кончился и после великолепной сигары, мы удалились. Ночь только началась, и нам было еще много о чем поразмыслить, прежде чем отправиться на отдых.

Прежде всего, я получил сведения о флоте. Два парохода были подходящими и желательными; но частных судов больше не было: все были «национализированы» и находились в распоряжении большевистского правительства. Всякая мысль о возможности сесть на суда под прикрытием темноты и удрать - должна была быть оставлена. Следующим вопросом был вопрос о вместимости судов. Обыкновенный пароход мог бы взять от 100 до 500 человек, но ни один из них не мог взять более 10 автомобилей. Таким образом, если бы мы решили улизнуть на одном пароходе, то принуждены были оставить 31 машину на берегу; одного этого обстоятельства было достаточно, чтобы отнестись отрицательно ко всем планам тайного отъезда.

Другие результаты разведки были также мало обнадеживающими, и дело было похоже на то, что мы должны были столкнуться с перспективой не смочь двинуться ни вперед, ни назад.

За нашим домом наблюдали со всех сторон и около каж [35-36] дого угла здания было поставлено по часовому, дабы предупредить все подозрительные действия с нашей стороны. Эти часовые ставились каждую ночь за все время нашего пребывания в Энзели.

Завтрашний день должен был решить многое, так как я надеялся, что мы сможем договориться с Комитетом. И до сего времени уверен, что мы сумели бы столковаться, если бы не Кучукханские эмиссары и немецкие агенты, которые вмешались в это дело и принудили Комитет занять враждебную позицию по отношению к нам.

Ночью начался дождь. Проснувшись утром 18-го февраля, мы увидели хмурое, пасмурное небо и туман, застилавший всю окрестность. Мы сейчас же принялись за дело. Наше появление в городе снова привлекло общее внимание и, кроме толп зевак, за каждым нашим шагом следили еще и комитетские фланеры. При таких условиях было трудно получить какие-либо справки прямыми путями и нам приходилось больше прибегать к услугам тайных агентов, из которых один или двое работали, весьма добросовестно, но их донесения были часто неточны и преувеличены.

В 11 час. утра, капитан Саундерс и я аккуратно явились в маленький домик, где происходило заседание Комитета. Поднявшись по деревянной лестнице, мы попали в набитую народом приемную, где солдаты и матросы, курили и болтали, равнодушно оглаживая вновь прибывших. Вскоре отворилась дверь в следующую комнату и тов. Челябин вышел нам навстречу с протянутой рукой, но с официальным выражением лица, приличествующим серьезности момента. После торжественных рукопожатий, он проводил нас в соседнюю комнату, где мы предстали перед лицом грозного Комитета.

*)Челябин не был партийным, но сочувствовал нам. *Прим. Ред.*

При нашем появлении общего вставания не последовало, но каждый вставал или приподнимался при необходимом рукопожатии, и все указывало на общее желание быть любезными, оставаясь, однако, строго официальными. Члены Комитета были большей частью молодые люди в солдатской и матросской форме; куртки почти у всех были застегнуты по горло.

Отсутствие среди революционных главарей людей с опытом ведет ко многим ошибкам, которых избежали бы люди, умуд [36-37] ренные опытом. Но молодость всегда скажет свое слово, и у всех времен и народов в дни революции чувствовалась струя молодости, знающей все в противоположность старшим, которые считаются анохронизмом, неспособным понять блестящих планов новых реформ. Но хорошо быть молодым, и в брожении молодости, может быть, и есть нечто ценное для жизни.

Я не мог сказать всего этого Комитету в Энзели, хотя мне очень хотелось это сделать. Время не терпело, и мне нужно было скорей покончить с делом.

Нам предложили сесть у стола, и заседание открылось короткой речью Челябинина, в которой он сообщил Комитету, что вот, дескать, английский генерал приглашен на это заседание, дабы дать объяснения по поводу своего внезапного появления и вообще изложить дальнейшие намерения своего отряда.

Я ответил, как я излагал раньше вкратце, что удивлен их отношением, что мы хотим только помочь им и что нам больно было встретить такой плохой прием, какой был нам оказан.

Мне нужно было быть очень осторожным в своих ответах на кучу вопросов, задаваемых мне. Моим искренним желанием было, естественно, говорить правду, но говорить правду не всегда легкое дело, когда тебе доверены государственные тайны, еще трудней было в данном случае, где было необходимо сохранить в строгом секрете задачи миссии, и было ли неосмотрительно разглашать подробности наших планов перед этим враждебно настроенным собранием, подвергшим нас перекрестному допросу.

Трудность положения была внезапно рассеяна любезным председателем, который сообщил мне, что он знает уже о наших планах поездки в Тифлис и предполагаемой помощи грузинам и армянам продолжать войну. Ему, очевидно, не терпелось показать мне поскорей всю беспомощность нашей миссии, ибо он уже знал о ней так много; но ему гораздо лучше было бы использовать свою осведомленность несколько позднее, когда бы надавал ему ложных сведений и тогда уже устроить свой фейерверк.

Казалось, большевики были отлично осведомлены из Тифлиса о целях нашей миссии и о времени нашего вероятного прибытия в Энзели и имели решительный приказ задержать нас, во что бы то ни стало. [37-38]

Результаты заседания можно было свести к следующему: Комитет объявил, что Россия нам больше не союзник. Россия заключила мир с Германией, Турцией и Австрией и не доверяет ни Англии, ни тифлисцам, которым мы собираемся помогать. В Энзели телеграфные и телефонные линии, а также и радиостанция и нефтепродукты находятся в их распоряжении. Все судоходство в их руках и вооруженная канонерка готова в любую минуту открыть огонь по судну, покидающему порт без их разрешения. Они запрещают нам делать какие бы то ни было попытки достичь Баку. Баку - в руках большевистского правительства и там уже, узнав о нашем приезде, по радио дано приказание задержать нас, во что бы то ни стало. Для России война кончилась, и они не намерены покровительствовать миссии, которая собирается затягивать войну.

Со своей стороны я заявил, что мы намерены лишь помочь России, не вмешиваясь ни в какие политические дела; что я, несмотря на все их угрозы, собираюсь проехать в Баку, что у нас достаточно пулеметов, чтобы преодолеть любое сопротивление и что я не признаю за большевистским правительством права мешать нашему продвижению.

Я ожидал, что мое заявление поведет к нашему аресту, и хотя некоторые члены и склонялись к этому, но единодушия не было и я, воспользовавшись этим обстоятельством, встал и, попрощавшись, как ни в чем не бывало, беспрепятственно оставил помещение вместе с капитаном Саундерсом.

Остаток дня был проведен в поисках возможностей раздобыть широкие перевозочные средства. Наш визит в порт заставил нас потерять на это всякую надежду. Все суда были строго охраняемы, и канонерка внушительного вида имела свои орудия наготове.

Окруженным большевиками и джангалийцами, имея большевиков впереди себя и Кучук-хана, поджидающего нас на обратном пути, было не легко найти выход вперед или назад. Одно лишь было вполне достоверно, что чем дольше мы будем медлить, тем меньше у нас будет возможности выбраться. Однако необходимо было еще подождать, по крайней мере, дня два в надежде, что авось что-нибудь да изменится. По правде говоря, я ждал каких-нибудь признаков помощи от наших дру [38-39] зей с того берега, хотя бы каких либо указаний на то, что, прибыв в Баку, мы сможем рассчитывать даже на самую маленькую помощь. Там были такие, которые без сомнения ждали нашего приезда, и которые, особенно армяне, могли бы послать сюда каких-нибудь эмиссаров помочь нам двинуться дальше.

Но часы шли, и никаких признаков подмоги не было. Было очевидно, что ждать помощи оттуда - бесполезно. Мой позднейший опыт научил меня, что эта публика всегда рада просить о помощи, но, просив ее, она сидит, сложа руки и, когда помощь приходит, они радостно встречают ее и говорят: «Ну,

теперь мы даем вам полную свободу действий; делайте, как знаете, а мы посидим и поглядим, как здорово вы это сделаете». Так именно и произошло, когда мы, наконец, через шесть месяцев попали в Баку.

Большую часть ночи я просидел, обдумывая положение, разбираясь в информационном материале, добытом за день, взвешивая все за и против каждого возможного решения вопроса.

Мы могли бы рискнуть овладеть судном и ударить от канонерки. Я знал один способ, который часто удавался, остановить огонь с канонерки. Я пришел к выводу, что налицо есть достаточно шансов успешного завершения подобного плана, но, тем не менее, его приходилось отвергнуть ввиду того, что один пароход мог взять только 10 автомобилей, а остальные - 31 автомобиль приходилось оставлять на берегу, иначе говоря - отдаваться в руки большевиков. Кроме того, я со своим отрядом буду, несомненно, очень тепло принят большевиками в Баку, которых известят по радио о нашем насильственном отъезде. В лучшем случае, если мы даже и высадимся, на Кавказском побережье, то тот путь, по которому мы будем ждать прибытия остальной части отряда окажется в руках разъяренного противника, и уж он примет все меры к тому, чтобы никого не пропускать. При таких условиях наше положение в Баку или Тифлисе будет весьма неприятным.

Полковник Пайк, военный агент в Тифлисе, ждал нашего приезда, но от него нельзя было ожидать никакой помощи, так как он сам был, вероятно, беспомощным без нас. Капитан Гольдсмит, должно быть, добрался до него, но и с ним мы не могли [39-40] иметь никакой связи, ввиду отсутствия каких бы то ни было способов сношения.

Следующий план, требовавший обсуждения, был таков: нам оставаться в Энзели и, постаравшись наладить с местным правительством дружественные отношения, склонить его к оказанию нам содействия. Но опасности этого плана были велики. Совокупная враждебность персов и большевиков, в конце концов, могла вылиться в активные действия и кто-нибудь из них, набравшись храбрости испробовать наши силы, мог убедиться в нашей жалкой слабости. К тому же слухи о том, что мы везем с собой большие запасы золота, делали подобную попытку еще более заманчивой.

Сам тов. Челябин предложил нам другой план: признать официально и в письменной форме большевистское правительство (так как наше непризнание было главной причиной их враждебности) и ехать в Баку под присмотром большевиков; все же дальнейшие наши действия должны были быть предприняемы только с их одобрения. Это означало, в сущности говоря, сделаться большевиками. Он предложил нам телеграфировать об этом в Баку, но он не мог ручаться, что последует согласие.

Я ничего не имел против сделаться большевиком, но принять большевистскую программу непротivления злу по отношению к противнику, это едва ли соответствовало данному мне поручению. Челябин говорил мне, что предполагаемая тифлисская операция - заранее проигранная игра и что если мы соединим свою судьбу с судьбой большевистских войск, то наше присутствие будет весьма полезно на путях к Москве. И он говорил все это без улыбки.

Результатом моих ночных размышлений было окончательное решение покинуть Энзели пока еще не было поздно. Нам предстояло еще принять вызов Кучук-хана по дороге в Решт, а затем, уже, углубившись снова в Персию, собрать свой второй отряд и при первых благоприятных обстоятельствах возобновить нашу попытку.

Вдоль шоссе из Энзели есть телефонная линия, обслуживаемая персами, и я не надеялся, что смогу добраться до Менд [40-41] жилия без того, чтобы об этом не стало всем известно, но мы решили рискнуть и здесь.

Приняв такое решение, я написал Революционному Комитету рано утром 19-го февраля, прося их назначить заседание на 2 часа утра и дать мне возможность сказать им несколько слов.

В назначенный час я явился в Комитет вместе с капитаном Саундерсом, и мы проделали ту же церемонию, что и раньше. Разница была лишь в том, что улыбки на этот раз были довольно мрачны и угрожаящая охрана, значительно более многочисленная, чем в первый раз выглядела внушительней.

Прежде всего, я сказал, что желал бы знать, не изменил ли Комитет своего прежнего решения и собирается ли он оказать нам всякое содействие или он придерживается своей прежней враждебной позиции по отношению к нам. Ответ был единодушный в пользу последнего положения.

Тогда я попросил разрешения поговорить наедине с Челябиным и, получив это разрешение, я удалился вместе с ним в отдельную комнату.

Я сообщил ему, что чрезвычайно сожалею, что не могу принять предложения большевиков, что я не желаю кровопролития, каковое было бы неизбежным результатом всякой попытки с их стороны препятствовать нашим дальнейшим действиям, что его слова убедили меня, и я решил уехать с моим отрядом. Я горячо поздравил его с тем отличным порядком, который его правительство поддерживало в городе, и дал ему почувствовать, что считаю его весьма способным и порядочным человеком. Затем я попрощался с ними и получил подписанный ордер на все количество бензина, которое я требовал и, попросив Комитет держать мой отъезд в секрете, покинул заседание.

Одаряя комплиментами тов. Челябиня я был не совсем неискренен. Я действительно понимал всю трудность того положения, в каком он находился, пытаясь организовать власть, не имея для этого никакого опыта и очень мало образования. Я хочу отметить, как мне кажется, тот факт, что он весьма успешно действовал, установив некоторое подобие законности и порядка в эти дни революционного хаоса. Во всяком случае, я буду ему всегда благодарен за бензин. [41-42]

Несмотря на мою просьбу сохранить наш отъезд в тайне, известие это стало распространяться, как, конечно, я и знал, а потому было бы хорошо доехать до Решта прежде, нежели Кучук-хан предпримет что-нибудь, узнав по телефону о нашем выезде. Я дал приказ приготовиться на завтра к раннему отъезду и, после отличного ужина, состоявшего из солдатских консервов, с чудесной приправой из свежей рыбы и икры, мы легли спать. [42-43]

Мы отступаем к Хамадану

20 ФЕВРАЛЯ, задолго до рассвета, автомобили были осторожно выведены со двора, нагружены и вскоре всебыло готово к отъезду; когда начался день, мы были уже далеко на дороге к Менджиллю, готовые принять вызов джангалийцев. День был пасмурный и дождливый и безотрадная погода как нельзя более соответствовала нашему настроению, которое не было окончательно безнадежным, но было, однако, таким же безрадостным, как и небо. Хорошо было, конечно, надеяться на возобновление более успешных попыток в будущем, но ничто не могло компенсировать постигшую нас неудачу и печальное возвращение вспять.

В этот день столкновение с джангалийцами казалось неизбежным. Трудно было предположить, что они позволят нам возвратиться через их страну с драгоценным грузом золота и серебра и мы были готовы отразить нападение, как и тогда, когда мы проезжали Решт. Но и на этот раз никаких попыток к нападению произведено не было, и только встречные провожали нас еще более угрюмыми взглядами, да один какой-то вооруженный всадник многозначительно щелкнул затвором маузера, но в нас не выстрелил.

Мы уже привыкли к игривой русской манере палить во все, что только ни попадалось по дороге и поддерживать веселую ружейную трескотню по ночам. Все это сделалось для нас обычным явлением еще с момента нашего приезда в Хамадан, но на этот раз, прислушиваясь к пальбе где-нибудь впереди нас, мы очень бы хотели знать, что это - обычное ли упрямство в меткости по изоляторам и воронам или же начало военных действий.

Благополучие нашего путешествия во многом зависело от машин, которые уже сделали около 700 миль от Багдада, по [43-44] плохим дорогам, без основательного ремонта. Тем не менее, машины отлично работали, и с ними не случилось никаких серьезных поломок. Трехчасовые остановки для ремонта, каковые имели место при позднейших наших мытарствах, могли бы здесь в лесу поставить нас в весьма неприятное положение.

Мы приехали в Менджиль в половине шестого пополудни и остановились в той же самой сторожке с искушающими объявлениями.

В 6 час. утра 21 февраля мы двинулись в Казвин, но этот день был для нас несчастным и мы достигли города лишь на следующий день. Машины устали и поломки делались частыми. Два часа нам пришлось простоять в виду Менджиля; эта остановка значительно укоротила наш день, но мы еще надеялись наверстать потерянное время, как опять вторая остановка на три часа заставила нас потерять всякую надежду достигнуть Казвин в этот день.

Погода стояла хорошая и, казалось, не было необходимости стремиться сделать переход в один день. Шофферы устали, и мы решили провести ночь в деревне Биканди и приехать в Казвин завтра утром. Меня подмывало поступить таким образом, но к счастью этого не сделал. Мы проехали за перевал к заходу солнца и через две мили пути нашли великолепный каравансарай, где и устроились на ночлег.

За ночь погода изменилась также внезапно, как это случилось и в ту памятную ночь в Асад-абаде. Проснувшись, мы увидели все окрестности, похороненными под снегом и жестокая мятель была в полном разгаре. Если бы мы заночевали по ту сторону перевала, мы опять могли бы задержаться на целую неделю. Теперь же до Казвина оставалось только 20 миль и дорога, если только можно было ее разыскать под снегом, была недурна. Управлять машинами при таком холоде было трудно, стекла обволакивались снежными хлопьями, но все же мы, без всяких приключений, добрались до цели путешествия и были несказанно рады укрыться в теплом помещении.

Казвинская публика не выглядела особенно приветливо в наш первый проезд, а потому не было оснований к тому, чтобы она встречала нас более радушно при нашем вторичном иоявлении. Было очевидно, что нам нечего было надеяться на при [44-45] ятное времяпровождение в этом городе, почему я и избрал Хамадан. где мы могли бы занять, хорошую оборонительную позицию в окрестностях города и облегчить себе сношение с Багдадом при помощи русской радиостанции.

Прежде чем въехать в узенькие, грязные улочки города, я остановил свой отряд у виноградника пред главными воротами города, чтобы дать возможность машинам подтянуться по дороге и вступить в город внушительной процессией. Мы в этот момент были приветствуемы внезапной пальбой и пули начали жужжать так близко от нас, как если бы это были пули, целившихся в нас персов. Однако, это оказались не враждебные, а дружественные пули: огромная телега, набитая русскими солдатами медленно

выехала из-за угла, пробираясь по снегу; пассажиры развлекались, с несколько, правда, большим азартом, чем обыкновенно, своим излюбленным состязанием в стрельбе.

Мы проехали по городу и остановились у Британского консульства, где г-н Гудвин, как и в прошлый раз, предоставил удобное помещение для офицеров и солдат.

Наше прибытие взволновало город. Стали ходить слухи, что якобы Кучук-хан остановил нас в Реште, и затем, отобрав у нас деньги и ценные вещи, милостиво отпустил нас назад. На нас смотрели, как на потерпевших поражение и решение выжить нас отсюда было на этот раз более твердым.

Не нужно забывать, что в то время вся Северная Персия изобиловала оружием и военным снаряжением и любая компания головорезов, была вооружена русскими, турецкими и английскими винтовками. Исходя из этих соображений, решение выгнать нас отсюда, претворенное в активное действие, могло причинить нам известные неприятности, В мечетях собирались митинги и на стенах домов расклеивались зажигательные плакаты.

Следующий день в Казвине, 23 февраля, мы посвятили ремонту машин. Было бы весьма желательно двинуться дальше, но машины были не в состоянии двигаться. В этот день происходило то же, что и вчера, но только еще более энергично: толпе не доставало вождя, который мог бы не только произносить речи, но и решительно действовать и какового, к счастью, пока что не оказывалось. [45-46]

Я имел возможность послать в Англию по индо-европейскому телеграфу, линия которого проходит через Казвин, донесение о всех наших действиях до последнего момента. Этого невозможно было сделать в Энзели, где была только русская радиостанция, пользоваться которой, конечно, для нас было невозможно.

Я телеграфировал, что миссия не могла проехать дальше Энзели, и что нам удалось уйти оттуда лишь благодаря счастливой судьбе; что было бы все равно бесполезно пытаться пробраться в Энзели прежде, чем мы не подеремся с Кучук-ханом или же не вступим с ним в какое-нибудь соглашение.

В Казвине я получил официальные сведения от Кучук-хана, что его войскам приказано атаковать нашу колонну, если мы, паче чаяния, опять вздумаем проезжать по его территории. Нам также сделалось известным о заговоре, неудача которого только и была единственной причиной нашего первого благополучного путешествия. Дальше выяснилось, что джангалийцы решили устроить нам засаду в пути, но боялись, как бы русские войска, шедшие непрерывной процессией по дороге, не примкнули бы к нам в качестве подкрепления. Поэтому они обратились сюда к русским начальникам с просьбой о невмешательстве: Надо полагать, что русские медлили с ответом, который, в конце концов, был для них неблагоприятным, отказывая им в их просьбе дать гарантии о невмешательстве.

Я также получил сведения, что в Энзели прибыл сильный отряд Красной Гвардии из Баку, почти в самый момент нашего отъезда. Этим, возможно, и объясняется настоятельная просьба Челябинина остаться еще один день в Энзели в качестве гостей, якобы в ожидании ответа на особый вопрос, который он сделал в Баку о возможностях нашего дальнейшего продвижения.

Красная Гвардия должна была сделать то, чего боялся делать энзелийский комитет, т. е. арестовать английскую миссию.

В течение 23-го февраля никаких эксцессов не было. Ночь прошла в веселой пальбе, но ведь это было не более, как выражение русского веселья, хотя это звучало как жестокий бой в самом разгаре. [46-47]

В 8 час. утра 21-го числа наша процессия еще раз проехала по казвинским улицам, причем бронированный автомобиль замыкал наше следование. Скоро мы выехали на хорошую дорогу и покатались быстрее, пользуясь отличной погодой. Мы приехали в Авех в 4 часа пополудни, где раздобыли скромный приют на почтовой станции с несколькими казаками. На следующий день мы проехали Султан-Булакский перевал по глубокому снегу, но так же, как и в прошлый раз, завалы были расчищены и к вечеру мы попали в Хамадан.

Здесь мы разместили людей в хороших зданиях, предоставленных американской миссией, а офицеры устроились поблизости в двух приличных флигелях. Полковник Дункан, капитан Дунинг и я сам остановились в доме банка, который помещался рядом с домом, где стояли наши люди. Таким образом, с точки зрения необходимой обороны, мы устроились превосходно: машины, люди и офицеры в тесной близости друг к другу могли принять все нужные меры в трудную минуту.

Древний город Хамадан, или Экбатана, сокровищница династии Ахеменидов, расположена на северных склонах Элвендского хребта, наивысшая точка которого достигает 11.900 футов. Нижняя часть города лежит на высоте 6.500 футов над уровнем моря, а резиденция иностранцев, т. е. то место, что я выбрал для нашей стоянки, лежит на высоте 7.000 футов. Лучшего места стоянки нельзя было себе вообразить: местность здоровая, доминирует над городом, воду можно получить в изобилии из ручья, который течет по склону горы, не опасаясь никакой заразы.

Сам город совершенно не интересен: дома обычного персидского или северно-индийского типа, лучшие из них построены из кирпичей, окружены стенами из грязи или, в лучшем случае, из высушен-

ных на солнце кирпичей. Несколько древних зданий с остатками цветных изразцов освежают общую угрюмость города, но это либо мечети, либо гробницы. Из гробниц две принадлежат Есфири и Мордохаю. В восточной стороне находится большой вал, который должен быть местом какого-то древнего дворца, от которого теперь не осталось никакого следа. Трудно найти город даже с половиной той истории, которую имеет за собой Хамадан. Но в нем ос [47-48] талось очень мало реликвий. Все было разграблено и разрушено Александром Великим, который устраивал здесь свои дикие оргии. Последующие завоеватели, по всей вероятности, окончательно уничтожили все следы великолепных зданий, описанных, надо полагать с большим преувеличением, в древних летописях. Единственным остатком минувшей славы является каменный лев, что находится в нескольких стах шагах от северо-восточной окраины города, образец той скульптуры, которой, должно быть, были украшены прежние городские ворота. Теперь этому льву приписывают всевозможные чудесные свойства и к нему обращаются мужчины, лишенные способности производить потомство или страдающие неизлечимыми болезнями.

Я бы хотел продекламировать здесь одну строфу из поэмы о Хамадане, написанной Клинтоном Сколардом; я переписал ее во время моего путешествия по Персии из его книги, находившейся в американской миссии:

Испорченность веков минувших,
Разврат тех городов цветущих
И жизни яркой и пустой
Ушли с их радостью земной.
Немой свидетель славных дел.
Лежащий лев один глядел
На трех империй злой удел:
Мидийцев; персов и парфян,
Которых помнит Хамадан.

Горный ручей бежит через весь город и способствует оживлению неприветливых окрестностей; он-же снабжает население в изобилии водой и уносит с собой городские отбросы.

Хамадан имеет большое торговое значение и особенно известен выделкой кож и ковров. Население города, приблизительно в 50.000 чел., включает значительное число евреев и армян. Население области, частью турецкого происхождения, по крайней мере, половина их принадлежит к турецкому племени каразму и на турецком языке здесь говорить больше, нежели на персидском.

Город окружен возделанными полями: весной прекрасен вид молодых всходов пшеницы и фруктовых деревьев в цвету. Из нашего квартала мы могли обозревать всю плоскую равнину на 50 миль к северу до самого Султан-Булакского перевала. [48-49]

Часть города, которую мы избрали для себя, была идеальной с военной точки зрения. Турки, в бытность свою здесь, также занимали эти кварталы города, и как раз тот дом, где у меня помещался штаб, был их штабом. Только благодаря им здание банка так мало пострадало. Наш первоначальный план, пока что, отпал и теперь мы должны были поразмыслить над тем, что могло быть сделано в целях усмирения турок в этом районе.

Пока мы оставались здесь, чтобы продержаться, нужно было парализовать действия турецких и германских агентов, которые работали в этой части Персии. Производя эту работу, мы бы остались здесь до тех пор, пока обстоятельства не сложатся настолько благоприятно, чтобы мы снова смогли двинуться на Кавказ. В эти дни внутреннее положение дел в Персии было чрезвычайно напряженным и требовало бдительности...

Как бы там ни было, а снег все шел и шел целыми сутками; все проходы и перевалы были завалены, так что все равно никуда нельзя было двинуться; мы были совершенно отрезаны от Багдада, и ничто не могло дойти до нас. Один русский отряд с вьючным транспортом на Асад-абадском перевале потерял шесть людей и тридцать животных. Было ясно, что хорошей погоды мы дождемся еще не скоро.

Я получил возможность снестись по русскому радио с Багдадом и затем с Лондоном, откуда я получил инструкции оставаться там, где я находился, следить за персами и при первой благоприятной возможности двинуться дальше.

Ближайшей нашей задачей было отыскать другой путь следования на Кавказ. Единственно возможной дорогой была дорога из Казвина через Тавриз в Джульфу, откуда, уже по железной дороге, в Тифлис... Расстояние от Казвина до Тавриза более 300 миль, кроме того, она проходит по территории шахсеванов, причем джангалийцы оказались бы у нас с правого фланга. Взвешивая все за и против, я усумнился в том, чтобы попытка пробраться по этой дороге могла быть успешной.

Для подобной операции требовались непременно войска, так как в Персии в то время повсюду было очень неспокойно, но, с другой стороны, обмундировать людей и пуститься с ни [49-50] ми в поход в то время, когда свирепствовал этот полярный климат, было немислимо. Таким образом, нам оставалось только сидеть там, где мы были, и довольствоваться беседами.

В глазах персов мы казались сильнее, чем были прежде. Вид одного только бронированного автомобиля наводил на них панику, и в каждой из 41-ой остальных машин они подозревали скрытые запасы каких-нибудь ужасных орудий истребления. Все сорок один шоффер выглядели не менее внушительно, ибо персы не знали, что их военная подготовка едва ли превышала техническое знакомство с автомобилем. Но эти шофферы заслуживали всяческих похвал. Со своими двумя унтер-офицерами Гаррисом и Ватсоном они вели себя превосходно и никогда не роптали, даже при самых тяжелых обстоятельствах.

Общее положение дел и наша политика представлялась в то время в следующем виде.

Персидское правительство, вполне естественно, придерживалось оборонительной позиции, склоняясь скорей, пожалуй, на сторону немцев, которые в Тегеране усиленно занимались пропагандой и представляли все военные события в розовом, для себя, свете. В то время, как турки и русские беспрепятственно пользовались Казвино-Керманшахской дорогой в качестве плацдарма, богоспасаемый Тегеран оставался невозмутимым. Рядом с английской миссией весело развевались флаги немецких и турецких посольств, и турки имели возможность, вести там свободно какую угодно пропаганду. Однако, немцы, несмотря на законы нейтралитета, казалось, не считали столицу Персии вполне благонадежным местом для своей резиденции, а потому хотя немецкий флаг и развевался над зданием их посольства, но само посольство было закрыто.

Движение Кучук-хана разрасталось... Наше отступление, несомненно, окрылило его надежды, и его престиж после этого значительно возрос. Его программа действий вполне совпадала как с образом мыслей серьезных демократов, так и с вожделениями темных, беспокойных элементов, искавших случая пограбить. У него были сочувствующие и в верхах; Казвин, Хамадан и другие города были полны его агентами. Его считали спасителем Персии, который выгонит отсюда иностранцев и вернет стране ее прежний золотой век. К этому нужно было [50-51] еще прибавить то обстоятельство, что дух большевизма носился в воздухе и микробы революции распространялись среди всех народов мира, и поэтому не было никаких оснований полагать, что Персия может их избежать. Казалось бы, что показательный урок, преподанный русскими войсками, мог вызвать только отвращение, но в действительности он производил обратное действие.

При таких условиях Кучук-хану оставалось только развернуть свои знамена, идти на Казвин, затем на Тегеран и установить там революционное правительство. С его влиятельными вождями и частью сочувствующего ему населения успех был бы обеспечен, если бы только он принялся за дело в то время. Время пришло, но погода была дурная, и к тому времени, когда он, наконец, решил двинуться, мы имели уже возможность объявить ему шах и мат. За собой он имел большую инспирирующую его силу в лице немецких и турецких агентов, а также и мусульманского Комитета Единения и Прогресса. На его пути не было никого, но он все-таки упустил нужный момент, и Персия была спасена. Интересные подробности этого движения я изложу в одной из последующих глав.

Мое положение определялось этим движением постольку, поскольку оно не имело шанса на успех, ибо в противном случае мы очутились бы среди нежелательных иностранцев, от которых мы именно и хотели избавиться. В городе Хамадане было немало сочувствовавших этим иностранцам и поэтому жители города считали своим долгом выгнать нас отсюда. Все их старания заставить нас удалиться выражались всегда только в высшей степени экзальтированной, но мало действительной форме агитации и интриг, от чего мы были гораздо менее уязвимы, чем от пуль.

Для того, чтобы лучше обеспечить свою безопасность и быть полезным общему делу союзников, нужно было наладить хорошую систему разведки. Это дело было поручено капитану Саундерсу, и он достиг в нем больших результатов. Ничего не могло быть лучше работы офицеров разведки, и им нельзя было выразить большей благодарности за их работу, чем та, что была высказана в одном из перехваченных нами писем, где говорилось, что «англичане слышат даже то, о чем [51-52] мы шепчемся». Через наших агентов мы были в курсе общего положения вещей в Персии и в самом городе Хамадане и знали все о силе и состоянии ближайшего турецкого отряда. При этом мы имели возможность пристально следить за всеми действиями шпионов на линии Казвин-Керманшах, и несколько больших рыб попало в расставленные нами сети. Что касается местной разведки, то ее результаты сводились к тому, что мы, знали все намерения вражеских агентов и знали также самых влиятельных из них в наших окрестностях. Подобного рода сведения давали нам огромное преимущество в положении. Мы произвели также несколько попыток снестись с полковником Пайком и капитаном Гольдсмитом в Тифлисе, для каковой цели были снаряжены специальные курьеры, но все наши старания наладить связь с Тифлисом оказались неудачными. Среди самих персов мы выбрали очень мало, но зато очень хороших агентов. Эти люди работали за деньги, но одни деньги не могли иметь такого действия: они отдавали себя, целиком в наше распоряжение, а один из них оказался самым храбрым человеком, которого я когда либо видел - он рисковал своей жизнью просто ради удовольствия рисковать и никакие опасности и предательства никогда не мешали ему неотступно идти к намеченной цели. Русские все еще занимали Хамадан. Весь город был переполнен ими и беспрестанная ночная пальба не давала нам спать. Штаб русских войск находился

в маленькой летней резиденции, в Шеверине, милях в 3-х от города, и надеяться на то, что они скоро покинут окрестности, не приходилось.

Командующим был генерал Баратов, а генерал Ласточкин был начальником его штаба. Мы глубоко сочувствовали этим генералам в их трудном деле командования над войсками, потерявшими всякую дисциплину; к тому же виды на восстановление дисциплины были весьма проблематичны, так как офицерам было запрещено носить всякие знаки отличия. Бичерахов был все еще в Керманшахе, но небольшой отряд его людей был здесь; эта часть войск была единственной, имевшей еще кое-какое уважение к законам и порядку.

Из других важных дел, требовавших внимания, был вопрос продовольствия. Наши нужды были весьма значительны и [52-53] к тому же мы должны были иметь в виду некоторое неизвестное нам число войск, которое могло быть прислано нам в подмогу. В дни ужасной голодовки, которая имела место в те времена в этой стране, я не хотел закупать местных продуктов продовольствия, дабы не уменьшать и без того уже маленьких запасов пищи у населения. Однако наша разведка вскоре установила, что имеются, правда, не в изобилии, но все же достаточные для всех запасы зерна и фуража, припрятанные в ожидании повышения цен. К несчастью, наши даже небольшие покупки взвинчивали цены, а каждое повышение цен означало гибель многих людей. Только правильный и точный контроль над пшеницей мог помочь делу, но, к сожалению, мы в нашем теперешнем положении не были достаточно сильны для того, чтобы суметь провести в этом вопросе нашу точку зрения. Позднее же мы смогли принять необходимые к тому меры: это было тогда, когда в Хамадан приехал бригадный генерал Байрон в качестве моего заместителя. Генерал Байрон долго оставался в Хамадане и имел возможность вести борьбу с голодом и организовать контроль над пшеницей, что немало способствовало нашей популярности.

Пока что, не было возможности сказать наверняка, сколько времени мы еще пробудем в Хамадане и вообще в Северной Персии, а потому было необходимо, без дальнейшей проволочки, приняться за изучение языка и познакомиться поближе с начальствующими лицами и населением. Те из нас, которые немножко знали по-персидски, старались улучшить свое произношение, а те, которые ничего не знали, начали брать уроки.

Визиты к различным важным чиновникам и помещикам были весьма интересны и поучительны. Главные начальствующие лица в персидских городах суть: губернатор, вице-губернатор, кар-гузар - чиновники по иностранным делам - и начальник полиции. В Хамадане был еще специальный чиновник, назначенный сюда в связи с вопросом о ликвидации русских долгов. Этим чиновником во время нашей стоянки в Хамадане был Хаджи-Саад-Эс-Султанэ, чрезвычайно образованный перс, много путешествовавший, обществу которого я был обязан многими приятными и поучительными часами.

В Персии люди, занимающие известные служебные посты, [53-54] обычно зовутся своими титулами, а их собственные имена и фамилии почти никогда не бывают известны их обыкновенным знакомым. Это значительно затрудняет наблюдение за человеком, ибо титулы часто меняются, да и вообще ни титулы, ни звания не имеют ничего общего со служебной деятельностью их обладателя. Так, например, человек благородного происхождения, носящий звание «Вождя армии», не имеет ничего общего с военной службой: «Правитель царства» - ясно выраженный демократ, а «Начальник всего» - какая-то серая личность без всякой власти. Один из самых глупых к необразованных людей, которых я когда-либо встречал, именовался «Океаном знаний». Через несколько дней после нашего приезда в Хамадан мы начали знакомиться с людьми. Для начала был извлечен неизбежный футбольный мяч и наши солдаты занялись благотворной гимнастикой. Персы с удовольствием принимали участие в игре, которая, благодаря присутствию здесь американской миссии, была им не совсем чужда. Грациозные, с необыкновенно длинными фалдами, сюртуки персидских джентльменов выглядели совсем необычно на футбольной площадке. Они выглядят; несомненно, лучше, нежели футбольные фуфайки, и тот, кто видел развевающие по ветру длиннополые персидские лапсердаки, в то время как их обладатели носятся по футбольному полю, мог убедиться, что это две вещи несравнимые. Молодые люди, ученики миссионерской школы, были обычно более воспитанны и менее изысканно одеты.

У наших шофферов теперь было достаточно досуга для игры в футбол, так как автомобили, надо было полагать, едва ли скоро могли нам понадобиться. Мало того, что все проходы и перевалы были завалены снегом, но и вопрос снабжения бензином обстоял весьма остро. Генерал Баратов очень хотел помочь нам в этом деле и принимал все меры к снабжению нас бензином, но, ввиду снежных заносов и развала армии, бензин к нам попадал редко. Некоторое количество бензина всегда можно было купить в городе, и мы сделали некоторые запасы по очень высоким ценам. Этот бензин попадал на местный базар через русских шофферов, которые путем продажи известной доли вверенного им груза увеличивали, таким образом, свои скромные доходы. [54-55]

Наши попытки завязать дружественные отношения с местной публикой, оказались не вполне удачными. Наши начинания в этом направлении, вызвали немедленно антибританскую деятельность со стороны местных властей. Губернатор и с ним и прочие влиятельные лица не упускали ни одного слу-

чая, чтобы настроить население против нас. А тем временем, политиканы всех окрасок, демократы-экстремисты, умеренные демократы и социалисты требовали на митингах нашего немедленного удаления.

Хотя в Хамадане мы жили всего только несколько дней, но населению стали наговаривать, что повышение цен на хлеб явилось результатом наших закупок пшеницы (каковых, пока что, нами совершенно не производилось) и что мы являемся передовым отрядом армии, которая, как только прибудет сюда, объест всю страну, и будет чинить всякие зверства. С другой стороны, если нас изничтожат, то уж армия прийти сюда не осмелится. Я решил тогда прибегнуть к их собственным методам борьбы и велел напечатать обращение к населению. По городу вскоре были расклеены объявления, гласившие следующее: «Англичане находятся здесь временно и не имеют никаких намерений оставаться надолго в этой части Персии, где их присутствие необходимо лишь для того, чтобы следить за действиями турок. Во всех странах первой нашей заботой является забота о населении и всем хорошо известно, что, где бы ни появлялся английский флаг, он развевается во имя свободы, мира и всеобщего благополучия. Пшеницы мы закупаем, а, напротив, всеми силами стараемся помочь голодающим. Теперешние высокие цены на хлеб вызываются не нашими закупками, ибо до сего времени мы пшеницы не покупали, а организованной шайкой демократов, которые, запугивая хлебных торговцев и пекарей, заставляют их искусственно поднимать цены для того, чтобы раздражать население».

Это обращение произвело значительный эффект и много способствовало дискредитированию агитаторов. Впечатление, произведенное нашими объявлениями, нимало не было ослаблено контрпрокламациями этих же агитаторов, которые содержали в себе следующие забавные фразы: «Английский генерал говорит, что прибыл сюда ради мира и всеобщего благополучия; а [55-56] мы то просили об этом? Пусть он держит у себя свой мир и благополучие, пока мы их у него не попросим. Персия была культурной страной прежде, нежели англичане знали, что такое культура, да и к тому же нам нечему от них учиться».

Я не думаю, чтобы их чувствительный призыв, взывавший к патриотической гордости, касательно древности персидской культуры мог заинтересовать население даже наполовину настолько, насколько заинтересовались моим заявлением о намерении помочь голодающему населению. Присутствие среди населения нового типа солдата, который держал себя с достоинством, а главное - хорошо платил, за покупаемые им вещи, начинало мало - помалу склонять общественное мнение в нашу пользу, и, чем яснее это мнение выражалось, тем яростней старались шайки демократов натравить население на нас.

Несколько дней спустя перемена настроения, в нашу пользу сделалась окончательно явной, и наш отдел контрразведки стал принимать меры к тому, чтобы зарекомендовать нас здесь с самой лучшей стороны. Целая система агентов и курьеров была организована нами, чтобы охватить всю область между Хамаданом и Кавказом; вскоре за этим мы начали очень успешно действовать против наших самых непримиримых врагов.

Тем временем встал вопрос о следующих отрядах, комплектовавшихся в Багдаде. Экспедиция официально стала называться «отрядом Денстервиля» и лагерь того же имени сначала находился в Багдаде, затем был перенесен в Руз, где они должны были комплектоваться и ждать приказа о выступлении. Неофициально этот отряд назывался «армией Гуш-Гуш».

Мне очень хотелось заполучить еще одну партию офицеров, но я все еще не был уверен относительно места нашей стоянки, да к тому же и в автомобильном транспорте в это время в Багдаде ощущался большой недостаток. Я отлично представлял себе разочарование офицеров и солдат, которые прибыли бы сюда с различных театров войны в надежде на возможность больших достижений и, вместо этого, сидели бы здесь и ждали бы у моря погоды. Но положения изменить пока что было нельзя, и все, что оставалось сейчас делать людям, это - изучать русский и персидский языки - занятие довольно неприятное для людей, которые были, главным образом, вояками и никогда не предполагали делаться лингвистами.

Здесь я привожу выдержку из моего донесения об общем положении вещей в то время:

«...Мы действуем сейчас не столько против большевиков, сколько против планов панисламистов, которые, объединяя бакинских татар с энзелийскими джангалийцами, образуют собой очень сильную антибританскую организацию, поддерживаемую немецкими деньгами и немецкими офицерами... Что касается тифлисского, плана, то мы не можем помогать людям, которые, не желая английского вмешательства, хотят лишь английских денег. Если бы было возможно моей миссии попасть в Тифлис осенью 1917 г., я бы посвятил всю мою энергию попытке сблизить между собой эти две христианские народности - грузин и армян и найти почву соглашения с татарами-магометанами. При этих условиях можно было достигнуть полнейших успехов.

Но что случилось за эти шесть месяцев? И армяне, и грузины, совсем не по причине своих религиозных мировоззрений, рассорились с мусульманами, а действия коммунистов-христиан способствовали тому, что татары спелись с турками. Что касается проблем, ближайшего будущего, то лучше всего сна-

чала утихомирить Персию и джангалийцев, а тогда уж дорога, по крайней мере, до южных берегов Каспия будет открыта». [57-58]

Призрачная армия

К СЕРЕДИНЕ марта мы уже основательно укрепились на наших хамаданских позициях. Упрочению нашего положения немало способствовали сами персы, благодаря их обычным приемам преувеличения. Нам удавалось перлюстрировать почти все телеграммы, которыми обменивались различные начальствующие лица. Большинство этих телеграмм было составлено в таком духе:

От X к Y:

«Почему вы до сих пор не сообщаете мне о численности английских войск в вашем районе? Вы плохо работаете, и вас придется отозвать».

От Y к X:

«Я делаю все возможное, дабы собрать нужные сведения, но трудно определить число их войск. Они не подпускают нас близко к своему расположению».

От X к Y:

Вы должны убедиться лично и сообщить мне самые точные данные. Я должен знать число их. Вы должны повиноваться приказам».

Последняя телеграмма беспокоит и волнует Y, и он с отчаяния сообщает следующее:

«Согласно вашего приказания, посылаю вам самые достоверные сведения: у них здесь около 500 людей и двенадцать бронированных автомобилей, из которых каждый вооружен четырьмя большими пушками. Все это я видел собственными глазами: У них также имеется около 150 легковых машин.»

Послав такое сообщение, Y, вероятно, ухмыляется себе под нос, воображая, какое удовольствие испытывает X, получивши, подобные «достоверные сведения».

Мы начали понемногу разъезжать по всей области, и ма [58-59] ленькие отряды из трех-четырех фордов появлялись в различных местечках, причем каждый из таких отрядов давал повод к вышеприведенной переписке. Когда X, наконец, подсчитал все цифры, сообщенные ему его информаторами, то, надо полагать, наш отряд из двенадцати офицеров, двух писарей, сорока одного шофера и одного бронированного автомобиля вырос до размеров целого корпуса. По понятным причинам я умышленно опускаю звание и должность этих чиновников.

Турки, должно быть, имели более точные сведения о нас, но, повидимому, тоже не без некоторого преувеличения, ибо я не думаю, чтобы они знали, что 240 миль дороги между Керманшахом и Казвином находились под угрозой всего двенадцати офицеров, двух писарей и одного бронированного автомобиля. Они были очень близко от нас, в Шенне, всего в каких-нибудь ста милях от Хамадана, так что нападение на наш отряд с их стороны было легко осуществимо и, вероятно, было бы не безуспешно. К тому же мы были окружены отдельными турецкими солдатами и в таком количестве, что мы не имели бы возможности их арестовать, так как у нас на это не хватило бы ни охраны, ни продовольствия. Одного или двух из наиболее ретивых турок нам все-таки пришлось арестовать, но остальных мы оставляли в покое. Большинство из них были нашими искренними доброжелателями; все они были недавними дезертирами либо турецкой армии, стоявшей к северо-востоку от нас, либо из той армии, которая сражалась здесь с русскими в период 1916 - 1917 гг. Некоторые из последних обосновались в местных деревнях, обзавелись семьей и превратились в мирных обывателей.

Эвакуация русских стала проходить быстрее, и мы надеялись, что вскоре в области не останется совсем русских частей, за исключением отряда Бичерахова. Это создавало для нас более благоприятную обстановку. В этот период мне часто приходилось иметь дело с генералом Баратовым и его штабом, в связи с выяснением некоторых вопросов эвакуации.

Нужно было выяснить два вопроса: во-первых, вопрос о финансах и, во-вторых, вопрос о передаче материалов.

Выше я уже упомянул о генерале Баратове, как об одном из первых командующих русской армии, которая в-первых ста [59-60] днях войны так много помогала общему делу союзников, оперируя против турок на путях через северо-восточную Персию, доходя до стыка с нашим правым флангом на турецко-персидской границе.

Сам генерал Баратов - кавказец, родом из Тифлиса, почему он, естественно, очень сочувственно относится к каждому плану восстановления законности и порядка в этой стране. Но во дни революции те лица, которые ранее пользовались наибольшим влиянием, становятся самыми бессильными, так как они являются обычно представителями того самого класса, против которого восстают. Таким образом,

чем ценней была, да и могла быть и теперь, его служебная деятельность для России и ее союзников, тем настойчивей требовали большевики его крови. При таких обстоятельствах я, конечно, мог ждать от него разве только советов.

Если бы только нам представилась возможность использовать его в работе на Кавказе, то, несомненно, его помощь могла принести огромную пользу. Он всегда был замечательным оратором и очень популярной личностью. В Северной Персии русские сделали очень мало для того, чтобы привлечь к себе симпатии населения, но те чувства дружбы и уважения, которые население области питало к генералу Баратову, свидетельствовали о его высоких личных качествах. В то время он был особенно ненавистен революционерам за то, что был одним из главных вдохновителей русско-британского добровольческого корпуса, на который они смотрели, как на контрреволюционное движение. История этого корпуса вкратце такова.

Когда осенью 1917 г. выяснилось, что русские войска покидают свой участок фронта в Северной Персии, образуя, таким образом, брешь в 400 миль длиной на правом фланге Месопотамской армии, было предположено, что можно из отступающих войск на вербовать добровольцев, которые бы действовали под английским контролем и на английские деньги. Этим путем можно было бы избежать необходимости посылки войск из Багдада, где в них была большая нужда. Этих добровольцев набирали под руководством одного из лучших русских офицеров - полковника барона Медем, но с самого же начала это предприятие не выдерживало критики и, когда я их осмотрел в [60-61] феврале» то было ясно, что они никогда и ни на что, не могут быть годны.

Мы руководствовались при этом той мыслью, что при настоящем анархическом состоянии России найдется много желающих остаться здесь на хорошем жаловании, пока положение дел не изменится и не представится возможность спокойно вернуться к себе на родину. Этот план был, вне всякого сомнения, очень заманчив, и можно было бы собрать большие силы под командой английских офицеров. Но было решено, что отрядом непосредственно будут командовать русские офицеры, которые, однако же, были неприемлемы для солдат. Главной причиной неудачи этой попытки было то обстоятельство, что большевики объявили это начинание контрреволюционным.

Судя по некоторым симптомам, которые были подмечены мною, я убедился, что эти отряды в лучшем случае окажутся совершенно бесполезными. Даже под командой английских офицеров нельзя уже было восстановить в них настоящей военной дисциплины и люди этих отрядов оказались бы все равно равнодушными бездельниками, надеющимися на то, что будут получать хорошую плату и хорошие пайки, и избегнут всех треволнений у себя на родине, не подвергая при этом своей жизни опасностям различных авантур, затеянных «ловкими» англичанами в Персии. В конце концов, мы должны быть благодарны большевикам, которые в корне подорвали этот, заранее обреченный на неудачу, план.

Много времени пришлось мне посвятить обсуждению, совместно с генералом Баратовым, возможной материальной помощи с нашей стороны делу эвакуации русских войск. Было очевидно, что возможно скорый уход русских из Персии был в общих интересах, а так как у русских не было денег, то было желательно оказать им необходимую финансовую поддержку. По этому вопросу было достигнуто соглашение, и все счета были оплачиваемы под контролем местного финансового учреждения, начальником которого являлся управляющий имперским банком г-н Мак-Мурей.

Оставался вопрос о русских долгах, но в этом деле английское правительство было твердо, как камень.

Положение генерала Баратова в этом вопросе было действ [61-62] вительно неприятное, но, с другой стороны, нельзя было ожидать, чтобы мы сдались на жалостливые моления.

На известных гарантиях, английское правительство предложило определенную сумму, выплачиваемую через известные сроки, в размере той разницы, которая должна была получиться между суммами, отпущенными генералу Баратову тифлиским правительством, и действительной стоимостью эвакуации. Но тифлиское правительство не приняло участия в расходах и русскому командующему приходилось покрывать дефицит выдачей расписок, вместо наличных денег. Этих расписок вскоре набралось на весьма солидную сумму, и генерал Баратов стал просить, чтобы английское правительство дало ему возможность выкупить эти расписки, дабы не только обелить его самого, но также для того, чтобы поддержать престиж европейцев в Азии, ибо последнее обстоятельство могло бы угрожать английскому положению не менее, чем русскому. Его душераздирающие призывы наталкивались на неизменный и немотивированный отказ и, к сожалению, моей неприятной обязанностью было приносить ему эти беспощадные ответы.

Доводы, приводимые этим доблестным генералом, могли растрогать камень, но так как их нельзя было полностью передавать в Англию, то сердце английского правительства оставалось бесчувственным.

«Смотрите, Лев Львович, - говорил он, рисуя мне живописную аллегория: - вот здесь, на земле, перед вами, лежит мертвое тело. Чье оно? Это тело России. Разве у вас нет для нее слез сострадания?»

Разве вы можете забыть, что этот друг, который лежит сейчас в ужасной неподвижности смерти, спас вас и всех союзников в первый год войны? И если мы пали, проявив сострадание, то неужели вы ставите ни во что наш прежний героизм? Вы стоите передо мной, другом России. Перед вами лежит не омытое, не преданное земле, мертвое тело вашего друга... Неужели вы хотите сказать, что вы не собираетесь оплатить даже расходов по погребению? Тот выкуп расписок, который я прошу у вашего правительства, это есть не более, как спасение вашего покойного друга от могилы нищего». [62-63]

Но противоположное решение, однако, так и не изменилось, хотя расписки были, в конце концов, частью выкуплены другими средствами.

Другой вопрос, который отнял так же немало времени, был вопрос уплаты за переданное нам русское военное имущество.

Запасы продовольствия и фуража мы были очень рады получить, а потому взяли их без всякого колебания. Колесный транспорт, телеграфное имущество и кое-какие прочие военные материалы представляли для нас также большую ценность. Но были и такие предметы, о которых нельзя было даже серьезно разговаривать. Из числа подобных сомнительных материалов, предложенных нам в продажу, я привожу следующие:

1) уплатить за военную телеграфную линию Хамадан-Энзели.

Ответ: линия совершенно разрушена и не представляет никакой ценности.

2) Покупка военных дорог, проведенных русской армией.

Ответ: вопрос о дорогах, построенных в Персии, - дело персидского правительства. Какую бы цену я ни уплатил за эти дороги, я никогда не смогу сделаться их собственником.

3) Покупка понтонного имущества.

Ответ: в виду постройки постоянных мостов, это имущество сделалось совершенно ненужным.

4) Русские намеревались отремонтировать Асад-абадское шоссе, для какой цели ими было подвезено к дороге большое количество железа; не купят ли его англичане?

Ответ: нет.

Затем, когда было решено приобрести некоторые вещи, встал вопрос: кто же является их собственником? Там был генерал Баратов, как представитель тифлисского правительства, но там были и другие организации, как, например, Земский Союз и Красный Крест, которые не уступали своих прав. Итак, в общем, получалось то, что мы, покупая вещь у одного лица, узнавали, что она принадлежит другому, а этот другой, в результате, оказывался также весьма сомнительным собственником.

Что касается телеграфного имущества, то я решил приобрести его в некотором количестве, но здесь выяснилось, что [63-64] по прежнему соглашению оно принадлежит теперь персидскому управлению телеграфом. Когда же я стал вести переговоры с персами, имуществом завладела еще третья сторона, которая имела, на него очень спорные права, но мудро решила, что ее притязания неоспоримы, по крайней мере, на девять десятых, почему и увезла с собой все имущество. Это третье лицо показывало мне документ, на котором основывались его права на это имущество: это был простой клочок бумаги, подписанный каким-то русским подпоручиком, что «предъявитель сего может пользоваться проволокой, если ему это будет нужно».

На эти переговоры с русскими и на наши старания установить сносные отношения с персидскими властями у нас едва хватало времени. Ведь нужно было еще принимать меры к обеспечению нашей безопасности ввиду слухов, основанных, очевидно, на действительных намерениях, о готовящемся, якобы, нападении на миссию. То говорилось, что на нас собираются напасть жители города, науськиваемые агитаторами: по другим версиям мы должны были ждать нападения каких-то отчаянных банд кочующих племен или же профессиональных грабителей большой дороги. Возможно, что только наша постоянная готовность отразить нападение, и днем и ночью, не дала возможности осуществиться этим кровавым замыслом. Пока здесь были русские, не могло быть невероятным, что они помогли бы нам в трудную минуту, но равно существовала и другая возможность, что революционные солдаты соблазняются примкнуть к этим событиям с несколько иной программой, которая включала бы, как всякая хорошая программа, грабеж банка.

Погода стояла все это время отвратительная, что было скорей в нашу пользу, так как предполагаемые нападающие должны были бы маневрировать по глубокому снегу, что делало переходы пешком очень трудными, а продвижение на колесах - невозможным.

После сильной снежной пурги 16-го марта погода прояснилась, и русские снова двинулись в путь. Остался только Бичераховский отряд в Шеверине, в 3-х милях от города.

Мои взоры все еще были устремлены на Кавказ и мне предлагали много различных планов, но ни один из них не [64-65] имел никаких основательных шансов на успех. Со мной часто беседовали русские офицеры, которые, руководимые желанием помочь чем-нибудь своей родине в ее настоящем плачевном положении, предлагал всякие планы, пригодные, однако, более для волшебного царства, нежели для практического осуществления.

Один из планов начинался предложением британскому правительству отпустить сумму в 14 миллионов фунтов стерлингов и заканчивался восстановлением порядка на Кавказе и триумфальным шествием на Москву. Другие, с меньшим размахом, советовали овладеть при помощи аэроплана канонеркой на Каспийском море, упуская притом из виду то обстоятельство, что если даже аэроплану и удастся это выполнить, то у канонерки не будет порта, и ей придется приятно проводить время, покуда хватит топлива, а затем болтаться по морю без руля и без ветрил.

Продовольственный вопрос обстоял у нас тоже остро. Я имел намерение снабжать не только свой отряд, но и образовать запасы для войск, могущих придти к нам на помощь. Мое намерение встречало затруднения вследствие голодовки населения, ввиду препятствий, чинимых местными властями и, наконец, вследствие приказа тегеранского правительства о запрещении англичанам скупать какие бы то ни было продукты питания. Получаемые нами продукты были достаточно хороши, но все же для английского солдата требуется не такого рода пища. Мясо получить было не трудно; хлеб, в виде персидских «сангаков», нечто вроде индусских лепешек (чапатти), можно было получить за высокую цену, но нельзя было доставать свежих овощей и их приходилось заменять сушеным инжиром и абрикосами. Люди весело съедали свой обед, не вникая особенно в его составные части, так как английский солдат всегда был большим консерватором в отношении своей ниши. Но персидский хлеб был слишком груб для их пищеварения и у них вскоре начались желудочные заболевания, которые могли бы очень осложниться, если бы мы не устроили, наконец, собственной хлебопекарни и не стали бы выпекать собственного хлеба. Эту пекарню мы выстроили из подходящего материала, приобретенного у русских. [65-66]

Постепенно мы начали увеличивать свои силы путем привлечения к себе на службу нескольких русских офицеров, бежавших от бакинских большевиков. Последнее обстоятельство помогало нам быть в курсе бакинских событий; двое из офицеров были сейчас же отправлены с секретных поручением. Все те офицеры, которые поступили в то время к нам на службу, были люди испытанной порядочности, отличившиеся на войне и готовые взяться за любое поручение, лишь бы суметь показать себя, и все они впоследствии вполне оправдали свою репутацию.

Но вот и последние части русской армии покинули наши окрестности. Оставался лишь отряд Бичерахова, который - с уходом последнего русского эшелона - тоже зашевелился и Бичерахов известил меня, что он имеет намерение последовать за ушедшими частями и покинуть Персию, как только у него будут готовы транспортные средства. Если бы он тогда выполнил свое намерение, то мы едва ли могли рассчитывать на то, что удержимся в Северной Персии. Я мог бы еще держаться в Хамадане, но не имел бы никакой возможности распространить свое влияние дальше к северу, и ничто не помешало бы джангалийцам занять Казвин. А джангалийцы теперь, с наступлением хороших дней, конечно, начали бы свои предполагаемые операции.

Таким образом, нужно было соблазнить Бичерахова соединить свою судьбу с нашей, для чего заключить договор, выгодный для обеих сторон. После долгих препирательств по разным пунктам мы, наконец, выработали следующие условия:

- 1) Бичерахов не выведет своих войск из Персии, пока я не сумею заменить их своими частями;
- 2) я, со своей стороны, обязуюсь оказывать ему финансовую помощь, так как он испытывает большие затруднения в выплате жалованья людям, но он не должен быть корыстолюбивым и не должен требовать платы за оказываемые нам услуги, употребляя получаемые суммы исключительно на покрытие действительных расходов по военным операциям;
- 3) Бичерахов не должен предпринимать никаких операций без нашего согласия, в противном случае финансовая помощь со [66-67] стороны английского правительства немедленно будет прекращена;
- 4) первой военной операцией должны быть военные действия против армии Кучук-хана и расчистка пути от Казвина к Каспийскому морю;
- 5) если Бичерахов окажет мне должное содействие в Персии, то мы совместно выработаем план позднейших действий на Кавказе, где моя помощь будет ему не менее ценна, чем его мне.

Едва этот превосходный договор был заключен, как представился случай испытать его действия на практике. 28-го марта мы получили достоверные сведения, что джангалийцы готовятся идти на Казвин и что население Казвина готово радушно встретить их. В настоящий момент они занимают все важные пункты Рештской дороги и окопались у Менджилийского моста, дабы закрыть всякое движение по дороге.

24-го марта мы двинули небольшой отряд казаков к Казвину, а другая часть казаков отправилась по шоссе и достигла города одновременно с первым отрядом. Планы Кучук-хана оказались, пока что, разрушенными и Казвин был спасен. К этому времени положение в городе настолько обострилось, что банк получил приказ закрыться, и всем чиновникам велено было выехать. Банк в Реште был уже разграблен. Управляющий банком г. Окшот и английский консул г. Маклерен были арестованы и попали в лапы джангалийцев. Капитан Ноель, пытавшийся пробраться ко мне с донесениями из Тифлиса, также был схвачен ими. Двое первых содержались не слишком строго и сумели, поэтому бежать в Энзели по-

сле нескольких месяцев плена; последний-же содержался со всей строгостью с самого первого дня ареста и был в плену целых пять месяцев, пока его не освободили, согласно мирному договору, заключенному после победы над джангалийцами. Несколько раз он пытался бежать, но каждый раз счастье изменяло ему, и после каждой неудачной попытки к бегству к нему применяли еще более строгий режим, который был весьма далек от цивилизованных правил войны, хотя Кучук всегда претендовал на то, что в этих вопросах он не отстает от европейцев.

Бичерахов имел теперь возможность двинуться дальше по [67-68] Менджелийской дороге, чего он сам очень желал. Я же, к этому времени, не имел в своем распоряжении войск, чтобы обеспечить ему тыл, что ставило меня в очень неприятное положение; поэтому я обещал ему поддержать его движение аэропланами и бронированными автомобилями, если только он подождет еще неделю. Таким образом, я кормил его обещаниями целых десять недель, пока не подошли мои войска, и тогда уже наш план был приведен к успешному завершению. Эти десять недель отнюдь не были приятными для нас обоих, и мы уже находились в опасной близости к тому, что деликатно именуется «взаимным обменом упреками».

Было также решено немедленно приступить к набору персидских партизанов, каковая задача выпала на долю нескольких свободных офицеров. Кроме того, мы затребовали второй отряд офицеров и людей из частей N. C. O.

Моим ближайшим делом теперь было немедленно принять энергичные меры к воспрепятствованию дальнейшего продвижения противника внутрь северо-восточной Персии. В этом направлении нами был достигнут значительный успех, и нам даже удалось захватить одного довольно зловредного австрийского офицера. Он был пойман 21 марта, благодаря казакам, вместе с турецким унтер-офицером, который был с австрийцами в качестве проводника и переводчика. Офицер был переодет персидской женщиной, но походка и высокий рост выдали его; турецкий же унтер офицер был гораздо удачней переодет персидским крестьянином и, будь он один, конечно, остался бы неопознанным Единственной просьбой австрийского офицера, когда его захватили, была просьба дать ему поесть немного европейского хлеба, но когда мы ему сказали, что сами вот уже два месяца, как сидим на «сангаке», он был страшно поражен. Неделю спустя мы имели уже возможность угостить его тем, чего он хотел, так как наша знаменитая пекарня заработала вовсю.

Тем временем, в соседних деревнях шло обучение солдат под наблюдением турецких инструкторов. Это, несомненно, вело, в результате, к нападению на нас, а потому мы немедленно же предприняли шаги к прекращению подобного рода занятий. Суть дела была, конечно, не в том, что обучение солдат должно бы [68-69] ло непременно кончиться серьезным походом против нас (да если бы даже и так, то, во всяком случае, не так еще скоро), а в том именно, что обучение хорошо вооруженных людей, это - нечто гораздо более близкое к активным действиям, нежели вынесение пышных резолюций на митингах.

Помощь голодающим уже началась, и работа становилась все продуктивней. Описание всей выполненной работы будет сделано в следующей главе. Последствия голодовки были ужасны. Проходя по городу, вы натыкались сплошь и рядом на чудовищные сцены. Никто не мог бы вынести таких зрелищ, за исключением людей, преисполненных великолепным равнодушием Востока: «такова воля божья». Таким образом, люди умирают, и никто не делает никаких попыток помочь, и трупы лежат на дорогах и улицах до тех пор, пока предание их земле становится, наконец, неизбежным. На одной из главных улиц города я наткнулся на труп мальчика, лет девяти, который, очевидно, умер в этот же самый день; его лицо было погружено в грязь. Люди с невозмутимым спокойствием обходили его, как если бы это было препятствием самого обычного вида.

Весна начала, наконец, проявлять первые признаки своего приближения, но, вдруг, 1-го апреля, снова повалил снег и, казалось, что зима на некоторое время снова взяла верх. До мая нельзя было и думать об успешных военных операциях.

В этот самый день, когда снова пошел снег, я действительно решил, что долгожданная тревога началась. Задыхающиеся вестники из города принесли известие, что население спешно вооружается и что сам губернатор раздает винтовки и снаряжение толпе, приказывая ей идти громить англичан. Это было очень похоже на правду, и мы приготовились к нашей гибели. Но вскоре разведка выяснила, что тревога была фальшивой, и события имели совершенно иной характер. Так как я был в это время в дружеских отношениях с губернатором, то я не мог поверить, что он станет действовать так коварно. Не верить никому во время войны - хороший лозунг и я, поэтому, никогда не доверял моим персидским друзьям настолько, чтобы совершенно забыть о мерах предосторожности, но, с другой стороны, я убедился, что степень доверия, которую, как мне [69-70] казалось, можно было оказать в том или ином случае, всегда оправдывалась.

Дело же было в следующем: какой-то персидский казак был арестован и посажен губернатором в тюрьму. Бичераховские казаки вообразили, что это произошло с одним из их товарищей; прискакав в город, они приготовились осаждать тюрьму. Это было уже слишком даже для нашего терпеливого гу-

бернатора и он, совершенно правильно, отдал приказание вооружить своих людей и идти отражать казаков. Конфликт был улажен только с прибытием к месту действия генерала Баранова, который стал вызывать к примирению, расследовал факты и убедил казаков вернуться в свои казармы.

3-го апреля к нам прибыл генерал Байрон со вторым эшелоном из двадцати офицеров и стольких же солдат частей N. C. O. Это явилось весьма желательным добавлением к нашим маленьким силам. Группа офицеров была хорошо подобрана и включала в себе капитана Доного, известного военного корреспондента, который был нами вдвойне приветствуем, по причине своего знания русского языка. С ним приехал еще капитан Ив, обучавшийся в России, сапер; его помощь была незаменима в нашем маленьком отряде. Другим полезным добавлением являлся лейтенант Акбар, персидский джентльмен, имевший деловые связи с Англией; его служба была для нас не менее ценной.

Бросая ретроспективный взгляд на наше путешествие из Багдада в Энзели и затем из Энзели в Хамадан, я никогда не перестаю удивляться, что в нас стреляли всего только один единственный раз. С русскими дело обстояло иначе, и они всегда попадали в истории. Грузовой автомобиль с шестью русскими был атакован близ Хамадана в конце марта и все пассажиры были убиты. За Султан-Булагским перевалом произведено было нападение на другой автомобиль и было убито три чиновника. Третье нападение на грузовик у подножья перевала было успешно отбито.

Я не думаю, что эти факты необходимо указывают на более враждебное отношение к русским, чем к нам, и мне просто кажется, что эти факты являются следствием пренебрежения к мерам предосторожности, что характерно для всей русской системы, так сказать «неглиже с отвагой». Подобные же трагические случаи продолжались и на Энзелийской дороге до тех пор, пока последние остатки русских войск не покинули Персию. Автомобили продолжали задерживать, машины сжигали, а пассажиров убивали, в то время, как мы, за исключением потерь на полях сражения, не потеряли в пути ни одной машины и ни одного человека за весь период нашего пребывания в Персии.

В конце марта к нам присоединился еще небольшой отряд, состоявший из 30-ти человек пехоты, к этому же времени в Хамадан прилетели аэропланы из Багдада. Эта небольшая помощь превратилась в глазах персов в очень крупную силу, и в Тегеран немедленно же было дано знать, что к нам прибыл целый батальон. Аэропланы же произвели огромный моральный эффект, который был нам более ценен, нежели множество войск. Это уже было, безусловно, признаком большой мощи и указывало на близость Багдадской армии. Ни у русских, ни у турок здесь, не было аэропланов, а потому то действие, которое они производили, обуславливалось, главным образом, их новизной.

Известие о прибытии к нам множества аэропланов и батальона пехоты возымело превосходное действие на отдаленную столицу, где вражеская пропаганда свила себе прочное гнездо и мучила местное население, вызывая обычные антибританские демонстрации. Положение английской миссии там было весьма неприятным-

Неожиданно персидское правительство повело довольно умную политику. Видя, что благодаря нашему союзу с Бичераховым, мы спасли Казвин и задержали движение Кучук-хана и что, вообще, этот союз нам очень выгоден, оно сделало попытку разлучить нас с русскими. Бичерахов вдруг получил срочное предписание немедленно увести свои войска из Персии, согласно условию, заключенному между русскими и персидскими властями, по которому русские должны были очистить Персию в давно уже истекший срок. Предписание сопровождалось свирепыми угрозами, которые имели быть приведены в исполнение в случае невыполнения предписания. Этот приказ не вызвал со стороны Бичерахова никаких колебаний; он ответил, что намерен подчиниться выработанным условиям и торопится уйти из Персии, но ему препятствуют войска Кучук-хана. [71-72]

Наша миссия начала уже принимать международный колорит, так как к нам присоединились трое французских офицеров. Эти офицеры, под начальством полковника Шардиньи, направлялись на Кавказ, но примкнули пока что к нам, ожидая лучших условий путешествия. Двое из них позднее вернулись во Францию, и с нами остался только лейтенант Пуадебар, отличный малый, который оставался с нами до самого падения Баку.

Было несколько случаев покушения на офицеров, но неудачных, так как все стрелявшие предпочитали держаться на почтительном расстоянии, будучи, однако, плохими стрелками. Однажды только покушавшийся подошел близко к офицеру и направил на него револьвер, но офицер оказался быстрее его и выстрелил в него первым. За исключением упомянутых происшествий, других попыток насилия произведено не было и городское население стало уже смотреть на нас, как на постоянных, хотя и не особенно желательных, оккупантов. [72-73]

ГЛАВА VI

Мы начинаем знакомиться с нашими хозяевами

НАЧИНАЯ с последних чисел марта, дела пошли лучше, так как русские войска закончили, наконец, свою эвакуацию, и мы с Бичераховым получили полнейшую свободу действий.

Договор, заключенный нами, был все время свято соблюдаем обеими сторонами, но существовало опасение, что чаша терпения казаков в один прекрасный день переполнится и они покинут нас, уйдя к себе, домой на Северный Кавказ. Они уже жаловались на проволочку, и я знал, что их стремление к морю, совпадет с нашими планами не ранее еще многих недель. Я начинал уже опасаться, что их не удастся удержать до того момента, когда придут наши войска.

Во всяком случае, при отсутствии войск, хотя, правда, персы относились с большим уважением к моему отряду из двенадцати офицеров, двух писарей, сорока одного шоффера с одним бронированным автомобилем и тридцатью человек пехоты и искренно принимали его за многотысячную армию, но, повторяю, при отсутствии настоящих войск, с одной только нашей призрачной армией, военных операций вести было нельзя, а вести их нужно было и в самом недалеком будущем. Дело было ясно: или казаки, или отказ от дальнейшей работы.

При описании различных фаз работы нашей миссии в тот период времени, очень трудно придерживаться точной последовательности: в одно и то же время нам приходилось выполнять множество самых разнообразных заданий, а потому каждому из них придется посвятить отдельную главу. Главы этой книги не представляют собой описания событий, следовавших одно за другим в хронологическом порядке, а описание со [73-74] бытий, имевших место почти в один и тот же промежуток времени.

Таким образом, в предыдущей главе я рассказал о наших переговорах с русскими, в настоящей же главе я возвращаюсь, несколько назад, ко времени нашего первого прибытия в Хамадан, для того, чтобы объяснить наши взаимоотношения с персами.

Лишь только сделалось очевидным, что наша стоянка в Хамадане может затянуться на неопределенное время, я решил начать знакомиться с местными начальствующими лицами, помещиками, политическими деятелями и купцами. Беспрестанные взаимные посещения были делом нелегким, но их результаты оказались, в общем, весьма полезными. Конечно, персы не могут претендовать на монополию всех добродетелей, но и пороки их не так уж необъятны. В эти переходные дни все они были очень дурными солдатами, но ведь самые драчливые люди не являются одновременно самыми доблестными, а потому я не вижу причины оказывать пренебрежение персам только за то, что они придерживаются той философии, которая считает войну анахронизмом и предпочитает язык мечу. Китаец делит свой народ на храбрых и на нехрабрых, и перс придерживается приблизительно такого же образа мышления. Некоторые, как, например, разбойники большой дороги, делают себе из храбрости профессию и живут этим; другие же открыто исповедуют трусость, вследствие чего они никогда не противостоят опасности и предпочитают бежать от нее. «Я найду себе безопасное убежище иод сенью наслаждения» - вот персидская поговорка, передающая их настроение с точностью.

При моих первых визитах меня любезно сопровождал английский консул г. Мак-Дауль; он был моим переводчиком и учил меня персидскому этикету. Первый визит был, конечно, сделан губернатору Низам-эс-Султанэ. В отношении своих политических убеждений он был крайним демократом, но во всем прочем он оставался аристократом с головы до ног. Он слыл за такого «ультра-крайнего», что его взгляды считались почти анархическими, но, одновременно с этим, его нелегко было поймать на удочку. Наш визит был назначен на 3-ье марта, и в половине пятого этого дня мы прибыли к губернаторской [74-75] резиденции, где мы были сначала встречены почетным караулом полицейских, а затем ливрейный лакей провел нас в залу, где должна была состояться аудиенция.

Меня сопровождали: капитан Саундерс и мой адъютант, капитан Дунинг. Капитан Саундерс, служивший когда-то в Сейстане, знал немного по-персидски и чувствовал себя на аудиенциях подобного рода вполне в своей тарелке.

Губернатор пожал нам руки с ледяной любезностью и, представив нам своего друга - Хаджи-Саад-эс-Султанэ, чиновника особых поручений по русским делам, попросил нас сесть и велел подать чай.

Низам-эс-Султанэ - молодой, красивый персидский джентльмен, лет тридцати пяти, с лощеными манерами тегеранского общества. Его друг - представительный человек, лет на десять, приблизительно,

старше губернатора, много путешествовал по Европе, свободно владел французским языком, перенял европейские манеры и европейский костюм, за исключением головного убора.

Разговор начался с обычных бессодержательных фраз, приличествующих хорошему обществу. Губернатор заметил, что в этом году выпало много снега, с чем я был вполне солидарен, и что, пожалуй, нужно ждать еще снега, с каковой возможностью я также охотно согласился.

В свою очередь, я заговорил об умирающих от голода, о бренности человеческой жизни, присовокупивши к этому жалобу на ужасное состояние дороги между Хамаданом и Асад-Абадом. Это вызвало внезапный переход от бессодержательности к самым насущнейшим темам.

Губернатор вдруг насторожился и выпалил целый ряд вопросов:

- Разве дороги, действительно, так ужасны?
- Откуда мы приехали?
- Почему мы приехали?
- Много ли людей в отряде?

На все эти вопросы, за исключением последнего, легко было ответить, но последний вопрос привел меня в некоторое замешательство; тем не менее, я отпарировал эту попытку получить нужные сведения отважной ложью: я ответил губерна [75-76] тору, что отряд довольно многочисленный и что ожидается прибытие еще некоторого количества войск.

Для того, чтобы пресечь возможность дальнейшего развития этой неудобоваримой темы и избежать точного разъяснения значения термина «некоторое количество», я быстро перешел на разговор о Кучук-хане. Эта злободневная тема отодвинула справки о наших силах на второй план. «Славший малый этот Кучук-хан» - сказал я: - «он мне нравится, хотя, по правде говоря, мы не совсем сходимся с ним во взглядах на некоторые вещи; впрочем, это только потому, что мы до сего времени не имели возможности поговорить лично друг с другом. Но если бы мы с ним встретились, то я уверен, что все наши разногласия были бы тотчас же улажены. Я полагаю, что вы, ваше превосходительство, вполне разделяете мои симпатии к нему».

Мой вопрос, как я и ожидал, вызвал с его стороны негодующее отрицание, которое, однако, показалось мне малоубедительным. Умышленно внезапный переход на эту тему несколько сбил его с толку и вызвал у него некоторое замешательство, указавшее на не совсем кристальную чистоту души. Дело в том, что губернатор не принадлежал к числу искренне сочувствовавших джангалийскому движению, а был в лагере тех осторожных людей, которые ждали, откуда, наконец, подует ветер.

Другой чиновник тоже присоединился к нашему разговору, стараясь выведать у меня кое-какие справки, но это было безнадежно и я, пользуясь тем обстоятельством, что это был всего лишь официальный визит, откланялся, положив, таким образом, конец дальнейшему перекрестному допросу.

Я уверен, что английские представители в Хамадане улыбнутся, если я признаю им в своих симпатиях к Низам-эс-Султанэ, ибо мои взгляды не совсем совпадают с их точкой зрения. Первое, что они поставят ему на вид, это то, что он, будучи управителем, ничем, однако, не управлял. Но возникает вопрос, должны-ли вообще управлять персидские губернаторы? Ни один из известных мне губернаторов не делал никаких серьезных попыток, губернаторствовать в нашем смысле слова. Они представляют собой правительство и на том начинаются и кончаются все их функции. Взять, например, хотя бы вопрос по [76-77] мощи голодающим: разве не губернатор должен был предпринять первые шаги в этом направлении? Есть-ли в Персии кто-нибудь, кто бы, так или иначе, проявил свое внимание к голодовке? Ведь это, во всяком случае, насущнейший вопрос. Найдется ли во всей Персии такой губернатор, который дал хотя бы два пенса на голодающих? Нет. И мой новый знакомый был не более и не менее, как оно и должно было быть, согласно понятию персов, приятным джентльменом и очаровательным представителем Тегерана, но он не губернаторствовал.

Следующие визиты были сделаны нами кар-гузару и крупнейшему в соседстве землевладельцу - Амир Афгаму. Последний был очень милый господин, ненавидевший свое вынужденное пребывание в глухой провинции и никогда не перестававший сожалеть о невозможности сыграть с кем-нибудь хорошую партию в покер. Его сожаления разделял и губернатор, и оба они усиленно молили перевести их в Тегеран, где им хотелось снова приобщиться к светским удовольствиям и играть вволю в покер.

Амир Афгам являл характерный тип персидского помещика. Ему было лет шестьдесят; небольшого роста, веселый и жизнерадостный, с оглушительным смехом, слышным за полмили, он был очень богат, но как все богатые люди, часто находился в стесненных обстоятельствах. Естественно, что он ненавидел всяких демократов и политиканов и в особенности нашего губернатора. В то время, когда мы были у него, с ним находился вице-губернатор, присутствовавший при нашем разговоре. Вот еще один пример персидских нравов: старик напал на губернатора в самых резких выражениях, а правая рука губернатора сидела тут же и аплодировала.

Действительная причина ненависти Амира к губернатору заключалась в том, что губернатор, исполняя свой служебный долг, потребовал от него уплаты числившихся за ним весьма значительных на-

логовых недоимок. Налоги были, несомненно, законны и, действительно, давно уже не вносились; но требовать их уплаты - ведь это так невежливо! Такая простительная забывчивость даже недостойна того, чтобы на нее обращали внимание. И возмущенный старый джентльмен при столкновении со сборщиками податей прибег к вооруженной силе, но, [77-78] к счастью, как это всегда случается в Персии, инцидент не закончился кровопролитием, а налоги так и остались неуплаченными.

Видя вице-губернатора, искренне сочувствующего сопротивлению, оказанному властям этим зловредным стариком, я убедился в трудности для персидских губернаторов управлять страной. Может быть, в конце концов, персидская *laissez faire - laissez passer* система ничуть не хуже всех прочих систем управления.

Персидский же взгляд на вещи был выражен и в ответе на мое печатное воззвание к населению, о котором я уже упоминал: «Наша система, может быть, и никуда не годится, но она наша собственная; она удобна для нас и мы не хотим вашей, которая нам непригодна».

Мой визит к Амиру пролил новый свет на действительное положение губернатора. Можно упрекнуть его в том, что губернатор не управляет, но нужно принять во внимание всю трудность положения администратора, если его предписания встречают оппозицию со стороны даже самой важной персоны округа, а если он настаивает на приведение в исполнение своего распоряжения, то встречает даже вооруженное сопротивление. Прибавьте к этому еще и то обстоятельство, что его собственный помощник относится сочувственно к действиям, дискредитирующим власть, и вы поймете, что положение губернатора в Персии становится поистине «губернаторским».

Плохо ли, хорошо ли в Персии, мы-то, во всяком случае, должны были быть благодарны за то, что вся эта неразбериха способствовала упрочению нашего положения в Хамадане.

Старик Амир не подвергал меня очень пытливому допросу; он скорее был даже рад видеть англичан в этой части Персии. По его мнению, всякая власть была лучше правления демократов, которые проявляли так мало уважения к его персоне, что имели даже наглость требовать с него уплаты недоимок.

Несколько дней спустя, начались ответные визиты. Губернатор, кар-гузар и Хаджи-эс-Султанэ прибыли с приличествующим данному случаю официальным эскортом и разговор на этот раз не был уж так холодно формален; лед начинал подтаивать. Амир прибыл, сопровождаемый самой внушительной [78-79] процессией, включавшей прелестного пони, которого вел под уздцы лакей. Пони был нагружен трубкой хозяина, табаком и жаровней с раскаленными угольями. Последний груз, казалось, не совсем подходил для горячего пони, но возможно, что какой-нибудь печальный случай с жаровней научил пони-табаконоса не горячиться.

Тем временем мои офицеры завязывали сношения с остальными начальствующими лицами города. Начавшаяся помощь голодающим связала нас со всеми классами населения и, таким образом, к концу месяца мы, составляли неременную принадлежность местного общества.

Но выспрашивание меня и моих офицеров, продолжавшееся с неумолимым рвением, стало, наконец, невыносимым. Я знал, какого рода телеграммы губернатор и другие чиновники получали от министра внутренних дел Персии: он требовал у них, во что бы то ни стало, выяснить точное число войск в английском отряде. Зная это, я едва-ли мог обвинять их за то, что они старались показать, что выполняют приказание. Мои успехи в персидском языке сильно подвинулись вперед, а мое вторичное знакомство с «Голестаном!» Саади принесло мне большую пользу в последующих дипломатических турнирах.

Удивительная вещь: персы учились и воспитывались на мудрости Саади и других глубоких и замечательных мыслителей (нет такой жизненной проблемы, которая не была бы разрешена в сочинениях этих поэтов-мыслителей), они читают, декламируют и цитируют их, но никогда не следуют им. Они покорно ждут откровения с Запада, тогда как у нас все то, что достойно изучения, за исключением современной науки, все - заимствовано с Востока.

В восьмой главе «Голестана» я нашел то, что искал: одно место этой поэмы я выучил наизусть для защиты себя от града затруднительных вопросов губернатора, которыми он засыпал меня на каждом интервью.

В конце концов я выразил свой протест в следующей фразе: «Мои визиты к вам и ваше пребывание у меня служат источником невозмутимого удовольствия для нас обоих, но мне кажется, что мы ведем наши беседы не всегда с одинаковыми, бескорыстными целями: я говорю о погоде, об урожае, о пре [79-80] лестях жизни, о бренности нашего существования, о судьбах человечества и т. д. Ваш же разговор состоит из ряда часто повторяющихся и неинтересных вопросов, как, например: сколько у нас войск? сколько у них винтовок? сколько патронов на каждое ружье? сколько войск еще прибудет? когда они прибудут? где они сейчас? Разговор об этих вещах очень скучен для меня, как, должно быть, и для вас. Я могу очень легко ответить вам на эти вопросы, говоря неправду, ибо мое правительство не может же предполагать, что я буду разглашать государственные тайны, но я очень не люблю лгать, и в этом отношении я, возможно, являюсь для вас невиданным еще доселе типом, но я повторяю, что ложь мне про-

тивна. Я мог, согласно известной персидской поговорке, драпировать свои мысли в мантию забвения, но я предпочитаю не делать и этого. Итак, на все вопросы, которые вы мне задавали прежде и намерены задавать в будущем, я отвечаю вам следующей цитатой из Саади:

Не каждую тайну, сокрытую в сердце,
Можно открыть своему лучшему другу:
Бог знает - твоим врагом он может стать завтра.
И не нужно причинять вреда
Врагу твоему:

Бог знает - другом твоим он ведь может быть завтра.

Это навсегда покончило с любознательными расспросами и меня оставили, наконец, в покое. Изредка, под влиянием настоятельных приказов из Тегерана, делались попытки возобновить допросы, но теперь уже не нужно было и цитат, достаточно было мне произнести «восемья глава», как мои собеседники с улыбкой переходили к более приятным темам.

Не нужно, конечно, думать, что я один настолько мог справляться с персидским языком, чтобы демонстрировать все эти образцы красноречия. Разговор велся частью мною самим, с помощью капитана Саундерса, частью с помощью консула г. Мак-Муррея; а иногда мы говорили и по-французски, через Хаджи.

Наша дружба с местными властями, к общему благополучию, теперь довольно прочно установилась. Деньги, этот обычно полезный, хотя и предосудительный способ воздействия, совершенно отсутствовал в наших отношениях. Когда нам делались [80-81] всяческие любезности, то местные политики объясняли их неизменно взяткой, но я чистосердечно заявляю, что все, что только было для нас сделано, никогда не делалось ради денег.

Я могу привести пример нашей политики с местными властями и рассказать один случай, имевший место в другое время и в другом городе. Имен я называть не стану.

Одно начальствующее лицо было со мной в самых теплых дружеских отношениях и старалось всячески подчеркнуть свое хорошее отношение ко мне. В те времена вопрос закупки продовольствия стоял для нас исключительно остро.

Однажды утром мне дали знать, что наш друг получил от своего начальства какую-то зашифрованную телеграмму. Вскоре затем мне сделалось известным и содержание этой телеграммы; оно гласило: «Примите меры к недопущению того, чтобы англичане делали, какие бы то ни было, закупки продуктов. Все их поставщики должны быть немедленно же арестованы». Было ясно, что нам могли воспрепятствовать закупать продукты всеми средствами, но нам оставалось, пока что, «сидеть и ждать». Нам не долго пришлось сидеть, прежде чем мы дождались.

Офицер, заведывавший снабжением отряда, явился ко мне с докладом, что продукты, которые должны были быть доставлены к сегодняшнему утру, все еще не доставлены. За этим докладом последовали вскоре вопли семейств, лишенных своих кормильцев, извещавшие нас, что главы семейств, наши поставщики, брошены в тюрьму.

Начальствующему лицу был послан немедленно срочный запрос с просьбой, объяснить причины ареста и освободить поставщиков. Ответ, составленный в вежливых, но сдержанных выражениях, гласил, что эти люди были арестованы по обвинению в каких то проступках и отпущены быть не могут.

Теперь нам предстояло выбирать одно из двух диаметрально противоположных способов действия: выставить ли нам наших 12 офицеров, двух писарей и сорок один автомобиль и попытаться освободить наших поставщиков силою штыков, или же испробовать нам подлинность дружбы и посмотреть, не поможет ли последняя. Я решился на второе средство и немедленно же отправился к упорному чиновнику с одним из офицеров моего штаба. Я боялся, что он, под предлогом болезни, не примет [81-82] нас, как это обыкновенно делается в Персии, когда создается тревожное настроение. Но он принял нас, что я счел за хорошее предзнаменование. С холодной, официальной вежливостью он встретил нас и пригласил сесть. После обычного обмена любезностями, мы приступили к делу, прося дать объяснения по поводу деспотического обхождения с нашими поставщиками. Вот что он ответил нам:

«Что касается ареста людей, за которых вы просите, я должен вам сказать, что действую в данном случае согласно приказанию, которым я, как должностное лицо, не могу не подчиниться. Вы можете не поверить этому, но я должен сказать вам конфиденциально, что мною только что получен строгий приказ принять все меры к недопущению того, чтобы вы делали закупки продуктов и, как первый шаг к выполнению этой задачи, немедленно же арестовать всех ваших поставщиков. Ваше присутствие в Персии нежелательно, а потому принимаются меры к созданию здесь невозможных для вас условий. Почему вы нарушаете спокойствие такой нейтральной страны, как Персия, вводя сюда войска?»

«Относительно ареста поставщиков», - отвечал я, - «ведь немыслимо же в вашей стране согнать людей в тюрьму, не предъявляя им никаких законных обвинений. И я уверен, что в этой стране нет такого закона, который запрещал бы продажу кому бы то ни было из желающих его купить».

Начальствующее лицо ответствовало на это следующими словами: «Вы не знаете наших законов, а потому вы не компетентны, обсуждать их; они не похожи на ваши. Мне приказано было арестовать этих людей, и я так и сделал».

Тогда я стал объяснять, уже далеко не в первый раз, что присутствие наше в нейтральном государстве вынужденное, обусловленное создавшейся обстановкой. Если бы Персия соблюдала свой нейтралитет, то не было бы необходимости в нашем здесь присутствии, которое объясняется исключительно лишь действиями немцев и турок на территории этой страны Персидское правительство, надо полагать, вполне примирилось с фактами турецкой оккупации и немецких махинаций и применяет закон нейтралитета только к одной из воюющих сторон.

В сущности, говоря, не было большой необходимости за [82-83] водить разговор на эту тему, но люди Востока не любят, чтобы их торопили, и у них считается хорошим тоном подходить к делу окольными путями. Таким образом, поговорив еще немного на эту тему, я решил вернуться к первоначальному предмету обсуждения и обратился к нему с следующими словами: «Я очень вам благодарен за то, что дали нам подробные объяснения обстоятельствам, явившимся причиной создавшихся неприятностей, и я, как солдат, меньше всего, конечно, хочу понудить вас к неисполнению приказаний. Я понимаю, что вы не могли действовать иначе и восхищаюсь той быстротой и точностью, с которой вы выполнили данное вам предписание. Вы теперь выполнили свой долг и можете, с чистой совестью, донести вашему начальству об исполнении полученного приказа». На этом мы покончили с официальной частью нашего разговора.

«Теперь могу ли я обратиться к вам, как к другу? Мне кажется, что я могу быть уверенным, что вы сделаете для меня лично все, что только в ваших силах. До сего времени наша дружба выражалась лишь в словах, а не в действиях. Были ли эти слова искренними? Если да, то претворите их в действия. Я вас прошу сейчас, как друга, отпустить мне моих поставщиков на свободу. И опять обращаюсь к вам, как к другу, и надеюсь, что вопрос снабжения продовольствием будет нам облегчен».

Счастливым эпилогом этого неприятного происшествия было освобождение арестованных поставщиков и отмена всех стеснительных распоряжений в области закупок провианта. Позднее, встретившись с ним, я поздравил моего друга с благополучным разрешением конфликта, а он, в свою очередь, заметил, что если бы все воюющие теперь великие державы были вполнину настолько благодарными, насколько оказались он и я, то войн никогда не было бы. И это правда.

Я дал сейчас общее представление о том, что должно понимать под приятными встречами, но были и другие категории встреч, которые были весьма неприятными. Так, например: отношения с представителями купечества и местными политическими деятелями.

Купцы были радушны и любезны, но в них не было, того [83-84] очарования, которое вы найдете у воспитанных персидских джентльменов, и у них нет никакого суждения о вещах, помимо своих дел. Сентиментальный делец, - это еще, к сожалению, не выкристаллизовавшийся тип. Мне пришлось раз навсегда покончить все разговоры с этими «джентри», как только я коснулся вопроса ужасов голода и порекомендовал им отпустить некоторую сумму для целей помощи голодающим.

Политические деятели были, большей частью, низкого происхождения. Были среди них и идеалисты, но были и такие, которые усматривали в занятии политикой кое-какие выгоды для себя.

Очень долго они противились моим приглашениям на «чашку чая», но мало-помалу они стали появляться к нам по два, по три, пока сам их упрямый лидер, Ферид-Уд-Доуле, не решился, наконец, почтить нас своим присутствием. Мы очень приятно провели время вместе с ним. Чрезвычайно трудно было убедить этих людей войти с нами в какие бы то ни было сношения, даже оставаясь в пределах только светского знакомства, и в этом отношении очень многим я обязан г. Мойру, который состоял при мне в качестве политического советника; со своим знанием языка и близким знакомством с персидскими обычаями он делал положительно чудеса. Мойр уже много лет работал в Персии, как представитель одной крупной фирмы, а также в качестве английского военного консула. Затем он присоединился к нашей миссии и работал с нами в продолжение всех наших операций. Кроме него мне очень помогал один из моих персидских друзей.

Подобные знакомства были полезны лишь для того, чтобы узнать поближе характер этих деятелей и постараться умерить, хотя и в очень малой степени, рвение агитаторов. Я не имел никакой надежды пытаться привлечь конспираторов на свою сторону, но зато я дал им такое направление мыслей, которое сделало их менее зловредными.

Контрразведка, под руководством капитана Саундерса, достигла теперь таких успехов, что почти не могло быть таких сведений, которых я, при желании, не мог бы получить. В подобного рода работе деньги играют огромную роль, но с одними деньгами нельзя достичь таких результатов; в среде моего [84-85] штаба и людей, работавших для нас, существовала строгая конспирация и желание работать, и к тому же была безукоризненно налаженная система проверки получаемых агентурных сведений с целью избежания всех неправильных информаций. Во все время нашей стоянки в Хамадане, в каких нибудь ста

милях от нас находился турецкий консул с военной силой, достаточной для того, чтобы стереть нас с лица земли. Но после падения Багдада воинственный дух окончательно покинул турок, а гиперболические сведения о моих силах заставляли консула бояться меня больше, нежели я боялся его.

Этот чиновник, естественно, находился в сношениях с турецкой миссией в Тегеране и тратил немало времени и денег на телеграммы. Телеграммы эти должны были проходить через Хамадан, и мы, без всякого предательства со стороны телеграфных чиновников, читали их все до единой. Некоторые из них, написанные обыкновенным языком, переводились нами, а зашифрованные так и остались непочтанными и ключа к ним нам так и не удалось получить. Результатом наших манипуляций над этими телеграммами явилось яростное внушение турецкого консула начальнику персидского телеграфа: «Что случилось с вашим учреждением? Оно работает не так, как ему следовало бы. Я получил сведения от одного из моих агентов, что из девяти телеграмм, отправленных мною за последнее время в Тегеран, две совершенно не достигли места назначения, а семь были до того искажены, что их нельзя было расшифровать. Пропажа двух телеграмм была обнаружена по недостающим номерам депеш. Потрудитесь быть более внимательным в будущем». Надо полагать, что уважаемый г. консул позднее разрешил ему задачу.

При подобной, отлично организованной системе разведки, нетрудно было овладеть документами, отражавшими в себе настроение умов членов местного демократического комитета, возглавляемого Феридом-Уд-Доуле. Их отчеты были наиболее осведомлены и содержательны, что позволяло мне быть всегда в курсе всей политической жизни. Почти ежедневно ими посылались письма Кучук-хану и турецкой миссии, и все эти послания проходили через мои руки.

Кучук Хану писалось нечто вроде нижеследующего: «Англи [85-86] чане здесь, но их очень мало. По вашему знаку мы сейчас-же восстанем и уничтожим их, но вы должны будете прислать нам помощь; у нас здесь мало бойцов, а англичане вооружены очень хорошо. Население города и большинство вождей на вашей стороне и мы ждем только знака. У нас мало денег». Туркам же они писали приблизительно следующее: «Английские силы здесь незначительны. Мы слышали, что германские войска, с помощью русских, идут через Баку. Когда они придут, то, если вы сумеете прислать сюда немного немецких войск, мы легко справимся с местным английским гарнизоном и с прочими здешними англичанами. Или пришлите турецкие войска. Мы делали все, что в наших силах, дабы помочь немецким планам и самим себе, и готовы в любой момент лечь костьми за наше дело. Мы могли бы сделать больше, если бы у нас было больше денег». Приведенные письма показывают, что политические деятели сознавали нашу слабость лучше, нежели местные власти. Имея в своем распоряжении такого рода сведения, я был отлично подготовлен к встрече моих гостей за «чашкой чая». Одно из таких посещений имело место спустя несколько часов после написания и отправки двух писем, подобных приведенным мною выше, и мне удалось прочесть эти письма как раз перед приходом моих гостей. После беседы на такие многозначительные темы, как погода, и голод, я перешел к разговору о Кучук-хане и о турках. То, что мои гости вращали мне, это было в порядке вещей; будь они даже самыми правдивыми людьми в мире, и тогда нельзя было бы ожидать от них правдивых ответов на мои вопросы, иначе это было бы равносильно подрыву их же собственного дела. Но когда я имел в своих руках письма, отражающие их последние настроения и мнения, их ложь казалась мне весьма забавной. Было бы гораздо веселее показать им их же собственные письма со всеми их подписями. Позднее мне приходилось поступать, таким образом, но делать это теперь означало лишиться нашего лучшего источника получения информационного материала.

«Я много слышал», - начал я, - по слухам, конечно, о вашей враждебности по отношению к нашей миссии. Ясно, что я не обращаю никакого внимания на всякие сплетни, но факты остаются фактами. Вы, безусловно, не одобряете наше [86-87] го присутствия здесь, и мы, в свою очередь, весьма сожалеем, что наше присутствие здесь неизбежно. Вы, конечно, сочувствуете Кучук-хану. Да и почему бы вам ему не сочувствовать!? Вы демократы, а он, говорят, всем демократам демократ. Но, быть может, вы припомните, что я тоже ведь демократ в том смысле, что я являюсь представителем единственно истинной демократической страны в мире, почему я, в некоторых отношениях, сочувствую Кучук-хану. Но он делает ошибку и становится нам врагом, закрывая мне путь к Каспийскому морю: в конце концов, его политика принесет ему же неприятности.» Моя речь была встречена возгласами почти негодования. «Какие неосновательные слухи! Что за дикая мысль! Как мы можем быть единомышленниками Кучук-хана, когда он есть олицетворение беспорядка, призыва к революции, тогда как мы стоим за порядок и законность».

«Но ведь вы так энергично протестуете против нашего вторжения сюда, на что у меня имеются наилучшие доказательства? Да и к тому же из воззваний и плакатов ясно видно, что вы намереваетесь убить нас в наших постелях. И джангалийцы вам, вероятно, помогут в этом!» Опять протесты оскорбленной невинности. Я перешел на тему об их справедливой и вполне оправдываемой любви к немцам и туркам:

«Огромное преимущество пребывания здесь немцев или турок, или тех и других вместе, заключается в том, что они могут упрочить положение правительства. Мы же не имеем никакого намерения оставаться здесь и наш немедленный отъезд после того, как мы выиграем войну, снова оставит вас в состоянии хаоса, каковой всегда был нормальным состоянием Персии. Но вот с немцами и турками этого уже не будет. Раз, попавши сюда, они отсюда не уйдут до второго пришествия, и твердое правительство вам будет гарантировано на вечные времена. Правление немцев здорово встряхнет персов, ибо вы сами жалуетесь, что они пребывают в состоянии летаргического сна. Тут уже не останется никакой летаргии, после того, как вы примете некоторую дозу «культуры», смею вас уверить. А что касается турок, то о них самих и образе их правления вы знаете гораздо лучше меня. Так или иначе, все эти преимущества можно будет получить лишь в том случае, если немцы выиграют войну, а они ее не выиграют. Таким образом, в связи с этими соображениями, ваши симпатии к ним и антагонизм нам не принесут вам ничего хорошего».

Моя речь снова вызвала целый поток негодования и отрицаний.

«Что за нелепая мысль предполагать, что мы симпатизируем этим ужасным немцам, к которым мы питаем отвращение, и туркам, которых мы ненавидим! Мы восхищаемся англичанами, но мы - нейтральная страна», а потому вы должны оставить Персию немедленно же. Мы и не думаем проявлять по отношению к вам никакой враждебности и готовы даже оказать вам свое покровительство, в случае чего-либо, но население города негодует, а мы не можем справиться с ними».

Сказанного будет достаточно для того, чтобы составить себе понятие о тех занимательных разговорах, в которых мы проводили время. Для меня они были одновременно и забавны и полезны. Я сомневаюсь, чтобы эти разговоры были одинаково полезны и этим демократам, но надо полагать, они казались им очень веселыми. Подумать только: как легко английский генерал проглотил всю эту чепуху о ненависти к Кучук-хану и отвращение к немцам и туркам? Ха, ха, ха! [88-89]

ГЛАВА VII

Голод

Те, которые никогда не видели голода, не могут себе представить, даже отдаленно, тех ужасов, которые вызываются отсутствием пищи. В борьбе за физическое существование в человеке исчезает все человеческое и остается одно голое животное, подобное рыскающему волку.

Может быть, многие и знакомы с голодом в таких странах, как Индия, где как бы ужасно ни было положение населения, правительство оказывает ему всемерную помощь, и хорошо организованная благотворительность немало содействует смягчению страданий бедняков. Но и в этих условиях несчастье кошмарно. Вообразите же себе, каково должно быть положение, в такой стране, как Персия, где государственная власть ничем не помогает голодающим и где частная благотворительность рассматривается, как тихое помешательство!

Первые признаки голода были обнаружены нами еще в самом начале нашего путешествия, в январе, когда нам на пути попадались мертвые и умирающие от голода и целые деревни с голодающим населением. С течением времени положение становилось все хуже и хуже, и было очевидно, что нужда будет возрастать до следующего урожая, т. е. еще в течение ближайших шести месяцев. Причин голода было немало. Во-первых - война и дурная погода сделали урожай 1917 г. очень тощим; во-вторых - значительный спрос на зерно со стороны турецких и русских войск сильно уменьшил его запас на рынке; в-третьих - небывалое повышение цен на хлеб открыло помещикам и хлеботорговцам такие широкие перспективы обогащения, что они вошли между собой в соглашение с целью поддерживать создавшиеся высокие цены и взвинчивать их еще выше. И хотя пшеницы для нужд населения всегда бывало достаточно, но держатели зерна отказывались выбрасывать свои запасы [89-90] сы на рынок, ожидая лучших цен, мало заботясь о том, что малейшее повышение цен на хлеб означало катастрофическое увеличение случаев голодной смерти среди беднейших слоев населения. Хлеб был, но за него нечем было платить.

Равнодушие и апатия хамаданского населения были прямо-таки чудовищными. Среди 50.000 населения более 30 процентов находились в условиях голодовки, и многим из них грозила неизбежная смерть. В Хамадане много богачей и хорошо организованное общество легко могло бы спасти своих беднейших сограждан от голодной смерти путем отчисления незначительного процента от своих огромных барышей, получаемых ими на спекуляции с пшеницей. Но они не только сами не принимали никаких мер, но даже мне с большим трудом удалось убедить их принять хотя бы некоторое участие в организуемой помощи и назначить своих людей для раздачи пищи, карточек и т. д.

Когда мы прибыли в Хамадан, здесь уже работали два центра помощи: один - персидский имперский банк, другой - американская миссия. Но число питаемых ими было очень невелико, всего 15.000 человек наиболее нуждавшихся. Эти организации помощи работали на основах чистой благотворительности, не организуя никаких работ, не давая никому денег, распределяя лишь по карточкам здоровую пищу.

Я же предполагал наладить помощь, посредством организации общественных работ, платя каждому поденную заработную плату, не требуя, однако, от работающих никакого урока.

Самой подходящей работой для цели помощи голодающим, казалось, могла быть работа по постройке новых дорог в окрестностях и по починке старых. Я ходатайствовал об ассигновании нужных сумм, что и было сделано незамедлительно. По получении разрешения на производство известных расходов мне оставалось только собрать людей на работу. Никто из нас никогда не имел ни малейшего опыта в деле организации помощи, и задача, поэтому казалась нам всем простой. Но дело обстояло сложнее. Перед нами были следующие задачи: В этом городе 10.000 мужчин, женщин и детей, страдающих от голода. Из них мы сможем помочь пяти тысячам, но эти пять тысяч должны быть выбраны из беднейших жителей. Но как можем [90-91] мы быть уверены, что отберем самых бедных? Каким путем сумеем мы лучше всего наметить условия работы, время, место и прочее? Можем ли мы надеяться, что на работу придут именно те люди, которые нам нужны, а не другие? При столь малом количестве офицеров, надзирателей за работами, и столь большом количестве желающих работать, как можем мы быть уверены, что люди, которым мы будем платить, есть именно те люди, которые работали?

Вставал еще целый ряд вопросов, но указанные здесь мною были наиболее важными для успешного начала работ.

Разбираясь во всем этом, сейчас, с пером в руке, я даю несколько ложное представление о том, что было в действительности: приступая к организации помощи, мы понятия не имели, какие затруднения могут нам встретиться, и задумывались над ними только тогда, когда наталкивались на них.

Кроме помощи голодающим было немало и других чрезвычайно важных вопросов, а потому мы не имели возможности посвящать все свое время исключительно филантропии. Мы даже не знали числа нуждающихся в помощи и действовали наугад.

При первых попытках нас постигла неудача, но мы вскоре наладили дело и в результате достигли значительного успеха. В первый день нашей работы никто из нас не был вполне уверен, что народ откликнется на наш призыв, а потому мы не были никоим образом подготовлены к встрече явившейся к нам огромнейшей толпы просителей.

Накануне вечером было дано знать по городу, что англичане хотят производить какие-то работы по ремонту дорог и будут платить работающим по три крана в день; что работы эти предпринимаются с целью помочь голодающему населению, а потому будут приняты лишь беднейшие и что сборным пунктом для желающих получить работу назначается восточная окраина города, и работы начнутся в 8 час. Утра.

На следующий день я отрядил капитана Джона и двух офицеров к месту производства работ. Мною им были даны следующие инструкции: «Как только люди придут, усадите их на землю рядами. Отберите из них тех, которые здоровей, и отошлите их обратно в город, оставивши на работах такое число, [91-92] которому мы сможем платить. Затем разделите людей на группы, человек по пятидесяти в каждой, назначьте в каждую группу по одному старшему и приступайте к работам».

На деле оказалось, что нечего было сомневаться в возможности недостачи людей для предполагаемых работ. Весь город, как один человек, устремился незамедлительно к сборному пункту и несчастные офицеры, окруженные несметной толпой, были счастливы спастись бегством, пока целы, хотя озабоченная толпа не выказала никаких признаков агрессивных действий. Не оставалось ничего другого, как воздержаться на этот день от дальнейших попыток и, выработав более детальный план организации, выпустив еще несколько объяснительных листовок по городу, попытаться начать работы со следующего дня.

Были также напечатаны специальные билетки, для раздачи каждому работнику при начале работ, с тем, чтобы по представлении их, получать дневной расчет.

На другой день, под сильным конвоем шофферов, капитан Джон снова отправился, было к месту работ, но, вернувшись вскоре, опять объявил о своей неудаче.

Я был очень недоволен этим вторым безуспешным начинанием и стал объяснять офицеру, что его неудача всецело зависит от недостатка у него находчивости и расторопности. Полковник Дункан был вполне со мной согласен и добавил к моим объяснениям следующее: «Вашей ошибкой было то, что вы не заставили людей сесть. Раз только они сядут, с ними уж легко справиться».

На следующий день я снова получил неприятное известие, что капитан Джон был не в силах справиться с толпой. Я ответил Джону, что отправлю с ним полковника Дункана, чтобы показать ему, как нужно действовать.

Итак, на третий день, полковник Дункан сам отправился к месту работ. Обратившись предварительно к офицерам с чем-то вроде: «Ну, теперь смотрите, как я буду действовать», он крикнул собравшимся: «Садитесь, садитесь, садитесь! Ничего не будет, прежде чем вы не сядете! Садитесь!» Тысячная толпа, наконец, уселась. Затем переводчик возгласил: «Теперь джентльмены раздадут билетки тем, кто будет принят на работу. Никто не должен двигаться, вы должны сидеть смирно». [92-93]

Воцарился образцовый порядок, и улыбка осветила черты лица мудрого полковника. «А теперь каждый из вас пусть возьмет по пачке билетиков и, обходя сидящих, начнет раздавать их наиболее нуждающимся, судя по виду». С этими словами он выступил вперед, держа в руке билет, с целью продемонстрировать офицерам процесс раздачи. В одно мгновение ока все шесть тысяч человек вскочили на ноги и бросились к нему. Полковник возвратился домой разочарованный, но зато умудренный опытом.

После этой неудачи решено было раздавать билетки накануне с вечера, при посредстве консула и некоторых почтенных граждан, которые согласились взять на себя распределение билетиков между беднейшими семьями в разных кварталах города. Теперь дело наладилось более или менее удовлетворительно, но казалось, все таки, что весь мир восстал против нашей филантропии. Настоящих толковых помощников мы найти не могли, а призываемые нами голодающие были прямо таки отталкивающими в своей бесчестности. Было, прежде всего, очень трудно отобрать наиболее беднейших, ибо наиболее беднейшие были и наименее способными, а слабейших затирали в толпе и более сильные оказывались обладателями спасительных билетиков, тогда как достойные их бедняки безуспешно молили о помощи.

Затем открылись злоупотребления с билетиками. Если даже предположить, что раздатчик билетиков работал честно, то он все-таки не мог быть уверенным, что один и тот же проситель не явился три раза, а, следовательно, получил за три билетика. А если бы раздатчик был нечестным с самого начала, то

ему ничего не стоило наградить какогонибудь своего фаворита пятью билетиками, - и в том, и в другом случае мы были совершенно беспомощны.

Эти билетики давали право их владельцам работать один день и получать плату в три крана (нормальная стоимость одного крана несколько меньше пяти пенсов). Счастливый держатель пяти билетиков мог отправиться в город, продать все пять билетиков по крану за штуку, давая возможность купившему билет заработать два крана легкой работой на дороге, а сам счастливчик прикарманивал пять кран, не ударив пальца о палец. Ничто не могло помочь против этого мошенничества, за исклю [93-94] чением разве сотрудничества с нами почтенных и уважаемых персов, но последние не проявляли никакого желания помогать нам. Я неоднократно просил губернатора, прочих начальствующих лиц и именитых граждан, проявить интерес к нашему делу, но они не изволили проявить ровно никакого интереса. Единственно, кто проявил интерес к этому делу, это политические деятели, причем их участие выразилось в форме самой яркой оппозиции. Они поняли, что я исполняю обещание, данное мною в моем воззвании, в котором я заверял население в том, что англичане всегда радеют благополучию населения. Они увидели, что мы становимся популярными, и решили предпочесть голодную смерть своих сограждан такому нежелательному явлению, как наша популярность. Это был все тот же революционный принцип: «Бывают случаи, когда приходится жертвовать жизнью, так пусть же будет принесена в жертву любая жизнь, кроме моей собственной».

Одной из мер против нашей помощи, предпринятой этими политиками, было закрытие городских хлебопекарен, дабы не дать возможности голодающим купить хлеба на заработанные у нас деньги. Но мы преодолели и это препятствие.

Далее встретились еще новые затруднения. При наличии такого малого числа офицеров, наблюдающих за работами, как могли бы мы быть уверены, что держатели билетиков действительно работают? Мы никоим образом не могли уследить, за тем, чтобы человек, получивший билетик, не удрал в город, где он или продавал свой билетик, либо просто-напросто являлся к концу работ за получением платы за работу, которую и не думал выполнять. Каждый делал работу по своим силам. Некоторые были в состоянии только делать вид, что они работают, пытаюсь ковырять землю каким-нибудь маленьким инструментом, в то время, когда мы инспектировали работы, и тотчас же оставляя работу, когда мы проходили мимо. Некоторых же мы находили мертвыми к моменту, когда они должны были получить свою заработную плату. Было ужасно заставлять работать людей при таких условиях, но правительственные деньги нельзя было тратить на простую благотворительность, и нам приходилось только стараться приблизиться к ней, насколько это было возможно.

С течением времени случаи голодной смерти совершенно [94-95] прекратились, и каждый нуждавшийся в помощи мог уже делать кое-какую работу, не изнуряя себя, хотя надо отдать справедливость, что ни один перс не станет перегружать себя работой.

Наша система разбивки всех работающих на группы по пятидесяти человек в каждой была довольно рациональной, но нельзя было доверять старшим в группе и я полагаю, что они урывали в свою пользу часть заработка работавших. Все, что мы могли сделать, дабы предупредить это злоупотребление, это - производить уплату непосредственно самим работающим. Таким образом, английский офицер сам должен был вручать работнику причитающиеся ему деньги. Но и этот способ вряд-ли мог помочь тому, чтобы старший группы не предъявил, по раздаче денег, своих претензий к работавшему, т. е. проделал бы то, что китайцы называют «выжимание». Этот способ непосредственной уплаты каждому из работающих был весьма утомителен и кропотлив, но мы должны были придерживаться его все время.

Женщин мы не брали на работы, и вот встал вопрос о том, как же быть с семьей работающего, если получаемая им плата хватает на дневное пропитание лишь ему одному, а семье приходится голодать, как и прежде. Это затруднение мы преодолели весьма простым способом, а именно: повысили плату на каждый билетик до суммы, достаточной для прокормления самого работающего, его жены и детей.

Как и все наши простые способы решения дел, этот способ оказался непригодным и был нами вскоре же отменен. Произошло не то, чего мы ожидали, и результаты оказались плачевными: крестьяне соседних деревень, едва сводившие концы с концами, прослышав; что мы хорошо платим, наводнили город, оттерли голодающих горожан на задний план и завладели большею частью наших билетиков. Мои добрые намерения возымели как раз обратное действие, и мне пришлось отказаться от новой системы. Люди с опытом должны были, конечно, это предвидеть, но ведь у нас не было никакого опыта, и мы учились на ошибках.

Ко времени прибытия к нам второй партии помощи нашему отряду - дело помощи голодающим было довольно уже хорошо налажено; нам сильно недоставало офицеров для наблюдения за [95-96] работающими. Дальнейшее ведение этой работы я всецело поручил генералу Байрону, который, вскоре же ввел в нее все требовавшиеся улучшения. Часть заработной платы выдавалась наличными деньгами, а другая часть - пищей из питательных пунктов, учрежденных нами в городе. Уменьшение суммы, выдаваемой на руки, и замена ее выдачей пищи, много способствовало избавлению нас от более здоровых

организмов, которые до сего времени являлись для нас большой помехой. Они хотели только денег, а потому необходимость получать часть платы пищей отводила их.

Работа, в которой принимали участие мои офицеры и солдаты, была, несомненно, весьма благородной, но к тому же, как раз противоположной той, которую ждали эти природные вояки. Выбранные исключительно за свои боевые качества, жаждущие «стяжать славу на полях сражений», они оказались осевшими в персидском городке, раздающими суп беднякам. Я мог только поддерживать их боевой дух, рисуя им картины грядущих славных подвигов.

Случаи людоедства были нередки и наказания за них были еще более жестокими, чем сами преступления. Мулле с полным желудком легко приговаривать к смерти несчастные существа, обезумевшие от мук голода. Двое согрешивших, мать и дочь, которые сварили и съели одного из членов своей семьи (шестилетнего мальчика), были побиты камнями до смерти у почтовой конторы, по приказанию духовных властей. В этом случае виновники были женщины, с которыми мало считаются, и к тому же они съели ребенка мужского пола. Могли быть, вероятно, и такие случаи, не лучше описанного, где виновниками были мужчины, а жертвами - женщины. Но я не знал ни одного подобного факта, преданного огласке. Дело всегда касалось женщин.

Нас учили с детства, что пользу может принести только лишь благотворительность хорошо организованная, и что случайная помощь приносит больше зла, нежели добра. Но следовать всегда принципам бывает иногда невозможно и высшее наслаждение иметь возможность немедленно же избавить человека от страданий может привести вас к неосторожному поступку. С подобным случаем мне пришлось однажды столкнуться, и я получил урок, оставшийся у меня на всю жизнь в памяти. [96-97]

Я проходил по базару с моим другом Хаджи-Саад-Эс-Султанэ. Поровнявшись с пекарней, у которой были вывешены длинные полотенца „сайгака - персидских лепешек, похожих больше на грязное белье, чем на хлеб, я увидел мальчика лет девяти, изнуренного голодом, жадно глядевшего на хлеб. Его глаза почти вылезали из орбит от желания утолить свой голод. Я огляделся по сторонам, желая убедиться в отсутствии других нищих на улице, боясь, что моя подачка мальчику может вызвать целую свалку. Искушение было слишком велико, я не мог устоять и, уплатив быстро за одну лепешку (персидские лепешки раз в пять больше самых больших индусских хлебов), я подал ее голодному мальчику. В одно мгновение базар обратился в крошечный ад: духи голодающих, до сего времени невидимые, казалось, свалились прямо с неба, и прежде, нежели я мог сообразить, что случилось, несчастный мальчик был буквально похоронен под ногами воюющих человеческих существ, из которых каждый, готовый к убийству, старался завладеть кусочком пищи. «Звери», - скажете вы. «Да, но зачем дразнить зверей!».

Восстановление порядка было делом нелегким. Без помощи с нашей стороны, владелец хлеба, несомненно, был бы убит. Что касается самого хлеба, то он был разодран на клочки, затоптан в грязь; некоторые счастливики, которым удавалось овладеть ими в промежутках драки, царапая, кусая и удушения, проглатывали грязные куски. Не было ни одного существа в этой свалке, которое не оказалось в результате покрытым кровью.

Мы продолжали нашу работу помощи до тех пор, пока урожай не был собран и держатели зерна начали выбрасывать свой товар на рынок, доказывая тем самым мои прежние заверения, что хлеба в стране достаточно, и что я мог бы заставить его появиться на свет божий, если бы у меня было достаточной военной силы.

В первые дни нашей помощи голодающим нельзя было ожидать, чтобы производимые нами затраты стоили работы призреваемых. В первый месяц мы только не давали им умереть. В дальнейшем были сделаны большие успехи и произведены были весьма полезные работы, по постройке дорог. Преж [97-98] де всего мы начали постройку шоссе в объезд города. Преимущества этой дороги были весьма значительны, как со стратегической точки зрения, так и с точки зрения здравого смысла, в особенности в предвидении прибытия ожидаемых войск. Без подобной дороги шоффер, въезжающий в персидский город с одной стороны, с намерением попасть на другой конец его, встречает почти непреодолимое препятствие на своем пути. Проехать, например, не зная языка, Хамадан из конца в конец, по его ужасным улицам - совершенно немыслимая вещь. Дело в том, что по некоторым улицам могут проехать лишь самые маленькие автомобили, а большие грузовики в них неминуемо застрянут. Благодаря объездной дороге, грузовики смогут продвигаться быстро, без всяких препятствий, не рискуя застрять в узких улицах города, и броневые автомобили, в случае тревоги, могут быть посланы к любому месту города в короткий промежуток времени, избегая нежелательных препятствий, неизбежных при езде по городу. За сим мы предприняли и постройку дороги, ведущей от возвышенной части города, где мы помещались, на площадку аэродрома - ровную, плоскую лужайку к востоку от города. Остальную работу мы посвятили исправлению уже существующих дорог.

До 28 марта все предпринимаемые нами задачи, описанные выше, выполнялись нашим первоначальным отрядом, а потому, в этот период времени, мы были чертовски заняты. 29-го марта к нам прибыли 30 стрелков с одним аэропланом и уже с этого момента мы вздохнули свободней. Времена, когда

мы могли ожидать успешного нападения на нас со стороны враждебных демократов, канули навсегда в вечность, а подозрительность и ненависть не только горожан, но и окрестных жителей сменились искренним дружелюбием по отношению к вновь прибывшим. Наши агенты, возвратившись из поездок в дальние деревни Курдистана, сообщали нам об отголосках нашей славы на тамошних базарах, где говорили, что мы сделали столько хороших дел в Хамадане и что намереваемся, в недалеком будущем, распространить нашу благотворительность на всю область. Эта последняя надежда была для нас, к сожалению, совершенно не осуществима. Мы могли сделать многое для Хамадана, где мы чувствовали нравственную обязанность [98-99] сделать все, что только в наших силах, но было немыслимо распространять нашу помощь на всю голодную Северную Персию, где ужасы голода в городах и деревнях были подобны, если даже не превосходили, ужасам Хамадана. Слава о нашей помощи голодающим дошла и до Гиляна, и Кучук-хан в своей роли просвещенного и гуманного правителя почувствовал так же необходимость предпринять помощь голодающему населению, но в несколько меньшем масштабе, чем-то делали мы.

В начале апреля, когда выяснилось окончательно, что либо я, либо мой заместитель должен будет оставаться надолго в Хамадане, я перенес свою главную квартиру из гостеприимного дома Мак-Муррея в небольшой домик, уступленный мне банком.

К этому периоду нашего пребывания в Хамадане беспрестанная ночная пальба, которая служила средством для запугивания нас, почти совершенно прекратилась. Собственно говоря, эта пальба никогда не была опасной, стреляли, не целясь, и только одна или две пули попали в мой флигель, не разбив даже стекла.

24-го апреля к нам присоединился еще эскадрон 14-го гусарского полка под командой капитана Пона.

Получать продукты стало теперь значительно легче и мой офицер снабжения, капитан Кембель, доложил мне однажды, что наши запасы достигли таких пределов, при которых возможность кризиса представляется почти невозможной. Если бы даже было и трудно получать продовольствие, то теперь мы знали места, где хранилось зерно, и достаточно было только войск, чтобы заставить держателей зерна продать его по сходной цене. Таким образом, за исключением сала и варенья (составные части пайка), мы располагали всем необходимым для питания изрядного количества войск.

Как только начал таять снег уже на небольших возвышенностях, я отправил капитана Гупера обследовать дорогу к Асад-Абадскому перевалу. Маленький отряд состоял из трех офицеров и двух шоферов; производя заданную им рекогносцировку, они ввязались в небольшую боевую операцию. На полпути к перевалу автомобили были не в состоянии двигаться дальше. Сделали остановку отправившись обследовать дорогу [99-100] пешком. Вскоре они встретили идущий им навстречу караван, состоявший из груженых ослов, и проводники каравана стали жаловаться офицерам, что их только что ограбили разбойники, скрывшиеся в близлежащей деревушке. Так как для исправления этой части шоссе нужны были люди из этой деревни, расположенной неподалеку от дороги, то капитан Гупер решил справиться о возможности вербовки там рабочих и с этой целью, оставив одного человека для присмотра за машинами, двинулся вместе с остальными по направлению к указанной деревушке, думая при этом поразведать и относительно грабителей.

Ничего бы не случилось, если бы грабители сидели смирно, но при виде приближающегося маленького вооруженного отряда, их нечистая совесть толкнула их на мысль о защите. Они выскочили из дома, на окраине деревни, и бросились бежать в горы, преследуемые крестьянами и пострадавшими купцами, которые нагнали их, изрядно поколотили и вернули себе похищенное имущество.

Самое забавное во всем этом инциденте - это то обстоятельство, что крестьяне и купцы сделали при помощи морального воздействия двух людей с винтовками то, что они могли бы сделать и без них: вот вам еще пример отсутствия организованности.

Вмешиваться в подобного рода дела не было делом капитана Гупера, ибо полицейская охрана Персии вовсе нас не касалась, но продвижение в сторону деревушки совпало с вполне оправданной целью побывать в ней с совсем другими намерениями. Но сознание виновности бандитов само завершило этот эпизод.

21-го апреля показались уже неоспоримые симптомы приближающейся весны в виде первых цветов на фруктовых деревьях, и мы были рады, что растались, наконец, со снегом. Два дня спустя к нам приехал один армянский доктор из Баку с вестями от тамошнего армянского национального совета, просящего нашей помощи, советуя нам немедленно же двинуться в эту часть света.

Большевистское правительство все еще было у власти, возглавляемое неким армянином, по фамилии Шаумян, но на [100-101] селение очень недовольно было большевиками и влияние последних заметно ослабевало. Серьезные беспорядки имели место в марте, в связи с проблемой разоружения войск, прибывающих из Персии. Сражались на улицах, и немало ценных зданий в татарской части города было разрушено армянскими войсками. Последствием этого являлась, естественно, еще более обостренная

враждебность между татарами и армянами, что делало положение поистине довольно шекотливым, в особенности ввиду приближения к Баку турок. Английский консул, г. Марк Доннель, все еще находился в городе и имел возможность снабдить нас весьма ценными справками о положении дел.

Все планы, предлагаемые доктором, базировались на военной помощи со стороны англичан, и он заявил нам, что он не имеет полномочий принять нашу помощь лишь в виде руководства и организации. Я растолковал ему, что у меня войск нет и никаких обещаний, относительно отправки войск из Багдада, я ему дать не могу. Нам не удалось выработать плана, устраивающего нас обоих, и наш разговор так ни к чему и не привел.

В этот же самый день мы захватили турецкого морского офицера. Он устал, бродя по Персии, и просил дать ему хорошенько поесть и отдохнуть. Не думаю, чтобы он принимал активное участие в выполнении, какого нибудь плана наших врагов в нашем округе, но убрать его с дороги было, конечно, желательно.

1-го мая мы получили известие о занятии турками Тавриза - маневр, которого мы давно уже ждали и который мог угрожать нашей позиции в Казвине, если бы только у них хватило энергии двинуться к Миане-Зинджану, лежащему на путях к Казвину. Ничто не могло бы остановить их от этого. Это движение было весьма вероятным, но, по счастью, нерешительность турецкого командующего затянула его до сентября.

Утвердившись прочно в Хамадане, мы могли надеяться занять такую же прочную позицию и в Казвине, для каковой цели я отправил небольшой отряд солдат и офицеров под командой майора Гея, дав им приказание укрепиться в Казвине, произвести рекогносцировку окрестностей, начать помощь голодающим и озаботиться подысканием помещения и снабже [101-102] нием людей. Я нарочно этот клин заострил, возможно, тоньше, для того, чтобы все-таки иметь некоторую военную силу в этом районе, и отправил эскадрон 14-го гусарского полка в лагери в Султан-Абад, приблизительно, в 5-ти милях от Казвина, в нашем направлении.

Наконец, подспела и третья партия, обеспечив нас достаточным количеством живой силы для того, чтобы начать предпринимать все нужные операции.

Имея в виду положить конец турецким проискам среди курдов и других племен, расположенных между турками и нами, и желая произвести вербовку партизанов для наших целей среди этих племен, я отправил небольшой отряд во главе с майором Старнесом в Биджар, милях в ста к северо-западу от Хамадана, а майора Вагстафа с таким же отрядом и бронированным автомобилем - в Зинджан, который расположен более чем в ста милях к западу от Казвина, на путях к Тавризу. Эти два отряда, состоявшие из офицеров и солдат частей N. C. O. без настоящих войск, были катастрофически слабы, но это было самое большое, что мы могли сделать в то время. Однако, имея, турок в Тавризе и турок же, движущихся по направлению к Хамадану со стороны Соудж-Булага; к югу от Урмийского озера, я надеялся, что эти слабые заградительные отряды могут временно напугать турок, причем занятие нами Зинджана закупорит ту главную артерию, по которой турецкие эмиссары сносились с Кучук-ханом, снабжая его оружием и амуницией.

Наладив вербовку партизанов, я решил посетить Казвин, чтобы посмотреть, как там идут дела моего маленького отряда и на что можно надеяться в видах вербовки партизанов в этом районе. Мне хотелось также проехать в Тегеран, дабы ознакомиться с положением вещей в тех местах и получить совет у персидского министра по вопросу о вербовке партизанских отрядов.

С этими намерениями я выехал 12-го мая из Хамадана, сопровождаемый капитаном Саундерсом и капитаном Тофаном, принявшим теперь обязанности моего адъютанта. [102-103]

ГЛАВА VIII

Стоянка в Хамадане

ПРЕЖДЕ чем уехать в Казвин, я написал письмо, в котором я попытался, по крайнему своему разумению, выяснить общее положение вещей в этот период времени. Нижеприводимые выдержки из этого письма представляют интерес для каждого и помогут читателю составить себе правильное представление об общей ситуации.

«Хамадан, 5-го мая 1918 г. Здесь столько различных ситуаций, что разобраться полностью в каждой из них дело весьма нелегкое. Тут имеются: местное положение вещей, обще-персидская ситуация, джангалийские события, русско-персидская ситуация, факт продвижения турецких войск к Тавризу, вопрос о ликвидации русских долгов, бакинские события, положение дел в Закавказьи, на Северном Кавказе, большевистская проблема и всероссийский вопрос в его целом. И каждая из этих проблем подразделяется в свою очередь на более мелкие и более острые вопросы, ибо, в сущности, говоря, не существует какого нибудь единого кавказского или южно или северокавказского взгляда на вещи, ибо нигде нет единодушия ни во взглядах, ни в действиях, а есть только зависть и взаимное недоверие. Так, например, грузины смотрят на вещи с грузинской точки зрения и делают только то, что считают для себя полезным. Армяне и татары на юге, терские и кубанские казаки, и дагестанцы на севере - делают тоже самое. И все эти маленькие народцы не могут сговориться даже в своей собственной среде, потому что у каждого из них намечаются два течения: образ мыслей стариков, хранителей заветов своих предков, и точка зрения молодого поколения, которое считает негодным все то, что не является совершенно новым. Это в особенности относится к казакам, которые всегда управлялись советами своих старейшин. [103-104]

Большевизм далеко еще не окреп на Кавказе, но его зловерные лозунги вызвали кровавые события у всех народов этой части света; теперешнее ультра-демократическое движение в Персии тот же призрак большевизма.

В моем районе положение вещей значительно улучшилось. Что касается английских войск, то сейчас у меня имеются: один эскадрон кавалерии и два бронированных автомобиля в азвине, а здесь пять - десят штыков и два легких броневика. Отряд из пятидесяти штыков Гантского полка не имеет возможности провести и одной ночи в постелях, будучи занят несением караульной службы по охране моих многочисленных пленников. В настоящее время у меня сидят: один подозрительный русский офицер, один немецкий штатский шпион, два турецких солдата и четыре индусских дезертира.

Не имея нужного количества войск, я пользуюсь пропагандой вместо оружия, одерживая словесные победы над местными лидерами и занимаясь организацией помощи голодающим. Все эти средства, действуют весьма успешно и уже заставили окрестных жителей сменить по отношению к нам свою враждебность на дружбу. К несчастью, добрые силы всегда более или менее пассивны, тогда как силы злые активны чрезвычайно; таким образом, если из 50.000 городского населения я снискал себе доброжелательное отношение 49.950-ти, то остается еще 50 человек, имеющих достаточную силу для того, чтобы причинить мне большие неприятности. Благодаря безукоризненной системе, я знаю все подробности всех их замыслов и до сего времени мы всегда парализовали действия врагов.

В моих офицеров стреляли несколько раз; палили по ночам и по моему дому, с целью напугать меня. У меня нет столько войск, чтобы расставлять часовых. Меня предупреждали, что меня собираются застрелить на улице, но до сего времени не было еще сделано ни одной попытки в этом направлении. Я подружился с лидерами демократов, но это принесло нам мало пользы и даже, если оценивать эту пользу с точки зрения возможности наладить хорошие отношения с демократами вообще, это знакомство произвело обратный эффект, так как восстановило остальных демократов против моих друзей.

Один из моих друзей, важный правительственный чинов [104-105] ник, навестив как-то меня, показал мне полученное им угрожающее письмо, написанное красными чернилами, означавшими кровь, с рисунком маузера сверху письма. В письме говорилось, что всем совершенно ясно, что он продан за деньги англичанам, и что если он будет продолжать посещать меня, то будет убит.

С другой стороны, слава о помощи голодающим распространилась далеко за пределы области и о ней стали много говорить на базарных площадях Сине и Биджара. Все это благоприятствовало нашему делу; к тому же я имел возможность улучшить существование дорог и вновь построить около 10 миль хороших шоссе. В общем, положение настолько хорошо, насколько только оно может быть при существующих обстоятельствах.

Обще-персидская ситуация всегда изменчива, но она никогда не складывается в нашу пользу. Население, в общем, симпатичное; персы хорошие работники, но очень ленивы и у них, в сущности, только один политический лозунг: справедливые условия жизни для крестьянина и гарантия порядка. У них нет других политических лозунгов, но в своей ненависти к существующей деспотической помещичьей системе они бессознательно становятся истинными демократами и противниками тех демократов-политиканов, которые не понимают значения этого слова. С точки зрения политиканов, «демократия» - это вывеска фирмы, а программа должна заключаться в дурацкой комбинации антиевропейского движения с попытками устроить такой беспорядок, при котором каждый бедняк мог бы завладеть сокровищами богатых.

Джангалийские события протекают сейчас безболезненно, и, пожалуй, подходят к фазе затишья, благодаря удачному расположению частей Бичераховских партизанов... в Казвине и Менджиле. Это явилось необычайной удачей, что войска эти запоздали с эвакуацией, и я получил возможность поручить им разрешение джангалийской задачи как раз в нужный момент. Бичерахов достиг Казвина 28-го марта, примерно в тот день, когда Кучук-хан готов был уже занять город без всякого сопротивления. Если бы Кучук-хан сумел это сделать, то Тегеран поднял бы знамя джангалийцев и на следующий день вся Северная Персия ускользнула бы от нас. На Востоке маленькие [105-106] успехи разрастаются подобно пламени, а к тому же сторонники джангалийцев имеют за собой часть персидского кабинета. Успех окончательно склонил бы на свою сторону всех колебавшихся, и в Персии началась бы новая революция. Не нужно забывать, что Бичерахов, хотя он, правда, и не принимал участия в боях, один спас это опасное положение.

Я хотел бы лично встретиться с Кучук-ханом и поговорить с ним кое о чем, но немецкие агенты делают все, дабы помешать этому. Пока что, я постараюсь устроить встречу Стокса с представителями Кучук-хана; возможно, что можно будет прийти к соглашению. Если нет войск, то приходится действовать языком. Сам Кучук-хан - человек низкого происхождения, говорят, что он религиозный фанатик и не очень умен. По моему, он истый патриот, который так редок в этой стране, но, как многие истые патриоты, он идет по ошибочному пути и не понимает, что из него делают орудие. Его окружают около двадцати иностранных офицеров - немецких, турецких и русских, - которые, как он думает, служат ему, но которые, в сущности, являются застрельщиками всего его движения и стараются столкнуть его в пропасть, для того, чтобы достичь своих собственных целей. Пока что, он еще достаточно умен, чтобы остановиться на самом краю пропасти и, если бы я только сумел шепнуть ему на ухо несколько слов, я думаю, он мог бы быть спасен от падения.

Бичерахов требует довольно много денег, и военное министерство спрашивает меня, стоит ли он того. Конечно, стоит. Я вовсе не считаю его требования чрезмерными, особенно если принять во внимание то, что он для нас делает, и еще то обстоятельство, что только он один может это сделать. У нас нет выбора.

При существующих ценах прокормить сейчас одну лошадь в день стоит немножко меньше фунта стерлингов; хлеб и мясо - один шиллинг и десять пенсов фунт, сахар - три шиллинга и 6 пенсов, так что один миллион кран, имеющий вид крупной цифры, не бог весть какие деньги. Все, что мы платим ему, не идет в его карман, а честно расходуется на военные нужды, хотя, правда, при его системе ведения отчетности кое-что и может утечь в низших инстанциях. [106-107]

Ко всему этому примешивается вопрос о ликвидации русских долгов. Пока что, правительство категорически отказалось принять участие в этом вопросе, но я защищаю обратное положение и делаю это и до сих пор...

....Положение дел в Баку - темное. Эту проблему нужно рассматривать независимо от кавказской проблемы в ее целом. Сейчас армянская колония и большевики обороняются против наступления кавказо-исламской армии. Грузины, которые ненавидят армян от всего сердца, не помогают им. Каким же образом сумеем мы помочь им и что обещает нам успех? Мне это кажется совершенно невозможным. Одни только войска могут восстановить порядок, а войск у нас нет. Несколько офицеров, несколько броневиков и сколько угодно денег делу не помогут; пожалуй, это подольет лишь масла в огонь.

Положение вещей в Закавказьи уже давно безнадежно. Они должны продолжать убивать друг друга, пока не придут в изнеможение, а тогда мы, может быть, и сумеем навести там порядки. Но в настоящий момент междуплеменная и религиозная вражда там настолько яростна, дух большевизма настолько разрушителен и обычное недоверие к предполагаемым сторонникам - англичанам настолько велико, что возможность достижения нами у них успеха еще очень далека. Когда они призывают нас к себе на помощь, они имеют в виду деньги и деньги. Мы для них курица, несущая золотые яйца. Может быть, временно мы и будем пользоваться популярностью у тех, кто воспользуется этими яйцами, но настоящей благодарности мы не получим даже и от них и только наживем себе врагов в лице остальных.

■ На Северном Кавказе дело обстоит точно также, только не в такой сильной степени. Там меньше племенных и религиозных разногласий, но зато там искренно ненавидят Закавказье, и яд большевизма

проник и в их кровь. Самбольшевик, как таковой, не имеет в их глазах большого значения, но нужно помнить, что и те, кто сражается против большевиков, сами бессознательно пропитываются большевистским духом - этим ядом, незаметно им прививаемым немецкими агитаторами. Тифлисское правительство антибольшевистское, но его члены, возможно, не меньше проникнуты большевистскими идеями, чем сами большевики. [107-108]

Голод здесь ужасен. Высшая цена на пшеницу, которую я только знаю, доходила до 230 туманов или около 70-ти фунтов стерлингов за один халвар (приблизительно 800 англ. фунтов) нормальная цена - 12 туманов или примерно 70 шиллингов. Мы продолжали закупать пшеницу по 40 туманов и надеемся, что цена упадет еще ниже. В городе имели место и случаи людоедства. Ежедневно умирает множество людей, и было несколько случаев смерти во время работ. Теперь, когда растаял снег, и началась весна, жители выходят пасть наподобие скота.

Хотя пшеницы и ячменя недостаточно, но все-таки перебиваются. Силой я мог бы доставить достаточное количество зерна, чтобы прокормить войска и покончить с голодом, но у меня нет силы, чтобы можно было ее успешно применить. Я знаю, где пшеница, но могу получить ее только с большим трудом. Во-первых, купцы прячут зерно в надежде, на поднятие цен; во-вторых, крестьяне, противятся вывозу зерна из деревень, так как они сами там голодают; в-третьих, бандиты грабят хлебные грузы; в-четвертых, крайние левые демократы грозятся убить тех, кто снабжает англичан, и, в-пятых, губернатор показал мне приказ из Тегерана, требующий от него принятия мер к недопущению продажи нам зерна.

Несмотря на все это, мы отлично достаем все нужные нам продукты, и в настоящий момент я могу прокормить целую бригаду на участке Хамадан-Менджиль. Ощущается недостаток в продовольствии также и в Реште, но там всегда можно дешево получить рис, гораздо дешевле, чем пшеницу. Страна сама по себе богата хлебом, плодами и барантой и, как только будет собран новый урожай, всякая голодовка прекратится. На этой высоте (от 6 до 7 тысяч футов над уровнем моря) хлеб созревает поздно, но зато, как только будет снят урожай на низинах, цена на хлеб должна будет пасть и зерно появится на рынке в изобилии.

За последнее время встал вопрос о партизанских отрядах. Полковник Кеннион (политический советник) гарантирует мне безопасность дороги от Казр-и-Ширина до Асад-Абада, почему я и оставил мысль о вербовке партизанов среди курдов этого района. Я формирую сейчас партизанский отряд в Хамадане [108-109] и затем собираюсь делать тоже и в Казвине. Каждый отряд будет состоять из одного эскадрона кавалерии и двух рот пехоты, всего 600 человек, с шестью английскими офицерами в каждом отряде. Эти отряды не будут действовать ни в качестве регулярных войск, ни в качестве дорожной охраны. Они будут использованы для целей борьбы с разбойничьими бандами, для локализации и поимки немецких и турецких эмиссаров, из которых многие заняты ведением активной пропаганды; им будет также поручено несение охраны в самых опасных пунктах дорог.

Перс не опасен, как воин, но в этой революции он будет гораздо более опасен, чем в минувшую революцию, потому что страна сейчас переполнена оружием и амуницией, проданными русскими солдатами или отобранными у них. Немало оружия сюда было доставлено и немцами.

Движение турок на Тавриз, пока что, протекает не слишком стремительно, и с помощью джилисов и других племен, обитающих в южном районе Урмийского озера, можно будет окончательно задержать их движение. На этих днях я собираюсь послать двенадцать офицеров и восемь человек солдат по направлению к Тавризу для организации такого заградительного отряда. Недавние успешные операции Мессопотамской армии против синджабов и победа над турками у Кафри и у Киркука значительно способствовали улучшению нашего положения в Курдистане и вообще в Персии. Я полагаю даже, что эти успехи отразятся также и на турецких операциях в южном районе Урмийского озера.

Я узнал об отношении нашего правительства к демократическому движению в Персии. Я полагаю, что мы не должны дать почувствовать персам, что мы, будучи сами страной демократической, поддерживаем крупных помещиков Персии против демократического движения. Правда, нам не желательно ссориться и с помещиками, ибо они имеют значительное влияние на гораздо более широкие массы населения, нежели демократы, которые едва ли вообще смогут рассчитывать на мировую поддержку масс. Поддерживать же умеренных демократов - это значит обидеть помещиков или, во всяком случае, раздражить их. [109-110]

Я собрал вокруг себя около двадцати русских офицеров, тщательно подобранных и очень способных, по большей части авиаторов из бакинской авио-школы. Они мне были нужны на случай нашей будущей интервенции на Кавказе. А пока что, они мне очень полезны для целей налаживания связи с Баку и собирания нужных сведений.

Мы неоднократно делали попытки снестись с Пайком в Тифлисе, но до сего времени мне так и не удалось связаться с ним непосредственно. Он вместе с остальной частью наших, с Гольдсмитом, и французами, во главе с полковником Шардикьи, сделались, надо полагать, либо беженцами, либо пленниками... Зима была затяжная и холода стояли лютые. Теперь же снег стаял повсюду, за исключением

горных вершин, и весна началась. Офицеры и солдаты вполне здоровы и, несмотря на всяческие мытарства, было всего только несколько случаев заболевания среди людей первой партии..."

Многое из приведенного письма было уже мною описано в предыдущих главах, но это письмо помогает сделать резюме всех событий по сегодняшней день.

Мой штаб был усилен подполковником Стоксом, прибывшим ко мне в качестве офицера генерального штаба, хорошо знакомого со службой контрразведки. Я пришел к решению о необходимости связаться с Тегераном, для каковой цели назначил подполковника в столицу, где он мог бы работать совместно с военным атташе при нашей миссии, состоя там, в качестве офицера связи между моим отрядом и дипломатическим представительством.

Работа по формированию и обучению персидских охотников и партизанских отрядов началась в конце апреля. Я хотел бы в кратких словах объяснить читателю, почему было решено производить вербовку этих людей, и как происходила эта вербовка.

Разница между охотниками и партизанами заключалась в следующем. Охотники были формируемы в регулярные отряды, распределяемые по различным районам; они нанимались за определенную плату и, руководимые английскими офицерами, предназначались для охраны опасных мест и дефиле дорог, для рекогносцировки местности и вылавливания вражеских шпионов [110-111] и агентов, и для несения конвойной службы для всяких отрядов, отправлявшихся на большие расстояния от главной квартиры. Я прекрасно знал, что действовать с ними против турок было бы бесполезно, и потому не хотел даже пробовать этого. Они могли быть достаточно хороши для столкновения с грабителями большой дороги, но никоим образом не для того, чтобы выдерживать огонь любой регулярной части. Партизаны же (нерегулярные отряды) предназначались исключительно для выполнения боевых заданий. Они должны были быть набираемы из курдов и других племен, обитавших по пути предполагаемого следования турок. Партизаны не сводились в обычные войсковые группировки и не подвергались военному обучению, как это делалось с охотниками.

Из охотников формировались регулярные отряды, обучались и использовались для любой службы, за исключением активных действий против турок. Партизаны же представляли собой просто-напросто банды горцев, под предводительством английских офицеров. Эти партизаны не могли бы принести никакой пользы нигде, за исключением своих родных мест. Мы их набирали исключительно для борьбы против турок и блокады путей сообщения.

Прежде чем начать организовывать партизанские отряды, нужно было войти в соприкосновение с племенами, что и было выполнено путем посылки отрядов майора Старнеса в Биджар и отряда майора Вагстафа в Зинджан. А к вербовке охотников мы приступили немедленно же.

Ни в коем случае мы не думали вооружать эти части. Совершенно лишним было бы выдавать оружие в этой стране, где почти каждый человек был вооружен отличной винтовкой и имел любое количество патронов.

Неудобство, однако, несобственного вооружения заключалось, во-первых, в том, что оно было очень разнородно; во-вторых, в том, что эта разнородность оружия делала снабжение людей патронами во время боя очень затруднительным, и, в-третьих, возникло то неудобство, что каждый собственник ружья и патронов очень не хотел рисковать потерей первого и расходом вторых. Зато большим преимуществом было то обстоятельство, что мы были избавлены от трудностей снабжения их вооружением и лишили их глав [111-112] ного стимула к дезертирству. Не имея никакого административного наблюдения за этими племенами, выдавать людям, вооружение означало побуждать их к дезертирству и охотник, получивший от нас вооружение, удрал бы домой с тем, чтобы больше никогда к нам не показываться.

Что же касается вышеупомянутых неудобств, то мы сумели преодолеть их благодаря принятой системе компенсаций за утраченное вооружение и израсходованные патроны. Военная форма была вскоре готова и выдана охотникам, что дало возможность майору Ингельдю и капитану Гендерсону, командовавшим Хамаданской группой, иметь весьма прилично выглядящих солдат, которые доказали свою пригодность в этой стране, где «вид» играет такую большую роль.

Что касается остальных пикетов, поставленных позднее в самых опасных местах дороги, то они, должно быть, оказали бы весьма слабое сопротивление хорошо вооруженной банде грабителей, но и в этом случае, как и всегда, мы полагались на то впечатление, которое производил их «вид» и неизменно оказывались господами положения. Бандиты скоро пронюхали об этих отрядах, одетых в военную форму, охранявших дороги; «вид» их винтовки и их английских командиров не очень пришелся им по вкусу, а посему они предпочли лучше убраться подобру-поздорову, оставив дороги в покое.

Решено было сформировать два отряда охотников в Хамадане и один в Казвине. Каждый отряд состоял из двух пехотных рот, по двести человек в каждой, и одного эскадрона всадников, той же численности, т. е. всего из 600 человек. Ротами и эскадронами командовали непосредственно персидские офицеры, а английский персонал действовал в качестве инструкторов в период обучения и в качестве руководителей в боевой обстановке. Первый отряд был сформирован майором Ингельдю в городе Хамадане

и не носил ни национального, ни племенного характера. Второй отряд, сформированный майором Маркарти, состоял целиком из батраков и крестьян одного крупного помещика и носил характер его собственного войска, на экипировку и снабжение которого он отпускал свои собственные средства. Эти две группы вскоре же снабдили нас живой силой, достаточной для выполнения наших неотложней [112-113] ших задач. Действовали они весьма успешно. Казвинский отряд сформировать было, конечно, труднее, ибо мы еще себя ничем особенным в этом городе не проявили, и население неохотно записывалось на службу к совершенно незнакомым им чужестранцам. Но мало-помалу и здесь запись пошла успешней и вскоре мы уже имели достаточно людей для несения легкой полицейской службы.

Нельзя сказать, чтобы эти отряды охотников сильно увеличили нашу боеспособность, но зато их служба вполне оправдывала их существование. Одним из преимуществ нашей работы, по формированию туземных частей явилось то обстоятельство, что мы вошли в очень близкое соприкосновение с широкими кругами населения, что было весьма ценным политическим приобретением.

Ошибки, допущенные при формировании, дали себя знать в самом же начале работы: оказалось, что среди записавшихся к нам в отряды было изрядное количество грабителей, которые пришли к нам не ради нашей пользы и не для того, чтобы помочь своим же крестьянам, а исключительно имея в виду свои собственные выгоды. Они метили получить от нас плату, обмундирование и власть, а затем использовать эту последнюю для вымогательства денег у персов; единственно, что изменилось в их социальном положении, это то, что, будучи раньше грабителями нелегальными, они сделались теперь грабителями легальными. Их способ действия заключался в свободном толковании получаемых ими приказаний. Ваш приказ: «Все идущие по дороге должны быть останавливаемы», - они читают: «По дороге можно двигаться только тем, кто получит наше на то разрешение»; вы приказываете: «Все вооруженные люди должны быть разоружены», - они вводят сюда следующие исправления: «Никто не может носить оружия, не давши нам хорошей мзды». Ко всему этому они применяли еще следующий излюбленный метод: беря на себя охрану богатых путешественников, они, при удобном случае, меняли свою роль охраны на роль грабителя большой дороги и избавляли охраняемых от излишней тяжести их имущества.

Я не скажу, чтобы каждый доброволец был замешан в подобных поступках; персы, правда, бросали всем им подобное [113-114] обвинение, но они сделали бы то же самое и в том случае, если бы подобные факты и совсем не имели места. Во всяком случае, если только они проявляли подобные намерения, их карьера прерывалась очень быстро, и лишь только нами отмечались те или иные их безобразия, виновников живо устранили, как нежелательных.

Всем нашим начинаниям, как обычно, местный комитет демократов чинил всевозможные препятствия. По городу было объявлено печатными листовками, что служить англичанам значит - попасть навсегда в опалу, что нож убийцы накажет всякого, кто поддастся низкому искушению. Но вербовка протекала отлично, несмотря на все эти угрозы, и в результате ни одно из их грозных обещаний не было приведено в исполнение.

Партизанов удалось организовать несколько позднее и здесь я скажу о них только вкратце. К югу от Урмийского озера турки располагали силами двух дивизий и занимали там весь район до озера Сакиз, в 100 милях от нас. Майор Старнес, с небольшим отрядом, был отправлен в Биджар, в ста милях к северо-западу от Хамадана, имея задание охранять наш фланг от внезапных маневрирований турок на путях к Сакизу. Участок в 150 миль, между Биджаром и Сакизом, населен разнообразными племенами, имеющими репутацию храбрых и воинственных людей. Как турки, так и мы имели намерение использовать эти племена в борьбе друг против друга, предлагая им вознаграждение за службу в качестве охотников и партизанов. В результате этих намерений и попыток боевая обстановка в этом районе сложилась вполне удовлетворительно для нас. И не предприми мы этих операций в этом районе, турки очень скоро заняли бы Биджар (ибо они уже были в Сикэ, 100 миль к юго-западу от Биджара) и наши позиции на Хамаданской дороге стали бы под весьма серьезную угрозу. В результате при создавшейся обстановке, мы никогда затем не беспокоились за наш левый фланг, и нужно отдать должное майору Старнесу за его успешную работу среди биджарского населения.

Точно такая же работа была проделана отрядом майора Вагстафа на Казвино-Тавризской дороге, среди шахсеван. Его отряд действовал также в качестве заслона против турок, каковая задача была выполнена им весьма успешно, благодаря чему [114-115] наши операции по Хамадано-Казвинскому шоссе протекали вполне спокойно до тех пор, пока турки не получили подкрепления и не оттеснили нас к Зинджану.

В этом последнем районе самым влиятельным человеком во всей округе был некий Амир Афшар, весьма замечательный старый джентльмен, которого я как-то видел в Хамадане, где он гостил у Амира Афгама. Ему лет за восемьдесят, он постоянно пропитывал себя всякими наркотическими специями, но по утрам его ум еще бывал, ясен, как хрусталь; я посетил его в необычный для официальных визитов час - в половине шестого утра. Его владения расположены вблизи Зинджана; из подвластных ему людей он легко мог выставить отряд в 1000 человек, но он хотел слишком много за свои услуги. Во-первых, он

жаловался, что русские наказали его племя якобы за то, что оно держало руку турок, и в наказание отняли у него тысячу штук винтовок. Я должен был получить их обратно от генерала Баратова; во-вторых, получу ли я эти винтовки обратно или нет, я должен буду дать ему еще тысячу винтовок на предмет успешного выполнения задуманной большой программы действий; в-третьих, (весьма мудро и основательно) он заявил, что не станет предпринимать никаких активных операций до тех пор, пока не увидит наших войск, готовых спасти его отместить турок. Эту последнюю поддержку я мог бы гарантировать ему с большим трудом.

В конце концов, я пришел к убеждению, что, вследствие моего отказа от третьей формы поддержки, я мог ожидать от него весьма незначительной помощи. Я послал ему 250 винтовок (отобранных у турок и присланных мне специально для этой цели из Багдада), чтобы посмотреть, не поможет ли это. Он благодарил меня за эту посылку очень цветистым письмом и просил прислать ему еще. На это я ему ответил, что он получит еще винтовок, как только сведет со мной счеты представлением мне 250 вооруженных людей для активных операций. Затем я объяснил ему, что когда он получит от нас 500 винтовок, я буду ждать от него присылки 500 людей. Но 250 моих винтовок не произвели желаемого действия, и он ничего больше от нас не получил. Истинной подкладкой всего этого было то обстоятельство, что эти племена хотели быть готовыми [115-116] поддержать того, кто выиграет игру, но они все никак не могли решить, на чьей стороне будет победа.

К этому времени вести, полученные из Франции, были, по нашему мнению, чрезвычайно неблагоприятны. Победоносное наступление немцев на Амьен, начавшееся еще в марте, было разглашено немецким радио до самого Хамадана, где, подхваченная русскими радиостанциями, весть эта распространилась среди населения. Тот факт, что наступление было остановлено и что началось обратное движение немцев, не был, конечно, упомянут в немецких бюллетенях, а потому вести из наших источников брались под большое сомнение. В общем, персам казалось, что немцы выиграют войну, а если это случится, то торжествующая Турция уничтожит бесследно все те племена, которые враждовали с ней в трудные минуты. Кроме того, если выиграем войну мы, а Турция ее проиграет, то ведь мы-то отсюда скоро уйдем, а турки навсегда останутся в близком соседстве и причинят немало неприятностей тому, кто был не с ними.

Таким образом, ради выяснения вопроса о формировании отрядов среди этих племен, в связи с нашей общей политикой в Персии, я решил навестить полномочного министра его величества в Тегеране.

Мы выехали из Хамадана 12-го мая, приехали в Казвин на другой день и остались там ночевать. В Казвине я был рад повидать майора Гая, который сумел найти отличное помещение для своего отряда в огромном здании, принадлежавшем известному представителю персидской аристократии—Сипа-Салару. Дом этот стоял на его собственном обширном участке земли на западной окраине города и был расположен таким образом, что живущие в нем имели возможность брать воду выше всех по течению реки, вступавшей в город с этой стороны. Здание это до последнего времени было занято русским лазаретом; для нас же оно подходило, как нельзя лучше.

Помощь голодающим в городе была начата в небольших размерах. Население начинало уже осваиваться с английскими физиономиями и формой одежды и угрюмые лица персов, которыми они нас когда-то встречали, стали разглаживаться в улыбки или в выражение равнодушия. [116-117]

14-го мая мы въехали в Тегеран, отстоящий от Казвина миль на 90, и прибыли в английскую миссию в тот же день после полудня. Дорога из Казвина в Тегеран идет в восточном направлении, пролегая у подножья южных склонов Эльбурских гор. Полотно шоссе достаточно хорошо, но русские произвели мало инженерных работ, следуя по всем подъемам и спускам естественной конфигурации местности и избегая расходов по производству выемок и насыпей.

Пейзаж совершенно безлесный и возделанные участки очень редки. Южный склон Эльбурских гор, окаймляющий левую сторону пути, также гол, как и все персидские горы, и вы не найдете на них никакого указания на существование великолепнейших лесов, которыми покрыты северные склоны этих гор. При въезде в Тегеран мы были остановлены персидскими жандармами, которые разрешили нам следовать дальше только после того, как мы торжественно расписались в какой-то книге и дали заверения, что не везем с собой никакого оружия.

Тегеран являет весьма европеизированную внешность и совершенно не похож на те города, с которыми нам пришлось познакомиться. Улицы широки, обсажены часто деревьями и многочисленные вывески на французском и русском языках свидетельствуют о существовании множества отелей и гостиниц дворов всех видов. Но общий вид города не очень приятен и это отсутствие приятности еще резче оттеняет всю красоту резиденции нашей миссии.

Трудно описать все красоты этого очаровательного оазиса; он напоминает старые сады Могула на озере Даль, вернее, он дает представление о том, как выглядели эти сады в дни своей молодости. Но еще большему очарованию этого оазиса способствует резкий переход от некрасивой обстановки, которую

созерцает сначала путешественник, проезжая по пыльным улицам города, после 90 миль пути по безотрадной дороге, к феерическим, тенистым кущам великолепнейших платанов. А когда наступает ночь, и соловьи начинают заливаться своими трелями, то трудно себе представить, что ты живешь в эти ужасные дни войны и кровопролития.

Австрийские и германские пленные, свободно разгуливающие по улицам, и вид развевающихся немецких и турецких [117-118] флагов на крышах их посольств придавали всей окружающей обстановке еще больше нереальности.

Я пробыл три дня в Тегеране, в течение которых я имел честь познакомиться с полномочными министрами Америки, Франции и России, а также со многими влиятельными персами, как, например: с Сипа-Саларом, с обоими сыновьями Фирман-Фирма, которые, как я полагаю, будут играть видную роль в будущем в Персии.

Ранним утром я ездил верхом с майором Бартено, а остальной день посвятил различным интервью, которые представляли для меня очень большую ценность.

17-го мая мы покинули Тегеран, переночевали в Казвине и прибыли в Хамадан вечером 18-го числа, найдя, что путешествие летом совсем другое дело, чем путешествие зимой.

Равнины, хотя и безлесные, и не орошенные земли выглядят довольно угрюмо, но в этом месяце вся земля покрыта очень красивыми цветами. На более высоких местах дороги мы любовались огромными красными тюльпанами и различными видами ирисов, в долинах же и на склонах холмов виднелись неизвестные нам цветы всевозможных оттенков. Цветы эти живут недолго и только благодаря воде от тающих снегов; летом же здесь почти не бывает дождей, и они вянут под палящим солнцем, возвращая всему ландшафту его прежнюю безотрадную внешность.

Самые прекрасные цветы были те, что мы нашли на Султан-Булакском перевале, как раз там, где лежало семь трупов, несчастных жертв голодовки. Трусами же усеяна вся дорога от Казвина до Хамадана.

Неудобство продолжительной езды в маленьком автомобиле по довольно неровной дороге усугублялось еще необходимостью везти с собой обратно в Казвин нескольких пленных, которых недавно изловили мои агенты и казаки Бичерахова. Неприятельским лазутчикам стало очень трудно избежать сетей, расставленных нами по всем направлениям. С нашими маленькими силами мы не могли держать в повиновении всю область, а что касается происходившего на небольших проезжих дорогах, мы принуждены были всецело полагаться лишь на донесения наших агентов, но зато, при желании, мы могли сделать движение по большим дорогам совершенно невозможным. [118-119]

Отряды дорожной охраны установили заставы приблизительно через каждые тридцать миль дороги и охраняемые небольшими пикетами офицеров и охотников, они были вполне достаточны для наблюдения за всем движением.

Последняя партия пленных включала в себе одного немца штатского и одного венгерского офицера с женой и ребенком. Офицер попал в плен к русским в самом начале войны, был отправлен в Туркестан, где он после взрыва революции, не видя возможности попасть к себе в Венгрию, женился на какой-то кавказской туземке и теперь был отцом прелестного ребенка. Прослышав о хорошей плате на службе у Кучук-Хана, он двинулся со своей семьей сюда, чтобы поступить к нему на службу, но был нами арестован. Женщина и ребенок причиняли нам столько затруднений, что мы почти хотели, чтобы он благополучно избежал наших сетей.

Мне было суждено быть их спутником в продолжение всего этого нескончаемого дня, так как я один имел легковую машину, и мне было бы тяжело подвергнуть даму, хотя и пленницу, всем неудобствам путешествия на грузовом Форде.

К счастью, я говорю по-русски, и мне часто приходилось сознавать свое преимущество перед другими в этом отношении. В начале путешествия все мы были очень веселы и довольны. Дама говорила, что она никогда раньше не ездила в автомобилях и что путешествие доставляет ей большое удовольствие. Но несколько часов спустя, обаяние новизны исчезло и заменилось совсем другими ощущениями. Моя лэди пояснила, что непривычное движение причиняет ей скверное самочувствие, и нам приходилось делать частые остановки, дабы дать ей возможность оправиться от этого неприятного состояния. Мне было очень жалко бедную женщину, хотя она после каждого такого случая снова чувствовала себя «веселой и бодрой» и объявляла своим желанием привыкнуть к этому способу передвижения, но ее мужество и в дальнейшем не вознаграждалось ни малейшим успехом в этом отношении.

Я был доволен не меньше, чем она, когда мы, наконец, прибыли в Хамадан, и я получил возможность передать ее на попечение добрейшей мисс Функ, дамы из американской миссии.

Мое краткое пребывание в Тегеране и важное совещание [119-120] с Бичераховым в Казвине привели меня к решению перенести мою главную квартиру из Хамадана в Казвин. Теперь имелось в виду множество планов. Тем или иным способом нужно было уладить дело с джангалийцами, а для этого гораздо было лучше иметь свою резиденцию в Казвине, нежели сноситься с этим пунктом из Хамадана

при помощи бесчисленных курьеров и телеграмм. К тому же, побывав в Казвине, я вошел в соприкосновение с некоторыми русскими, которые выразили свое желание оказать мне свою помощь в будущих бакинских операциях. Они принадлежали к партии социал-революционеров, благодаря влиянию которой большевистская власть в Баку была, наконец, свергнута. Нужно было также подумать о наших пленных, томившихся у джангалийцев, - это были: капитан Ноель, г. Окшот (управл. банком) и г. Макларен (консул), - и принять меры к их освобождению. До сего времени мы не имели никакой возможности ничего для них сделать, да и трудно было достигнуть освобождения без помощи Кучук-Хана.

Решив окончательно перенести нашу главную квартиру в Казвин, я отправил туда генерала Байрона в сопровождении трех штабных офицеров, дабы дать ему возможность лично ознакомиться с обстановкой, прежде чем принять от меня командование над Хамаданской группой и управление над путями сообщений.

Генерал Байрон сумел озаботиться вопросом о снабжении войск, их расквартировании и т. п., а также подыскать подходящую резиденцию для нашего штаба.

25-го мая к нам прибыл полковник Кейворт с отрядом из 50-ти офицеров и 150-ти солдат - отличное добавление к нашему отряду, давшее нам возможность привести в исполнение все наши планы, кои до сего времени не осуществлялись из за отсутствия людей. Этот эшелон точно так же, как и предыдущий, совершил весь переход пешком и, тем не менее, все люди чувствовали себя прекрасно. С эшелоном прибыли специально выбранные и назначенные к нам из Англии русские офицеры. Большинство этих офицеров - было из русских гвардейских полков и многие из них - из гвардейской кавалерии. Хотя им наверно никогда и не снилось делать подобные переходы пешком, да еще в Персии, однако, они были компанией довольно теплой и отнюдь не были склонны роптать на свою судьбу. [120-121]

Шаг вперед

Мы перекочевали из Хамадана в Казвин 1-го июня 1918 г., т. е. почти четыре месяца спустя после нашего выезда из Багдада.

В течение этих четырех месяцев нами была проделана очень ценная работа, и мы имели теперь возможность взирать на все наши достижения с чувством полного удовлетворения. Но это чувство удовлетворения ни в какой степени не могло ослабить чувства досады на неудачу нашей первоначальной попытки, и с перенесением нашей главной квартиры в Казвин все были убеждены, что теперь только начнется прелюдия нашего движения в страну обетованную - на Кавказ. Когда наступит момент вступления в эту обетованную землю, - никто из нас не мог знать. Если бы у нас было достаточно войск, мы могли двинуться и сегодня, но при отсутствии войск приходилось ждать, пока мы не обеспечим себе будущей позиции в Баку и не подготовим нейтрализации этого города путем интриг. Каждый день нашего промедления приближал турок к городу нефти и предвиделась возможность, что наша вторая неудача повлечет за собою занятие города, прежде, чем мы когда - нибудь доберемся до него.

В то же время легко было понять, что вести полным ходом персидские операции и одновременно с этим маневрировать таким образом, чтобы быть готовым по данному сигналу пересечь Каспийское море, было очень трудно. Для выполнения этих планов нам нужно было получить еще партию офицеров и хорошо подобранных солдат. Одновременное выполнение этих двух планов казалось невыполнимым: работая в направлении осуществления кавказских операций, мы неминуемо должны были умерить нашу активность в Персии. Должное выполнение обоих планов требовало наличия у нас всех необходимых для [121-122] этого данных, и мы должны были располагать ими. Вот почему, когда пришло время броситься в пучину бакинских событий, оказалось, что большая часть офицеров были заняты в Персии, выполняя такие задания, что увод их из Персии грозил гибелью всем нашим достижениям. Значительный штат людей работал по управлению персидских городов, немало офицеров требовалось для вербовки и обучения охотников и партизанов; разведка и интендантство поглощало также немало, и таким образом, для бакинских операций оставалось очень мало людей.

Теперь уместно будет пояснить читателю, каким образом наш первоначальный план поездки в Тифлис с целью организации местных войск для операций против турок, сменился планом бакинской интервенции.

Когда сделалось очевидным, что тифлисский проект неминуемо обречен на неудачу и что неприятель вскоре овладеет всем Закавказьем, перед нами встал вопрос, как бы помешать успешному завершению победного шествия врага. Совершенно невозможно было давать ему полной свободы действий.

Занятие Баку отдавало в руки неприятеля все запасы нефти, необходимые для восстановления железнодорожного движения и пароходства по Черному морю (нефть перекачивается из Баку в Батум по специальному нефтепроводу); это же обстоятельство позволило бы врагу господствовать на Каспийском море, использовать все ценные запасы товаров в различных каспийских портах и открыло бы им свободную дорогу в Азию и в Афганистан. Неприятельский план продвижения в Азию через Туркестан значительно облегчался наличием в этой области большого числа выпущенных революционерами на свободу австрийских пленников, которые бродили по всей стране, готовые принять участие в любой авантюре ради куска насущного хлеба. По некоторым сведениям, число их доходило до 30000 и большевики, в позднейших своих операциях в районе Мерва и Асхабада, формировали свои части главным образом из этих австрийских пленников.

С другой же стороны, захват Баку нами привел бы к следующим последствиям: закрытие доступа врагу к запасам нефти и закрытие дверей в центральную Азию. Захват нами нефтя [122-123] ных запасов неминуемо остановил бы движение по Закавказским железным дорогам, так как эти дороги обычно зависели от бакинских нефтяных источников.

Таким образом, наш план сводился к господству над Каспийским морем, а так как этого мы могли достигнуть лишь оккупацией Баку, то необходимо было, значит, защищать этот город от захвата его неприятелем. Значение Баку было огромно, и любой риск попытки овладеть им оправдывался, безусловно.

Легко понять, как трудно было нам сконцентрировать свои силы для удара по Баку, не подвергая в то же время, опасности наше положение в Персии. С большим трудом мы создали благоприятную для нас обстановку в Северной Персии и обстановка эта всецело зависела от умения и способностей офицеров, выполнявших в этой области то или иное задание. Снять этих офицеров с занимаемых ими постов было бы равносильно выдергиванию камней из фундамента здания.

Имея нашу главную квартиру в Казвине, мы могли очень легко ориентироваться во всех важных вопросах, связанных с северо-персидской ситуацией, и сумели бы выбрать наиболее подходящий мо-

мент для захвата Каспийского флота. Мы прибыли в Казвин 1-го июня и устроились, очень удобно, в доме, принадлежащем американским миссионерам, по соседству с домом Сипа-Салара. Не теряя времени, мы тотчас же принялись за ту же работу, что проделали в Хамадане, а именно: начали знакомиться с представителями местной власти; генерал же Байрон вернулся в Хамадан для принятия командования над хамаданской группой. Нужно было устроить здесь аэродром для четырех самолетов, присланных нашему отряду, а также озаботиться устройством небольших площадок для снижения этих аппаратов в Зинджане и Мине. В Хамадане же мы построили аэродромы уже месяц тому назад.

Казвин сильно отличается от Хамадана. Население его, пожалуй, той же численности, что и хамаданское, т. е. вероятно, тысяч пятьдесят. Отношение же к нам населения и политических деятелей здесь было точно такое же, как и в Хамадане; первые из них старались снискать нашу дружбу, а вторые возбуждали всеми силами ненависть к нам.

Город расположен на высоте 4000 футов над уровнем [123-124] моря, в 10 милях пути от южных склонов Эльбурских гор. Нельзя сказать, чтобы город поражал красотою своей архитектуры, но, в общем, городские постройки здесь являют более солидный вид, нежели в Хамадане. Существенная разница между двумя этими городами заключается, пожалуй, в том, что Хамадан имеет характер захудалого провинциального городка, тогда как Казвин имеет претензию походить на большой губернский город. Последней попытке должно было способствовать наличие многочисленных трактиров с громкими названиями известных европейских отелей и европейских магазинов с большими витринами, которые имеют очень безобразный вид и совершенно не подходят к характеру восточного города. В этих магазинах продаются всякие товары, начиная от матерчатых дамских ботинок на высоких каблуках, кончая мужскими летними костюмами, причем за все запрашивали втридорога, что напоминало нам о самых неприятных вещах нашей страны.

Где есть русские, там непременно должно быть много цирюльников, а потому Казвин изобилует отличными парикмахерскими, содержимыми, главным образом, армянами и греками. Пока здесь оставались русские, эти учреждения могли еще существовать, но английский солдат гораздо меньше заботится о своей шевелюре, а потому, когда последние русские покинули город, большинство брадобреев принуждено было затворить свои ставни и избрать другой способ заработка.

Торговое население города очень разноплеменно. К тому же здесь имеется большая русская колония и ушедшие русские войска оставили в городе целую партию женщин и детей, которые стремились последовать за своими повелителями, но не знали, как это сделать. Бичераховские отряды также были здесь, и было еще немало всяких проходимцев - русских; кое-кто из них имел связи с энзелийскими большевиками и они пытались помешать нам в выполнении наших планов.

При таком составе населения здесь не так-то легко можно было справляться с неприятельскими агентами, как это можно было в Хамадане.

Там, в Хамадане, если вы арестовывали, на глазок, субъектов с белыми или полубелыми физиономиями, вы могли быть уверенными, что они окажутся именно теми субъектами, за [124-125] которыми вы охотились. Но поступать таким же способом здесь означало бы посадить за решетку пол-города;

Бичерахов наводил порядки самыми свирепыми мерами и его верный поручик Совлаев был всегда готов взять на себя риск арестовать сколько угодно самых безобидных людей, в предвидении, что среди них наверно найдется хотя бы один виновный. В виду того, что мне нужно было самому иметь дело с этими пленниками, то я вскоре нашел, что большинство арестов совершенно ничем не оправдывалось. Однажды, я заявил, что из всей массы подозреваемых громадное большинство, повидимому, непричастно ни к чему предосудительному, а потому следовало бы отпустить их на свободу. На это Совлаев мне ответил следующее: «Очень возможно, что большинству из арестованных нельзя будет предъявить никаких обвинений, но кто же его знает? Мне не внушает доверия ни один из них. Не следует, конечно, наказывать их, и вполне будет достаточно, если вы отправите их на грузовике в Багдад и там отпустите на все четыре стороны. Это немножко освежит им головы.»

Совлаев был великолепным представителем осетинского племени, происходя из той же местности Северного Кавказа, откуда был и Бичерахов. Ростом в 5 футов 9 дюймов, он был отлично сложен, с такой развитой мускулатурой, что каждому, попавшемуся ему в лапы, он внушал священный трепет, а так как большинство арестованных он конвоировал сам лично, то его пленники имели всегда случай убедиться в мощности его грифа. Его система, возможно, и была наилучшей при таких условиях работы, когда нельзя было собрать достаточно явных улик против подозреваемого лица. Однажды, он предпринял налет на Hotel de France с целью ареста хозяина этой гостиницы, но этот последний, завидев его, улизнул через черный ход. Увидев, что птичка улетела, Совлаев перевернул все вверх дном и, решив не уходить с пустыми руками, торжественно отправил под арест ни в чем неповинного главного повара.

Цены в Казвине были не выше хамаданских, и продукты продовольствия можно было здесь получить гораздо легче. Продукты были достаточно хорошего качества, но трудно было их подобрать к стандарту обычного солдатского пайка; офицерский же стол обходился в 30 крон в день, т. е. немножко

меньше [125-126] фунта стерлингов. Офицеры получали квартирных и суточных всего один фунт стерлингов в день, но жизнь здесь стоила дороже, ввиду чего эта сумма была впоследствии увеличена

Зерно продавалось еще по ненормальным «голодным» ценам, хотя новый урожай был уже почти готов и в городе имелись большие запасы еще непроданного зерна. Не было никакого сомнения в том, что голод, до некоторой степени, вызывался искусственно. Правда, 1917 год был неурожайным, и русские войска съели немало хлеба, но ведь эта часть Персии так плодородна, что в нормальный год ее поля производят хлеба в количестве, превышающем в семь раз потребность населения. Отсюда ясно, что всякая возможность голода в этой стране могла бы всегда быть предупреждена введением правильной системы контроля зерна.

В Казвине мы были гораздо ближе к русским, и я часто обсуждал с Бичераховым планы ближайшего будущего, в связи с положением джангалийских дел, а также советовался с ним относительно наших кавказских перспектив. Обсуждения последних значительно осложнялись тем обстоятельством, что я не имел никаких полномочий, дать ему какие бы то ни было обещания, и Бичерахов часто восклицал в сердцах: «Как я могу, о чем-либо сговариваться с вами, когда у вас нет войск, и вы даже не можете обещать мне, что они у вас будут!» Ко всему прочему, я, со времени неудачного исхода наших первоначальных операций, до сего времени не получал никаких инструкций относительно развития нашей деятельности в Бакинском направлении.

Господство на Каспийском море все еще оставалось нашей конечной целью, почему я и был убежден, что мое начальство придет и, наконец, пришло к убеждению, что контроль над морем может принадлежать только тому, кто владеет Баку, а потому нам необходимо будет оккупировать этот город.

Русские офицеры, прибывшие к нам с последним эшелоном, оказались замечательными переводчиками и были назначены на очень ответственные места. Один из них был прикомандирован к 14-му гусарскому полку, несколько человек делали мало приятную, но весьма полезную работу переводчиков при заградительных пикетах у дорожных застав, кое-кто работал по снаб [126-127] жению, а капитан Брей, русский офицер английского происхождения, был назначен моим адъютантом. на каковой должности он был незаменим для меня в моих частных беседах с приезжавшими из Баку.

Здесь было также несколько русских сестер милосердия, оставленных ушедшими войсками; нужно было сделать что-нибудь и для них. Многие из них получили солидное медицинское образование и этих мы послали в военные госпитали в Багдад.

Наши знакомства среди персов в этом городе были более забавны, чем наши хамаданские знакомства, но зато здесь нас принимали менее любезно. Деятельность Совлаева привела ко мне многих граждан в состоянии полнейшего отчаяния. Первый обратившийся ко мне за помощью был начальник городской телефонной станции, который прибежал ко мне на другой день после нашего приезда в Казвин и, едва переводя дух, пояснил мне следующее: «Я пришел умолять вас защитить от русских одного невинного человека. Они намереваются меня арестовать и этот отчаянный человек Совлаев в настоящий момент розыскивает меня по всему городу. Я не имею ни малейшего представления о том, в чем меня обвиняют, но что бы там ни было, я совершенно невинен, о чем и довожу до вашего сведения. Разве я похож на преступника?»

Должен признаться, что он действительно являл очень подозрительный вид, но я мог сказать ему только следующее: «Я совсем новый человек в этом городе и совершенно не знаю местных жителей. Русские же здесь уже несколько лет и должны знать все о каждом, поэтому я не имею возможности спорить с их опытностью и вмешиваться в производимые ими аресты. Так как вы вполне уверены в своей невинности, то я не стану противиться вашему аресту. Самое лучшее, положитесь вполне на действия Совлаева, а затем пустите в ход вашу невинность».

Раиз-Телефон-хан улыбнулся мне в ответ печальной улыбкой и признался, что он не очень склонен рискнуть положиться на действия Совлаева. Так как я не мог предложить ему ни заступничества, ни подать приятного совета, то он попросил разрешения откланяться и ускакал на своем маленьком кабриолете, запряженном парой. [127-128]

Спустя пять минут, ко мне явился Совлаев, преследующий врага по горячим следам, и был очень недоволен мной за то, что я не арестовал преступника. Я пояснил ему, что я не имел никаких данных о виновности этого человека и, что не вполне согласен с его точкой зрения арестовывать людей только за то, что ему не нравится их внешность. На этом мы расстались, и он бросился снова на поиски своей жертвы и выслеживал ее до наступления ночи. На следующий день, с восходом солнца, он снова явился ко мне с известием, что Раиз-Телефон-хан скрылся у губернатора и, что он намеревается сделать налет на губернаторский дворец и арестовать преступника. Я отговорил его от этого совершенно ненужного насилия, и мы согласились, что дальнейшее преследование этого человека я возьму на себя. Однако, я не очень торопился с этим, так как мне казалось, что это дело не принадлежит к числу тех, от которых может зависеть проигрыш войны. Я попросту попросил капитана (теперь уже майора) Саундерса разузнать все подробности этого случая и ждал его донесения.

Свой первый визит я сделал губернатору, Мидхату-эс-Султанэ. Это была обаятельная личность, с юмором и комплекцией Фальстафа, прирожденного философа, смеющегося всю свою жизнь и стойко выдерживающего все удары судьбы. Его девизом было: «Будь, что будет, но я всегда буду губернатором этого города». Он с гордостью говорил мне, что является единственным губернатором во всей Персии, который удержался на своем посту в течение трех лет. Он должен был держать свой нос по ветру, дабы понравиться персидскому правительству, затем, чтобы понравиться русским, а теперь он готов сделать все, дабы прийтись по вкусу нам. Если будем довольны мы, то и он будет всегда доволен. В политике он придерживался демократизма, но он мне объявил это с очень хитрым подмигиванием. Он, конечно, не принадлежал к числу людей, которые требуют «народного правительства для народа», и заявил мне однажды, что «в политике наших дней, за которую мы должны благодарить вас, европейцев, нужно быть либо одним, либо другим, а в настоящий момент самым популярным является ярлык демократа». Результаты наших наблюдений и наведенных справок о его прошлой деятельности показали нам, что он был совершенно чист от участия в каких бы то ни было заговорах и интригах. Он ни за, ни против кого и ничего, и единственной целью его жизни было вести свой корабль благополучно избегая все мели и подводные скалы, которыми он был окружен. Сделав визит губернатору, мы навестили каргузара Ихтидар - Уль - Мулька, любезного молодого человека, который встретил нас с большой предупредительностью. В беседе с нами он что-то уж слишком часто отрекался от немцев и турок и вылил столько грязи на Кучук-хана, что мы оставили его, убедившись окончательно, что он будет одним из наших злейших врагов. В самом деле, он недолго заставил себя ждать, прежде чем мы убедились в его враждебной деятельности, что он окончательно подтвердил своим бегством в Тегаран, предупредив наше намерение обезвредить его.

Из местных джентри мы познакомились с принцем Бишарат-Эс-Султанэ, родственником Сапа-Салара, обаятельным образчиком культурного персидского джентльмена.

Из Хамадана к нам прибывали все новые партии офицеров, которые способствовали приведению города в должный порядок. Подполковник Дж. Хоскин приехал для работы в качестве офицера генерального штаба, по оперативной части. Подполковник канадских войск Уорден, был назначен комендантом города, а капитан Коккераль взял на себя хлопотливые обязанности помощника начальника военной полиции. Этот офицер в искусстве наведения порядков был самым способным человеком, которого я когда-либо встречал. На третий день после своего приезда я видел его обходящим город вместе с нашим философом-губернатором и объясняющим последнему преимущества санитарии. Все это губернатору, очевидно, не нравилось и его всегдашняя улыбка сменилась на этот раз почти непроницаемым, напряженным выражением. Но у него все-таки хватало духу, бормотать какие то шутки и обещать принять все меры в самом ближайшем будущем. В первый раз в своей жизни он столкнулся с человеком, который следил за тем, чтобы он следовал своим обещаниям, через несколько дней Казвин с восхищением смотрел на губернатора, принимавшего деятельное участие в приведении города в санитарное состояние, явление, до сего времени не имевшее места в истории Персии. [129-130] Несмотря на все принятые нами санитарные меры, Казвин не сделался здоровым местом и наш главный врач, майор Брунекиль, очень скоро наполнил пациентами свой маленький госпиталь. За исключением редких случаев, нам все-таки удалось избежать двух главнейших бичей этой части Персии: тифа и холеры.

Теперь вернемся, к Раиз-Телефон-хану. Мы оставили его в губернаторском дворце, за которым неустанно следил Совлаев, намереваясь схватить беглеца, как только он покажет оттуда свой нос. Но Раиз-Телефон-хан, очень предусмотрительно своего носа не показывал до тех пор, пока не получил радостного известия, что его ненавистный преследователь отправился и Решт. Если бы только Телефон-хан мог знать, что отъезд Совлаева сулил ему не больше, как перемещение «из огня да в полымя», так как приемы преследования могли измениться, но результат для него оказался бы неизменным!

Вскоре затем мне был предъявлен ряд документов, уличавших этого человека в организации всякого рода заговоров и демонстраций под лозунгом «долой англичан». Большинство этих бумаг было написано его собственной рукой, что избавляло нас от необходимости искать дальнейших доказательств его виновности. Собственно говоря, термин «виновность» понимается здесь в относительном смысле. Этот термин, по настоящему, неприложим к жителю нейтральной страны, который имеет скромное желание предпочитать одну нацию другой, но в дни войны «виновным» приходится считать всякого, кто не с тобой, и именно в этом смысле документы эти его очень компрометировали.

Познакомившись с этими документами, я решил немедленно же арестовать Раиз-Телефон-хана. Но, не желая умалять престижа губернатора насильным вторжением в его дворец, я послал ему письмо с просьбой прибыть ко мне в штаб, по весьма важному делу. Изумительно скоро губернатор подкатил к штабу на своей коляске и вошел ко мне в кабинет с обычной своей приветливой улыбкой. Когда я изложил ему причину моего желания видеть его и дал ему прочесть обличительные документы, улыбка, в первый раз за все время нашего знакомства, бесследно исчезла с его лица, и он буквально стал ловить ртом воздух. [130-131]

Думаю, что такое впечатление на него произвело не столько содержание документов, сколько факт нашего обладания ими. Наконец, его негодование (отлично инсценированное) нашло слово: „Увы, какое предательство! Есть ли во всем мире человек, которому можно было бы после этого довериться? Подумать только, что мой старый друг дошел до таких глубин подлости!» и т. д.

Когда он закончил свою пространную тираду, я сообщил ему, что нам предстоит очень неприятная обязанность нарушить священную неприкосновенность его жилища, дабы арестовать виновного. Это вернуло преюю улыбку на его сахарные уста, и он сказал мне с подмигиванием: «Его больше нет со мной. После отъезда Совлаева он вернулся в свой дом». Засим он попросил, по обычной персидской любезной манере, разрешения откланяться. Но произошла задержка с разыскиванием капитана Коккеряля, который был нужен для приведения в исполнение приказа об аресте, и пока он не явился, я не мог отпустить губернатора, чье беспокойство объяснялось стремлением предупредить своего друга, от которого он так позорно отрекся. Таким образом, нам пришлось поддерживать разговор на самые вымученные темы, и после каждой паузы губернатор делал попытки поспешить на выручку своего друга, но я неизменно останавливал его: «Пожалуйста, посидите еще минутку, я так редко вижу ваше превосходительство, а мне все нужно было спросить вас о том, предвидится ли падение цен на хлеб». Наконец, Коккеряль явился, и я дал ему все нужные инструкции. Так как Коккеряль отправлялся на автомобиле, то я надеялся, что он скорей доедет до дома преступника, нежели губернатор сумеет предупредить своего «вероломного» друга б угрожающей ему опасности. Я расстался с губернатором, и было очень забавно видеть, с какой неперсидской поспешностью он бросился к своему экипажу, вскочил в него и приказал кучеру гнать лошадей, что есть мочи. Автомобиль Коккеряля скрылся по дороге налево, в то время как губернаторский экипаж скрылся в облаках пыли за углом направо. И губернатор выиграл это состязание на скорость. Благодаря неизвестности точного местопребывания Раиз-Телефон-хана, автомобиль несколько задержался и к тому времени, как капитан Ковке [131-132] раль подъехал к его жилищу, он, очевидно, предупрежденный по телефону своим другом, бесследно скрылся.

Неудача с арестом Раиз-Телефон-хана не могла быть очень серьезной. Если он так же, как и каргузар, покинул совсем город, то это меня вполне устраивало, а если бы он и остался в городе, то мы нашли бы его завтра или в один из ближайших дней. Я никогда не придавал такого значения этим арестам, как это делал Совлаев. Прежде всего, еще до нашего приезда, что могло быть более естественным и понятным, чем факт оказывания персами покровительства нашим врагам, которые были так близко от них и вели здесь самую отчаянную пропаганду! То обстоятельство, что население Казвина покровительствовало нашим врагам, не имело уже такого большого значения после того, как оно согласилось прекратить свои враждебные выходы против нас. Арестовывать каждого виновного в принадлежности к турко или кучуко-фильскому движению, значило бы арестовывать всякого живущего в этом городе; вследствие этого не так уж важно было арестовывать одного-двух субъектов, а гораздо лучше было бы заставить всех наших недоброжелателей изменить свой образ мыслей. С этой целью я выпустил воззвание, гласившее, что я прекрасно осведомлен о степени покорности каждого, но отпускаю всем их прегрешения при условии, что с их стороны по отношению к нам не будет в будущем проявлено никаких враждебных намерений. Всякая попытка подобного выступления с этого момента будет караема нами с большой строгостью.

Другим преимуществом оставления на свободе людей, взятых нами иод подозрение, было то, что мы имели возможность получать весьма ценные сведения путем перлюстрации их корреспонденции. Мы следили за Раиз-Телефон-ханом, не наседая на него особенно сильно, но этот случай завершился совершенно непредвиденным эпилогом, т.е. он совсем неожиданно сам отдал себя в наши руки.

Майор Саундерс был у себя в канцелярии, как вдруг, на следующий день после неудачи с арестом, открывается дверь и в комнату входит Раиз-Телефон-хан. Майор Суандерс был несказанно изумлен, увидев у себя человека, за которым гонялись по всему городу, и тотчас же объявил ему, что он должен счи [132-133] тать себя нашим пленником. Раиз-Телефон-хан смиренно покорился своей участи, но попросил разрешения сказать несколько слов. Вот что он заявил: «Я признаю себя виновным в своих заблуждениях, выражавшихся в поддержке ваших врагов. Я понимаю, что я ошибался, но должен сознаться, что я был, понуждаем к этому другими. Я намеревался с сегодняшнего же дня отказаться от моего прежнего образа мыслей и посвятить остаток своей жизни англофильской пропаганде».

В конце концов, я решил не арестовывать его, и он был отпущен на свободу. Да позволено будет нам усомниться в искренности перемены его убеждений, но факт тот, что за все время дальнейшего нашего пребывания в Казвине он не имел больше никаких связей с вражеским станом и очень часто помогал нам.

Несколько дней спустя, я увидел губернатора и рассказал о том, как мы были удивлены добровольной сдачей Раиз-Телефон-хана. Губернатор подмигнул глазом и сказал: «Это был мой совет. Я сказал ему, чтобы он пришел сам к вам, и он увидит, что вы его не тронете. Я предупредил его, что если его арестуют в городе, он будет для большей надежности отправлен в Багдад, но что если он сам предастся

вам, то вы, видя его благородство, не отнесетесь к нему сурово. Он боялся рискнуть сделать это, но я убедил его».

Было еще немало случаев, подобных этому, но случай, приведенный выше, характерен для них всех. Действительно, важные аресты, как общее правило, были мало забавны и производились с должной быстротой и соблюдением всей необходимой конспиративности.

В разговоре с одним из честных демократов в Казвине мы коснулись излюбленной в те времена темы о Кучук-хане, причем, я заявил, что восхищаюсь им и вполне солидарен с направлением его политики. Какой лозунг может больше всего быть любезен персу, как не лозунг: «Персия для персов», но он, как и все подобные этому девизы, требует точного определения, а определить, что такое истинный перс, не так-то легко, В Персии живет немало турок, туркмен, евреев и армян, которые жили здесь уже испокон веков; что они, - персы? Затем, другой боевой клич: «Вон европейцев!» Что же может внушить [133-134] персу больше доверия. Но этот клич поведет к тому, что в других странах, где проживают теперь персы, также крикнут: «Вон персов!» Но ведь, в конце концов, недостаточно же заниматься одним пусканием слов на ветер, а эти слова никогда не могут быть воплощены в действие, так как европейцы отсюда добровольно не уйдут, а у Персии нет сил, чтобы пустить их в ход. И вот, именно в этом и заключается слабая сторона всей схемы: все это, не опирается ни на какую силу, и этой силы никогда и не будет.

У Персии нет армии, а если она сегодня начнет создавать таковую, тратя деньги (которых у нее нет) в изобилии, то лет через пятнадцать она создаст себе хорошо вымуштрованных солдат для демонстрации их на парадах. Но дефилирование на парадах не сделает из них храбрых людей и, я весьма сомневаюсь, чтобы из них вышли хорошие вояки. Чтобы быть хорошим воином, нужно иметь твердую веру и неизблемые идеалы. Сильнейший из всех боевых стимулов, это - любовь к родине, а здесь, в Персии, я не вижу и признака ее.

«Что же нам тогда делать? - спросил мой собеседник: - Какова должна быть, по-вашему, программа будущей политики Персии».

- Как вам сказать, - ответил я: - после моего короткого знакомства с Персией, мое мнение не представляет большой ценности, но я советовал бы следующее: вы много говорите о славе вашей истории, - учите ей ваших детей. Меньше говорите о ней и больше следуйте ей. Вы читаете произведения Саади; декламируйте их реже и чаще руководитесь ими. В то-время, когда каждый из вас говорит в глубине души: «Пусть Персия тонет, пока я еще плыву», нет необходимости кричать о том, что «Персия для персов». Если сегодня же вы начнете обучать и воспитывать своих детей, в возрасте от шести лет и выше, в согласии с этими принципами, то через пятнадцать лет вы получите хороших солдат, но для того, чтобы вполне наладить подобную систему воспитания, вам понадобится еще пятнадцать лет. Таким образом, через тридцать лет у вас появятся первые солдаты, но пройдет еще пятнадцать лет, пока вы создадите себе настоящую армию. И вот, если вы сегодня приступите к выполнению моей простейшей программы, то к 1963 [134-135] году вы сможете попытаться выгнать отсюда европейцев. Но имейте в виду, что и тогда только вы сможете лишь «попытаться» выгнать их, что еще далеко не то же самое, что выгнать их».

- Ваш план, пожалуй, безнадежен, - сказал он.

- Такова же точно программа вашего Кучук-хана, - ответил я.[135-136]

Последний этап на пути к морю

НАШИ отношения с Бичераховым за последнее время сделались несколько натянутыми. Ему самому, а тем более его людям, хотелось, вполне естественно, скорей пуститься в дальнейший путь.

Кучук-хан укрепился у Меджилевского моста, в 70-ти милях от Казвина, на полпути к Энзели, и хотя мы не думали, чтобы его войска, даже под командой германских офицеров, могли оказать серьезное сопротивление, тем не менее, было ясно, что он намерен воспрепятствовать англо-русскому выступлению.

Каждый день проволоочки с нашей стороны давал ему возможность увеличивать свои силы на этой позиции, на которой он окопался, и увеличить этим и без того неприступную природную позицию. Я никак не мог согласиться на дальнейшее движение отрядов Бичерахова, до тех пор, пока не получил возможности обеспечить ему тыл своими войсками, путем занятия важных пунктов на энзелийской дороге, обеспечивая таким образом безопасное следование русских к морю, а этих войск у меня, пока что, еще не было. Единственно, что связывало его с нами, это - наша финансовая помощь, но и эта связь делалась уже менее надежной, так как он получил предложение ехать на Кавказ на лучших условиях, если только он захотел бы соединиться с большевиками. Я убеждал его в том, что ему будет весьма полезна помощь наших аэропланов и бронированных автомобилей, на что он не сможет рассчитывать, отделившись от нас. Я полагаю, что он совершенно справедливо выражал некоторые сомнения по поводу моих обещаний.

В начале июня я получил, наконец, долгожданное известие о том, что войска в количестве, достаточном для того, чтобы удовлетворить всем требованиям момента, находятся уже в пути. Части 11-го гусарского полка подходили к Хамадану, восемь [136-137] бронированных автомобилей были уже в Керманшахе и быстроходная колонна из тысячи штыков Гентского полка, с двумя горными орудиями, ехала к нам на 500-х Фордах и должны были быть в Казвине числу к 12-му июня. Снабдить такое огромное число автомобилей бензином было не легко, но мы, к счастью, сделали достаточный запас бензина, которого вполне хватило на все машины. Но к тому времени, когда эта колонна достигла Казвина, она уже больше не заслуживала названия «быстроходной»: ужасное состояние дорог не могло не отразиться на машинах, и к тому же ощущался недостаток в запасных частях. Все это, к моменту прибытия в Казвин, сделало больше 60% машин негодными для немедленного употребления.

Для пополнения этих войск из Багдада в Казвин была выслана 8-ая батарея королевской полевой артиллерии.

Теперь уже мы могли сделать окончательный вывод: договариваться ли нам с Кучук-ханом или драться с ним; или пожалуй, будет более любезно сказать, что мы предложили ему самому сделать этот выбор. За последнее время мы успели несколько изменить свой взгляд на положение вещей, о чем и было доведено до сведения Кучук-хана, но, тем не менее, надеяться на мирный исход переговоров было почти невозможно. Надеяться на то, что Кучук-хан беспрепятственно пропустит наши войска за линии своих окопов после того, как он устраивал смотр своей доблестной армии и кичился ее могуществом в самых вызывающих выражениях, значило бы ждать от него слишком многого. По этим причинам наши переговоры так ни к чему и не привели, и, как последний шанс, я отправил к нему полковника Стокса с парламентерским флагом, дав ему все полномочия для ведения переговоров от моего имени. Мне необходимо было знать, что произойдет с капитаном Ноелем и другими пленниками в руках джангалийцев, если только между нами начнутся военные действия. Число их пленников успело значительно увеличиться, но Ноель был единственным англичанином среди них. Окшот и Маклерен бежали, Ноель же был закован в кандалы и брошен в подвал. Остальные пленники состояли из одного французского офицера и нескольких русских.

Я уполномочил полковника Стокса придти к какому-нибудь разумному соглашению с Кучуком. Наши неизменные требования [137-138] сводились к следующему: немедленное освобождение пленников, открытие свободного движения, но энзелийской дороге и гарантия беспрепятственного следования наших войск. Со своей стороны я обещал ему, по выполнении этих условий, право ведения своей внутренней политики в Персии.

Полковник Стокс оставался два дня в ставке Кучук-хана, близ Регата. Ничего, кроме уклончивых ответов, он там не добился. Затем, видя, что убедить джангалийцев в безумии их планов нет никакой возможности, и зная, что приближается момент открытия с нашей стороны военных действий, он прекратил переговоры и уехал в Энзели в тот самый день, когда начались менджильские бои.

5-го июня я согласился, наконец, чтобы Бичерахов двинул свои войска с целью атаковать джангалийцев, и овладеть подступами к мосту. Сводные силы, состоявшие из нескольких тысяч конных и пе-

ших казаков с артиллерией, поддерживаемые одним эскадром 14-го гусарского полка под командой капитана Пока и двумя бронированными автомобилями, выступили в этот же день из Казвина. К тому же было условлено, что, как только наши подойдут к линиям противника, на помощь вылетят два аэроплана с казвинского аэродрома. К бичераховскому отряду я прикомандировал майора Ньюкома, офицера канадской армии, в качестве финансового советника, и капитана Дербишира, для заведывания снабжением. Полковник Клеттербек оставался все время офицером связи между нами и русскими, а майор Руландсон, говоривший по-русски, сопровождал отряд для общего руководства операциями.

К 11-му июня все было готово для атаки джангалийских позиций. В ночь на 12-ое число Бичерахов стянул свои силы к Балие, что в 8-ми милях от Менджида, и выступил оттуда с рассветом.

Два аэроплана, вылетевшие из Казвина, имели инструкции летать над окопами противника, но не пускать в дело ни бомб, ни пулеметов до тех пор, пока неприятель не откроет огня. Такие инструкции я дал потому, что джангалийцы, по всей вероятности, придерживаются общей персидской осторожной тактики вести бои одним только «видом», вследствие чего было бы [138-139] справедливо, прежде чем приступать к активным действиям, показать им, как выглядим мы».

Как только самолеты показали над окопами, джангалийцы открыли по ним бешенный, но совершенно безвредный огонь, из винтовок. Этим и началось сражение у Меяджилевского моста. Тем временем Бичерахов, находясь во главе своих войск, незаметно вел наступление. Собственно говоря, согласно тактике современной стратегии, командующему войсками не место быть во главе своих войск во время сражения, он может находиться где угодно, но только не здесь; но в Персии обычные понятия о тактике совершенно перевернуты, и способ действия, который в Европе мог привести к крушению всей стратегии, в Персии приносит самые успешные результаты.

Трудно было исчислить, какие силы Кучук-хан бросил в бой в этот день. Он хвастался армией в 5000 человек, и возможно, что он имел около половины этой цифры в окопах по обеим сторонам моста и на близлежащих возвышенностях. Артиллерии у него не было, но он был в изобилии снабжен пулеметами, помещенными на отличных позициях, господствующих над подступами к мосту и над частью дороги, по ту сторону реки. Эта дорога уже была мною однажды описана в третьей главе, но будет, я полагаю, не лишним подробнее описать это пространство в несколько квадратных миль, на котором происходило сражение. Подходя к Менджилу с востока, дорога пролегает у подножья гор, прилегающих с правой стороны, тогда как параллельно дороге, по левую руку извивается каменистое русло реки. За две с половиной мили до моста невысокий утес, выступая из горной цепи, заставляет дорогу делать изгиб, напоминающий по своей форме головную шпильку. Огибая этот утес, вы можете видеть долину и деревню Менджил. Мост отсюда не виден; его можно видеть, только подъехав к нему совсем близко, так как он лежит в узком ущелье между отвесными скалами. На самом повороте дороги стоит маленькая чайная, откуда можно беспрепятственно обозревать всю долину.

Из этого описания делается ясным, что неприятель должен был занять этот выпирающий утес, для того, чтобы прикрыть подступ к долине и таким образом поставить нас в не [139-140] выгодное положение. Но утес занимал всего только небольшой наблюдательный пикет, который ступежался при приближении Бичерахова, не сделав ни одного выстрела. Стоя у чайной и смотря в западном направлении, можно видеть, на ближайшем левом плане, деревню Менджил и возделанные поля, которые резко заканчиваются, подходя к руслу реки. В этом месте русло поворачивает вправо и идет в северном направлении, к Каспийскому морю, проходя по ущелью, через которое перекинут Менджильский мост. От чайной долина видна на протяжении шести миль: вся эта местность пересечена сухими руслами рек, возделанными полями и кряжами невысоких холмов. На заднем плане высятся массивы гор, замыкая собой описанный ландшафт. Дорога к мосту, естественно, следует всем извилам скалистого ущелья; она круто огибает упомянутый выше утес и через пол-мили выходит на открытую местность; дальше же она сворачивает к западу и в этом направлении идет до самого моста. На переднем плане, милях в 2-х от чайной, высится небольшой, отдельно стоящий холм, с плоской вершиной; он расположен под углом к дороге с правой стороны и тянется ярдов на 800, совершенно закрывая собой мост, который находится в полумили к северо-западу от него. Скалистые отлоги Эльбурских гор с правой стороны подходят к дороге всего на расстоянии нескольких ярдов и делают маневрирование на этом участке возможным только для хорошо обученных горных войск.

Германский офицер, фон Пахен, упустил из виду закрепить за собой утес, который был, собственно, ключом ко всей его позиции, и удовольствовался помещением своих сил в окопах на гребне изолированно стоящего холма, распределив некоторое количество войск также на высотах на нашем правом фланге. Форсировать этот холм без артиллерийского огня было бы, конечно, трудно, но при наличии артиллерии, противник ни в коем случае не мог бы удержаться на этой позиции, так как этот холм представлял для артиллериста отличную мишень. Гребень этого холма был несколько ниже вершины утеса, у котого рого находилась чайная.

Вся дислокация неприятельских войск была настолько опереточна, что я пришел к убеждению, что персы никогда и не [140-141] думали сражаться, полагаясь единственно на, свой «вид». Но в Бичерахове они отнюдь не нашли сторонника этой системы стратегии.

Думаю, что фон Пахен был человеком более осведомленным, в вопросах стратегии, но, по всей вероятности, персы решили, что мы будем рассуждать, приблизительно, следующим образом: «Джангалийцы занимают высоты, лежащие на нашем пути, защищают мост и держат под огнем часть этой дороги, по которой мы должны двигаться. Постараться выгнать их отсюда будет стоить несколько жизней, если даже попытка и увенчается успехом. Джангалийцы не отступят от своего решения. Поэтому лучше всего будет остановиться там, на несколько дней, и обсудить положение».

Упустив занятие утеса, они могли занять следующие выгодные позиции на склонах скалистых отрогов с правой стороны от нас, а также и склоны по ту сторону моста. Было бы нелегко сбить с позиции войска, занимающие эти склоны, в то время как их пулеметы, в умелых руках, могли сделать форсирование моста делом чрезвычайно трудным; пришлось бы либо выбивать их сначала оттуда, либо идти на большой риск овладения мостом ценой больших потерь.

На этих позициях было некоторое количество войск, но их положение там было очень непрочным. Они очень мало использовали свои пулеметы и вскоре совсем оставили поле битвы.

Бой открылся с прибытием аэропланов, которые грациозно снизились над неприятельским расположением, не открывая огня, с целью разведки. Их бешено обстреливали, но они остались невредимыми.

К этому моменту Бичерахов, во главе своего отряда, обогнул по шоссе утес и подошел к чайному домику, где наткнулся на неприятельский пикет, который собирался, было оказать сопротивление. Будучи ранен в самом еще начале войны, Бичерахов ходил с палкой, которая служила ему одновременно с этим и единственным его оружием. Опираясь на палку, он храбро зашагал к начальнику неприятельского пикета и спросил его, что он здесь делает, и почему люди являют такой грозный вид. На это начальник пикета отвечал: «Мы здесь для того, чтобы охранять этот пост до последней капли крови». [141-142] -Убирайтесь вон отсюда, живо! - заорал Бичерахов, замахиваясь на него палкой. Его свирепые, угрожающие жесты так напугали джангалийцев, что они повернулись все, как один человек, и стали удирать по дороге, оставив утес в руках казаков. Так завершилась вторая фаза сражения.

Третья фаза сражения началась с приездом немецкого офицера фон Пахена. Он подъехал, окруженный персидским конвоем, и, выкинув белый флаг, просил выслать парламентаря. Немец был одет в свою форму и являл вид настоящего главнокомандующего; его вид, конечно, производил сильное впечатление на персов, но казаков это заставило только улыбнуться. Бичерахов вышел к нему навстречу и спросил, что он собственно хочет. фон Пахен ответил, что он приехал вести переговоры по поручению Кучук-хана и не замедлил сообщить следующее:

«Джангалийцы, как вы сами видите, отлично укрепились и ваших войск будет недостаточно, чтобы выбить их с занимаемых ими позиций. Ваши атаки на наши линии заранее обречены на неудачу и поведут лишь к бесполезной гибели людей. Ввиду этого, Кучук-хан поручает мне довести до вашего сведения следующее его решение: если вы расстанетесь с англичанами, он позволит вам беспрепятственно дойти до Энзели. Он всегда смотрел на русских, как на друзей, и теперь считает их за таковых, он не ладит только с англичанами. Ваши люди не будут обезоружены, пусть только они двигаются партиями, ежедневно по двести человек, и джангалийцы не тронут их, но ни один англичанин пропущен не будет».

Бичерахов был возмущен наглостью подобного предложения, но постарался сдержать себя и свой язык. Его ответ гласил приблизительно следующее:

«Я не признаю немецкого офицера за представителя Кучук-хана и считаю ваше появление передо мной в германской форме актом оскорбления. Я не хочу входить ни в какие соглашения с джангалийцами, и намерен открыть огонь сейчас же, как только вы скроетесь из виду».

Тем временем горная казачья артиллерия заняла превосходную позицию на утесе у чайного домика, и едва только фон Пахен успел скрыться из виду, как было дано приказание открыть огонь по окопам на изолированно стоящем холме. Кон [142-143] ные казаки и гусары двинулись в обход правого фланга неприятеля, в то время как бронированные автомобили приняли участие в атаке, заезжая с его левого фланга. Пластуны же рассыпались по всей долине.

Очень скоро джангалийцы начали покидать свои окопы и отступать по направлению к мосту. Кавалерия и броневики преследовали их и завладели мостом без серьезного сопротивления; при этом преследовании в плен было захвачено немало оставших джангалийцев.

В эту раннюю фазу сражения удержать за собой мост нельзя было ни в коем случае, так как пулеметы, расположенные по ту сторону моста, предназначавшиеся для обстрела действительным огнем всех подступов к мосту, были в руках противника и не подвергались еще действию нашего огня. Но паника уже нависла в воздухе, и пулеметчики удрали, не сделав почти ни одного выстрела. Наши всадники

переехали мост, пехота была перегруппирована и все наши войска прошли целых 10 миль по шоссе до Рудбара совершенно беспрепятственно. Все это может показаться невероятным, в особенности, если принять во внимание неприступность ущелья, которое я описывал. Достаточно было одного действующего пулемета в этом проходе для того, чтобы все наше наступление было остановлено. Джангалийцы оставили на поле сражения большое число убитых и раненых, не сделав, однако, никакой попытки подобрать их. С нашей же стороны потери были ничтожны. Так кончилось сражение у Менджильского моста.

Упорного сопротивления никто из нас, говоря по правде, не ожидал, но никто не мог ждать, и такой легкой победы. Джангалийцы вовсе уже не так трусливы, как это они и доказали несколько позже, и Кучук-хан объяснил их бегство в данном случае неподготовленностью войск, которые, не предполагая вступить в бой, были застигнуты врасплох. Кучук-хан ожидал, что русские сдадутся при одном лишь виде его войск, и к тому же он был уверен, что они согласятся принять его условия. Он был очень неприятно поражен, узнав о той встрече, которую оказал его войскам Бичерахов.

Эскадрон 14-го гусарского полка под командой капитана Попа был оставлен у Менджила для защиты моста. Вскоре за [143-144] тем эскадрон был еще усилен отрядом пехоты из частей быстрогоходной колонны.

Вследствие того, что наши войска не были еще готовы к занятию различных пунктов дороги на Энзели, я принужден был пускать в ход все мои дипломатические способности, дабы умерить нетерпение Бичерахова. В конце концов, он решил двигаться на Энзели со своими главными силами, оставляя маленькие отряды в Рудбаре, Рустам-Абаде и Реште, где они затем должны были быть заменены моими войсками и также отправлены в Энзели. Нам удалось сменить эти отряды на следующей же неделе, после чего мы окончательно отделились от бичераховских войск.

После ухода Бичерахова, Кучук-хан стал воодушевлять свои войска тем, что вот-мол теперь русские ушли и англичане оказались предоставленными самим себе, а так как англичане плохие вояки, то они все скоро сделаются добычей его доблестных войск, которым был дан приказ нападать на английские отряды,двигающиеся по дороге, и уничтожить их. Результаты этих нападений очень напоминали один приказ, изданный кайзером во время войны по поводу некоей «ничтожной маленькой армии».

8-го июня отряд Гентского полка был атакован на дороге; капитан Дернфорд был убит, и ранено было шесть человек солдат, но неприятель был отбит и понес значительные потери. В это же время неприятель развил оживленную деятельность в районе других расположений наших сил, в особенности в районе Исмаизаде-Хашина, в 10-ти милях от Решта, где дорога оставляет нагорье, углубляется в лес и затем идет рисовыми полями; оживились действия также и в районе самого Решта. Решт довольно большой, широко раскинутый город, сплошь окруженный непроходимыми лесами и рисовыми плантациями. Он имеет довольно крупное торговое значение и со своими театрами, кинематографами и гостиницами являет еще более безобразно европеизированный вид, нежели Казвин. В центре города расположен городской сад, где играет оркестр, а около сада стоит некое убогое жилище, занимаемое английским консульством. Это место совершенно не подходит для консульской резиденции. Русские поступили гораздо умней, вы [144-145] строив великолепное здание консульства на своей земле на южной окраине города, на главной дороге. Наши войска были размещены как раз около русского консульства, почти за городом. Такое расположение давало нам большое стратегическое преимущество.

Наибольшее число войск, которое мы имели в Реште, было 450 штыков и два бронированных автомобиля. С такими силами было бы совершенно невозможно оборонять город против джангалийцев, которые сконцентрировали свои силы в близлежащих лесах, на расстоянии не больше мили от города. Единственная дорога, пролежавшая лесом, была дорога на Казму - миль 25 к западу, где находился штаб Кучук-хана. У нас было слишком мало сил, чтобы рискнуть наступать на джангалийцев, которых было до 2000 человек в одних только близлежащих лесах. Да если бы у нас и было достаточно сил, то и тогда двигать их по Казмийской дороге было бы равносильно их гибели, так как двигаться вне дороги было совершенно немыслимо. Таким образом, ничто не могло бы помешать джангалийцам занять город, окружность которого была около семи миль - дистанция, значительно превышавшая силы 450-ти защитников. Город открыт со всех сторон и густая трава, и низкий кустарник доходит до самых стен окраинных домов. Вследствие этих условий, войска были расположены на окраинах, дабы иметь возможность защититься от нападения и в случае надобности перейти в контратаку.

Положение рештского отряда было бы чрезвычайно тяжело, если бы не помощь двух самолетов, которые достигали желаемого эффекта, сбрасывая бомбы и открывая пулеметный огонь по замеченным скоплениям неприятельских войск. Но действия аэропланов значительно затруднялись густотой леса, скрывавшей движение неприятеля от наблюдений с самолетов, а потому эти воздушные атаки причиняли неприятелю мало ущерба, производя, однако, сильнейшее моральное воздействие.

Операциями на участке дороги Менджил-Решт руководил подполковник Матьюс, Гентского полка; он командовал быстрогоходной колонной, состоявшей, из 800 штыков, с двумя горными орудиями,

каковых сил, конечно, было недостаточно, чтобы [145-146] охранять 50 миль горной дороги и лес между Менджилом и Рештом.

Войскам приходилось часто принимать участие в жарких схватках, и я должен сказать, что люди держались очень хорошо: гурки и солдаты Гампширского полка состязались друг с другом в храбрости, стараясь показать джангалийцам, из какого материала сделана наша армия. Броневики, в свою очередь, оказывали им поддержку, правда, главным образом, моральную, так как конфигурация местности менее всего благоприятствовала действиям броневиков и вне дорог они двигаться совершенно не могли; кроме того, бронированный автомобиль никаким образом не может подступиться к рисовому полю.

26-го июня я выехал в Энзели для переговоров с Бичераховым относительно наших дальнейших планов, прежде чем его войска погрузятся на пароходы для отплытия в Баку. Мне хотелось также выяснить позицию, занимаемую теперь большевистским комитетом. Ночь мы провели в Реште, в помещении нашего консульства, где я обратил внимание на большую опасность пребывания консульства в эти дни в городе. Консульство охранялось караулом из двенадцати солдат под командой офицера, но всякое решительное нападение не могло бы встретить серьезного отпора с их стороны. Г. Маклерен, который долго был в плену у джангалийцев, вновь уже водворился в своем консульстве, но было уже решено, что его заменит г. Мойр.

В Энзели мы прибыли 27-го июня и остановились в помещении рыбных промыслов. Два дня, 27-ое и 28-ое были целиком посвящены обсуждению планов с Бичераховым и разговорам с тов. Челябиным.

Бичерахов решил сделаться большевиком, так как он не видал другого способа добраться до Кавказа. Об этом решении он писал и телеграфировал комитету большевиков, признаваясь чистосердечно, что только Советская власть (новое название большевистской власти) может спасти Россию. Это заявление было широко опубликовано в большевистских газетах в Баку и ему предложено было принять командование над большевистской армией, так называемой «Красной армией», каковое предложение он принял. Он был готов немедленно же произвести по [146-147] садку на пароход и я решил отправить, вместе с ним нескольких английских офицеров, которые сопровождали его из Казвина, а также одну роту бронированных автомобилей: Высадка в Баку отдала бы его всецело в руки большевиков, которые могли бы, в любой момент, обернуться против него; исходя из этих соображений, он решил высадиться в Алятах, в маленьком порту, милях в 50-ти к югу от Баку, откуда железная дорога делает поворот на запад, по направлению к Тифлису.

Этим путем он думал избежать непосредственного контакта с большевиками, имея, в то же время, в виду действовать совместно с той частью Красной армии, которая непосредственно участвовала в операциях против турок.

Численность действующей Красной армии доходила тысяч до десяти и если бы все эти люди были настоящими солдатами и хотели бы воевать, то план, выработанный Бичераховым, был бы, безусловно, успешным. Но, как обычно, революционные войска суть войска только на бумаге, но на поле сражения, где каждый человек только и делает, что стремится избежать смерти, на них положиться нельзя.

События на юго-восточном Кавказе к этому времени складывались следующим образом: турецкая кавказо-исламская армия, численностью до 12.000 хороших солдат, состоявшая приблизительно наполовину из турецких регулярных войск и наполовину из горских народностей, двигалась со стороны Тифлиса, вдоль железной дороги, с намерением овладеть Баку. Их движению сильно мешали плохое состояние железнодорожной линии, недостаток подвижного состава и топлива для паровозов. Немцы в Тифлисе старались всеми силами не пустить турок в Баку, так как у них было особое соглашение с Лениным, а через него и с бакинским правительством о «беспрепятственной» передаче им этого города. Занятие Баку турками было бы для них не лучше оккупации его англичанами.

Так странно сложившаяся конъюнктура повела к самому необычайному положению вещей. Стремясь, с одной стороны, не дать возможности немцам захватить Баку и, с другой стороны, желая воспользоваться, случаем подражаться с большевиками, много русских офицеров присоединилось к туркам и позднее, когда [147-148] мы сражались против турок под Баку, в наших частях было не меньше русских, чем в войсках противника.

К 1-му июля турецкие войска еще не переходили через Куру, через которую есть только один мост у ст. Евлах, в 150-ти милях от Алят. Эта река орошает всю юго-восточную низменную часть Кавказа, беря свое начало с гор, расположенных как раз к северу от Тифлиса; она соединяется с рекой Аракс, не доходя 100 миль до впадения последней в Каспийское море, в 50 милях к югу от Алят.

Все приведенные выше соображения сводились к необходимости захвата евлахского моста. Передовые части Красной армии уже подходили к мосту с восточной стороны, и Бичерахов надеялся, что можно будет сделать налет и захватить мост прежде, нежели турки, подходившие с запада, успели бы завладеть им. Если бы удалось захватить и удержать за собой этот мост, то опасность осады турками Баку была бы отложена еще на долгое время. Даже если бы удержать мост и не удалось, то его войска могли бы все-таки нанести поражение неприятелю или, по крайней мере, задержали бы его движение

настолько, чтобы дать возможность защитникам Баку укрепиться на удобных позициях к западу от города.

С этими намерениями Бичерахов начал посадку своего отряда на пароходы 1-го июля.

Моим другим делом в Энзели было поговорить с Челябиным и познакомиться с его образом мыслей. Позднее я передам, вкратце наш разговор.

Прежде всего, что меня поразило теперь в Энзели, это перемена настроения со времени нашего первого неудачного визита сюда зимой. В те времена, комитет, имея за собой около 2000 человек, был в состоянии диктовать всем свои условия, теперь же, располагая всего двумястами красноармейцев, перед лицом наших ста штыков Гентского полка, их диктаторский дух окончательно испарился. Число членов комитета сократилось до трех, из которых Челябин был уже нам знаком; другим членом был некто Лазарев, молодой лавочник, лет около тридцати, и, третий, по фамилии Бабух, юноша лет девятнадцати, служил прежде горнистом в кавалерийском полку.

К комитету имел также отношение поручик Алхави, офи [148-149] ер арабского происхождения, служивший в войсках Бичерахова. Он был военным губернатором города и представителем Бакинского Совета. Как офицер Бичерахова, он, конечно, был расположен помочь нам, но ему очень нравилось его положение короля Энзели и он, казалось, немножко опасался, что, в конце концов, мы ущемим его.

Присутствие нашего отряда очень не нравилось ни ему, ни Челябину, но я указывал, что мы собираемся устраивать здесь площадку для спуска аэропланов и мне необходимо иметь для этого охрану. Они очень любезно предложили мне взять охрану на себя, но я настоял на том, что охрана самолетов это такое дело, которое может быть поручено только своим людям.

Другим признаком перемены настроения было то обстоятельство, что вместо того, чтобы вызвать меня к себе, заседание комитета, по моей просьбе, происходило у меня на квартире.

Очень важно было урегулировать с Челябиным вопрос снабжения нас бензином. Бензин находился всецело в руках наших врагов—большевиков, и заставить их расстаться с этим важным продуктом, было не так-то просто; отсутствие же бензина могло парализовать все наши операции. Они должны были, по настоящему, не давать нам ни капли бензина и тогда мои силы в Персии, лишённые своей подвижности, оказались бы в весьма затруднительном положении.

Мы пришли к соглашению, что за каждую партию бензина, стоимостью 300 фунтов, я буду им платить 100 фунтов машинами. Им очень хотелось получить автомобили, но эти автомобили были им совершенно не нужны, тогда как бензин был нам крайне необходим. Багдад сильно противился изысканию лишних автомобилей для заключенной мною сделки, но, в конце концов, их понадобилось не очень много. Я получил от Бакинского Совета бензину всего на 50.000 фунтов стерлингов и, когда я хотел отправить им в счет уплаты десять фордов, правительство оказалось свергнутым, и я не мог передавать автомобили правительству, которое прекратило свое существование. Благодаря сделке с бензином, мне представилась лишняя возможность укрепить свое положение в Энзели, посылая туда офицеров для [149-150] наблюдения за погрузкой и отправкой бензина. Путем посылки офицеров и аэропланов я довольно прочно основался, в Энзели, что было первым шагом к господствованию на Каспийском море. В общем, я считал свою вторую поездку в Энзели весьма удовлетворительной: мы выработали с Бичераховым дальнейший план совместных действий, наладили снабжение бензином в неограниченном количестве и утвердились в Энзелийском порту. Взамен этого мне пришлось делать вид, что я слушаю лекцию молодого девятнадцатилетнего товарища Бабуха о злобности английского империализма.

28-го июня мы покинули Энзели и вернулись в Решт, где мы опять остановились в английском консульстве. В наше отсутствие произошла стычка наших гурок с джангалийцами у Имашаде-Хашима. Джангалийцы понесли полнейшее поражение, и бывшая слава гурок окончательно утвердилась в этой стране. За это же время, два офицера, мало знакомые с окрестностями, приняли дорогу на Казму за Энзелийскую дорогу и направились прямехонько в лапы неприятеля. Не доезжая, примерно, мили, до города, автомобиль обстреляли, и один офицер был убит, другой же пустил в дело свои ноги и благополучно прибежал обратно в город. Торжества восстановления английского консульства были назначены на 29-ое июня. Мы подробно разработали программу всей церемонии совместно с новым местным губернатором Сардари-Кулем, дабы избежать каких бы то ни было недоразумений. Все прошло вполне благополучно, но губернатор, к сожалению, сам отсутствовал, прислав нам в последний момент извещение: об обычном персидском недомогании, которое наступает неизменно, когда предстоит исполнение какойнибудь неприятной обязанности. На нашем банкете ему предстояло публично извиниться, от имени персидского правительства, за оскорбление, нанесенное английскому флагу, и обещать в будущем вести себя лучше - всего этого было вполне достаточно, чтобы вызвать у него головокружение и несварение, желудка.

В назначенный час, английский почетный караул выстроился на улице пред входом в консульство, и бронированный автомобиль прибыл для наблюдения за порядком. Английский консул г. Макларен, в сопровождении своих русского и француз [150-151] ского коллег, в полной парадной форме, появился

на крыльце консульства и вся полиция города, предводительствуемая своим начальником, построилась в ряды у самого входа в дом. Я открыл церемонию речью, в которой объяснил значение сегодняшних торжеств и выразил уверенность, что этот день ознаменует собой окончательное урегулирование всех неприятных вопросов между персами и нами, которые имели место лишь исключительно благодаря недопониманиям и непониманию друг друга, положит начало эпохе мирного сотрудничества двух дружественных и уважающих друг друга народов. Засим последовали речи всех присутствовавших консулов, которые сказали приблизительно то же самое. Начальник персидской полиции выступил вперед и принес довольно подобострастные извинения по поводу поведения полиции в дни последних беспорядков в городе и обещал, что в будущем он будет вести себя гораздо лучше. Затем весь отряд полиции продефилировал перед флагом и салютовал ему, приведя, таким образом, нашу церемонию к очень живописному и вполне удовлетворительному завершению. Г. Макларен передал свои полномочия г. Мойру, вновь назначенному консулу, с которым я расстался не без большого сожаления.

На следующий день мы выехали в Казвин, куда мы прибыли благополучно, не попав в пути под обстрел, что доказывало продуктивность нашей системы пикетов. В Казвине я имел возможность подвести итог всем последним событиям и наметить план дальнейших операций. События складывались в нашу пользу, и дальнейшие операции рисовались мне небезуспешными.

Теперь, я полагаю, было бы не лишним сказать несколько слов обо всех достигнутых нами, до самого последнего времени, успехах и поразмыслить над тем, что могло случиться, если бы отряд генерала Денстрвила не укрепился в феврале и марте 1918 г., по линии дороги Керманшах - Хамадан - Казвин, с целью ущемить турок в этом секторе. Ясно, что в этом случае неприятельские отряды заняли бы Биджар и Зинджан и, соединившись с джангалийцами, много способствовали бы усилению последних. Если бы в апреле, мае и июне мы не сумели соединиться с Бичераховым для совместных действий против джангалийцев, то последние не воспрепятствовали бы проходу ка [151-152] заков через их территорию и у Бичерахова не было бы никаких побудительных причин изменить своим мирным намерениям и начать бить людей, которые и не собирались причинять ему никакого беспокойства. В Персии он интересов не имел и единственным его желанием было уйти, как можно скорей, на Кавказ, желание, которое вполне совпадало с намерениями Кучук-хана, стремившегося лишь облегчить ему уход из Персии. Армия джангалийцев, руководимая немецкими и австрийскими агентами и снабжаемая турецким оружием и амуницией, по уходе русских, не встретит никакого сопротивления на своем пути в Казвин и Тегеран, а вооруженное население Хамадана и других городов, подстрекаемое своими демократическими вождями, станет на сторону джангалийцев и примкнет к революции. Вся северная Персия превратилась бы в Большевизию, в которой вскоре утонул бы и Кучук-хан; английская миссия в Тегеране, служащие имперского банка и индоевропейского телеграфа, консулы и миссионеры принуждены были бы скитаться по стране и чувствовать себя счастливыми, что еще остались в живых. Мои построения могут, пожалуй, оказаться несколько и преувеличенными, в особенности, если принять во внимание, что они опираются на успехи такой армии, как армия Кучук-хана, но я полагаю, что мои предположения, при известной степени обстоятельств, едва ли оказались бы далеки от истины.

В заключение северная Персия очутилась бы в состоянии большевизма, остальная часть Персии соединилась бы с туркестанцами и вся центральная Азия и Афганистан оказались бы втянутыми в этот хаос. Этого именно и добивались здесь немцы, и кровь стынет в жилах при мысли о том, как близки они были к этим гигантским успехам. Совершенно справедливо можно теперь сказать, что единственно только действия наших отрядов обрекли на полную неудачу все эти гнусные замыслы германской дипломатии. [152-153]

Турки, неверные и еретики

Мы вернулись в Казвин, как будто к себе домой. Как не похож этот Казвин на тот, что мы видели в феврале! Нас встретили теперь приятными улыбками и любезной предупредительностью. Губернатор заехал справиться о моем здравии, Ремиз-Телефон-хан почтительно склонился, когда мой автомобиль проехал мимо него на главной улице, и все жители выглядели весело и дружелюбно. Всем улицам персидских городов, занимаемых нами, мы дали английские названия, дабы облегчить работу наших шофферов. Таким образом, в каждом городе нас приветствовали: Оксфордская улица, Пиккадили, Странд и другие, напоминая нам о нашей милой родине.

Введение подобной номенклатуры улиц в этих исторических городах было похоже на своего рода вандализм и нам неоднократно советовали воспользоваться более подходящими для этой цели названиями, хотя бы в память героев древней истории. Советы эти, хотя и воздействовали на наше художественное чутье, но в дни войны всякие искусства должны уступать место голой утилитарности. Названия были подобраны таким образом, чтобы шофферы могли легко запоминать их и придти в хорошее расположение духа. Воспоминания о Ростоме храбром и других персидских героях славного прошлого едва ли воздействовали в благоприятном смысле на их чувства и память.

Возможно, что наши названия и заставили Кира, Ксеркса, Дария и Александра Великого перевернуться в своих саркофагах; если это так, то я весьма сожалею об этом, но, несмотря на всю окружающую нас историческую обстановку, мы должны были быть ультрасовременными. Все же, я полагаю, что новые названия улиц были, не так ужасны для древних героев, как мой «приказ об экономии дневного света».

Так как мы приближались к сезону долгих летних дней, [153-154] то было бы досадно не использовать его целиком, и я решил издать приказ о переводе часовой стрелки на два часа вперед. Целых сорок восемь часов в городе царил сумбурная неразбериха. Но затем все перестали замечать происшедшую перемену. С моей точки зрения это нововведение имело большие преимущества, тогда как всех остальных оно вводило в приятное заблуждение. Оно, несомненно, выжимало у каждого два часа лишней работы, т. е. я добился именно того, чего я хотел, но каким образом достигался этот приятный результат, пожалуй, трудно будет объяснить. На первый взгляд, кажется, что все осталось попрежнему. Вы начинаете день на два часа раньше и кончаете его двумя часами раньше, но на практике эти два лишних часа работы как-то сами собой привходят в рабочий день, и все-таки остается еще достаточно времени для отдыха и развлечений. Прямо удивительно, как человек бывает обманут своими часами. Если бы я приказал команде выступить в 4 часа утра, то шофферы и едущие вставали бы в такую рань с ворчанием, но когда они смотрят на часы и стрелки показывают шесть (хотя они знают, что по настоящему-то всего только четыре), то они ничего не имеют против этого.

В итоге шофферы оказались совершенно сбитыми с толку. Мало того, что все их часы показывали время на два часа вперед, но от Хамадана к северу им приходилось мириться еще с одним большим для англичанина неудобством: при езде по дорогам им нужно было, согласно русским и персидским правилам движения, держаться правой стороны. Если, живя по неправильному времени и едзя по новым правилам, им пришлось бы еще разбираться в названиях улиц, взятых из древнеперсидской истории, то они обалдели бы вконец. Только веселые-названия Пиккадили или Лейчестерского сквера не давали им возможности чувствовать, что они находятся в волшебной стране вместе с мартовским зайцем и Алисой*).

Будь мы совершенно изолированы от остальной английской армии, новое время и новые правила движения по дорогам не причиняли бы никаких неудобств, но так как мы были в тесной связи с Багдадом, и по этой дороге было по [154-155] стоянно большое движение, эти перемены, с которыми приходилось считаться, при въезде в район моего расположения, очень неприятно действовали на них и, со временем, мне пришлось отказаться от моей экономии дневного света. Правила же движения по дорогам должны были оставаться прежними, хотя шофферам нелегко было приспособиться и придерживаться левой стороны дороги до Хамадана, затем, за Хамаданом, держаться правой стороны и, пробыв один месяц в моем районе и привыкнув держаться правой стороны, снова выехать за пределы действия этого правила, столкнуться с кем-нибудь потому, что не придерживался левой стороны.

К этому времени в Хамадане начались беспорядки, которые привели к удалению из города губернатора (того самого чиновника, который был помощником губернатора при нашем первом приезде в Хамадан) и Ферида-Уд-Доуле, вождя крайних левых демократов. Со дня их выезда, всякие беспорядки в городе прекратились. Хамаданские команды охотников, под начальством полковника Доннана, стали

* «Алиса в Волшебной стране» - любимая английская детская книжка (Примеч. переводчика)

уже походить на солдат и несли свою службу весьма удовлетворительно. Продовольственный вопрос не обстоял уже так остро, но всплыла еще-одна неприятность в виде денежного голода.

Количество денежных знаков в обороте в Персии не очень велико, а наша потребность в них сделалась весьма значительной. Возник вопрос, каким образом, после того, как иссяк весь наш запас металлической монеты, добиться банку привлечения наличности в свои кассы (посредством взносов вкладчиков и учетом векселей на Лондон) со скоростью, достаточной, чтобы успевать оплачивать наши чеки. Так как наши требования на деньги возрастали с каждым днем, то было необходимо, чтобы те краны, которые выплачивались нам из одной кассы и распределялись нами между нашими кредиторами, немедленно возвращались бы в другую кассу банка, чтобы успеть удовлетворить наше следующее требование. Благодаря способностям и искусству г-на Мак-Муррея, управляющего хамаданским отделением персидского имперского банка, обращение денежных знаков поддерживалось с нужной быстротой, и недостаток в деньгах почти никогда не ощущался. Как он достиг этого, никто не знал, но ключ к разгадке им был найден и, хотя ужас возможного [155-156] денежного кризиса всегда был готов стать новым членом семьи всех прочих кризисов, катастрофа всегда была избегаема. Наш главный кассир, майор Уйтмарш, пережил немало неприятных часов и его работа не может не быть, отмеченной.

Имея постоянно в виду возможность прибытия новых войск, необходимо было заботиться о подготовке для них помещений в Хамадане и Казвине, так что наши саперные части под начальством майора Хаслама, были всегда заняты по горло.

Вскоре затем мы получили в подкрепление отряд королевской морской пехоты, под командой командора Норриса, офицера королевского флота, вооруженный несколькими четырехдюймовыми орудиями, с целью дать нам возможность «господствовать над водами», как только мы сумеем вооружить Каспийскую торговую флотилию.

С ними прибыл и полковник Баттин, который, благодаря своему знанию русского языка, был назначен командовать Красноводским отрядом. [Красноводск - это порт на туркестанской стороне Каспийского моря, расположенный как раз против Баку.

Красноводск был очень удобно расположен - его стратегическое значение делало его вторым по важности после Баку и по мере того, как развивались события, и Баку оказался занятым турками, мы все еще держали за собой Красноводск, охраняя, таким путем, ворота в Центральную Азию от неприятельского вторжения. Красноводское правительство, возглавляемое в те времена очень способным железнодорожным инженером Куном, придерживалось твердой антибольшевистской позиции и пользовалось репутацией англофилов.

От Красноводска идет железнодорожный путь на Асхабад и Мерв; в районе Мерва оперировали крупные силы большевиков, против которых была снаряжена наша военная миссия под начальством генерала Малленсона, которая действовала, в свою очередь, в направлении к северу от Мешала, по линии железной дороги. Полковник Баттин работал в тесном контакте с Куном и поддерживал действия генерала Малленсона.

Подполковник королевской полевой артиллерии, Раулинсон, прибывший к нам, был назначен руководить работой автомобилистов пулеметчиков.

Устремив взоры на Кавказ, мы, однако, должны были зорко [156-157] следить за нашим левым флангом и левым тылом, где в Тавризском и Урмийском направлениях развивала свои действия турецкая армия. Положение в этих районах должно быть также описано.

Сам город Урмия и Урмийская область расположены к западу от Урмийского озера, южный берег которого отстоит, приблизительно, миль на 220 от Хамадана. Население области исчисляется, примерно, в 80.000; большая его часть состоит из двух христианских народностей: армян и айсоров, последние известны также под названием джилусов. В прошлом году эта область была оккупирована 5-ой и 6-ой турецкими дивизиями, против которых христианское население, до последнего времени, успешно боролось; в последней схватке они частично разбили турок и взяли в плен большое число офицеров и солдат, захватив также немало военного материала. Джилусы были обучены и руководимы группой русских офицеров, отправленных туда специально для этой цели, под начальством полковника Кузьмина. Позднее обнаружили какие-то недоразумения между русскими и джилусами, что привело к убийству последними нескольких русских.

Кто там из них был прав, кто виноват, я так и не мог выяснить, но, кажется, что айсоры заподозрили измену со стороны русских. Ага Петрос, вождь джилусов, по слухам, был человеком с большим характером и пользовался репутацией храброго и искусного полководца.

К этому времени отряд майора Старнеса в Бижаре находился в 120-ти милях пути от территории джилусов, а турецкая армия занимала Соудж-Булак. Две турецких дивизии, будучи далеко не в своем полном составе, были слабы, а силы в южном секторе этого района были совсем незначительны.

Джилусы послали нам гонца, с просьбой помочь им оружием, амуницией и деньгами. Мы были готовы оказать им эту помощь и послали ответ с аэропланом, предлагая им пробиться сквозь турецкий за-

слон к югу от озера и выйти к нам навстречу у Саин-Кале к условленному дню, где наши части снабдят их требуемым оружием и амуницией.

Слабость турецкой армии в этом районе логически приводила к плану окончательно вытеснить их отсюда и занять всю [157-158] линию от Биджара до Урмии нашими войсками. Только таким способом можно было бы спасти джилусов от турок, так как нажим со стороны последних неминуемо бы создал слишком много препятствий к тому, чтобы взяться за это дело самим и, пока мы собирались принять в нем активное участие, джилусы разрешили эту проблему своими собственными средствами.

Согласно намеченной схеме, они прорвались сквозь турецкие войска к югу от озера, и вышли навстречу нашему отряду, который должен был доставить им оружие и амуницию. Но джилусы запоздали с возвращением, в Урмии распространились дикие слухи о том, что якобы все их отряды уничтожены. И вот все население: мужчины, женщины и дети, со всем своим скотом и домашним скарбом обратились в бегство по дороге к Биджару, преследуемые по пятам турками и курдами, которые резали и грабили несчастных беженцев. Как только они вошли в соприкосновение с нашими войсками, последние немедленно же образовали арьергард в тылу беженцев и уцелевшее население, около 50.000 человек, было спасено и отправлено в Багдад. Этот случай имел место несколько поздней описываемых мною в этой главе событий, но мне кажется, что читателю будет удобней узнать здесь все последствия этого случая. Беженцы были отправлены в распоряжение багдадских английских властей, где было организовано их питание и предоставлены для них помещения. Сильные мужчины были использованы в качестве охотников в войсках и в качестве рабочих дружин, а остальные, вместе с детьми и скотом, были направлены в Месопотамию. В настоящий момент они уже водворены к себе на родину.

Столько вопросов требовало обсуждения и объяснения, что я решил, что самое лучшее будет отправиться мне на короткий срок в Багдад, в главный штаб войск, но прежде чем это сделать, мне необходимо было еще раз навестить Тегеран и узнать мнение нашего полномочного министра по некоторым из вопросов.

С этой целью я выехал в Тегеран 4-го июля и в этот же день прибыл туда. Я нашел сэра Чарльза Марлинга в своей летней резиденции в Гулахеке, милях в 17-ти от города. Помещение нашей миссии в Гулахеке еще прекрасней тегеранского. [158-159] Дом стоит на склоне невысоких отрогов, главного Эльбурского хребта в прелестном, совсем английском лесу, с журчащими струями прозрачной воды, сбегаящей по канавкам, выложенным изразцами бирюзового цвета. Мое пребывание там было по необходимости кратковременно, и 7-го июля я уже был в Казвине, с намерением двинуться дальше в Багдад.

Было особенно досадно покидать Тегеран в это время, когда в столице кризис кабинета был в самом разгаре: было бы очень интересно проследить эту политическую пертурбацию, которая нашла себе такой незначительный, отклик в этой безалаберной стране и в конце концов доказала полную свою преждевременность.

Мне было очень трудно уделить время поездке в Багдад и казалось, что лучше всего было совершить ее на аэроплане. Я просил, чтобы мне прислали двухместный самолет из Багдада, и получил удовлетворительный ответ; но условия жаркого времени года в Месопотамии, как оказалось, не позволяли переслать мне аэроплан и мне дали знать, что я могу воспользоваться воздушным сообщением только от Мирджана, т. е. не доезжая 80-ти миль от Багдада. Но даже и на таком маленьком расстоянии экономия времени была бы значительной.

До сего времени я не получал никаких известий от Бичерахова и, естественно, мне очень хотелось знать, как развиваются его похождения. Возможность попасть нам в Баку либо с его помощью, либо своими собственными средствами с каждым днем становилась все более вероятной. Связь с Баку у меня была налажена при посредстве почти ежедневных курьеров и наши друзья, социал-революционеры, казалось, были в состоянии произвести в скором времени *coup d'état*, т. е. свергнуть большевиков, установить новую форму правления в Баку и пригласить на помощь англичан. Для того чтобы воспользоваться удобным моментом, могущим представиться каждый день, мне все еще не хватало сил.

Но вот я получил радостное известие, что 39-ая пехотная бригада, состоящая из вновь сформированных армейских частей, под командой полковника Фавнеля, выслана ко мне и уже полным ходом мчится на грузовиках. В состав этой бригады входили следующие части: 7-го сводного батальона Глочестер [159-160] окого и Северного Стаффордского полков и 9-го сводного батальона полков Уорчестерского и Варвикского.

Нижеследующее мое донесение от 13-го июля 1918 г. из Казвина дает возможность охватить все события последнего времени:

«Со времени последнего моего донесения произошло немало перемен, которые, в общем, оказались благоприятными для нас.

Отдельные события несколько, пожалуй, сумбурны и запутаны, но они, несомненно, внутренне связаны между собой, и успех в направлении одного из них благоприятно отражается и на всех прочих.

Упуская калейдоскопическую смену событий русской революции, которые хотя и имеют к нам очень близкое касательство, но совершенно не поддаются описанию в пределах обычного служебного донесения, я располагаю все события в следующем порядке: 1) события местные персидские, 2) события бакинские, 3) красноводско-туркестанская ситуация, 4) вторжение турок в Тавризский район, 5) положение в районе Урмийского озера, 6) события джангалийские и 7) вербовка охотников и партизанов.

1. Персидские события. С военной точки зрения в этой части Персии все обстоит удовлетворительно; нужные мне войска для обеспечения нашей безопасности находятся уже в пути, и я полагаю, что в недалеком будущем я смогу располагать количеством войск, достаточным для успешного регулирования всех вышеприведенных событий, которые в настоящий момент развиваются вполне благоприятно для нас.

Плохое моральное состояние турецких войск и разногласия между турками и немцами на Кавказе дают нам большое преимущество. Одной дивизии, не считая войск связи, здесь будет вполне достаточно.

Что касается плохого морального состояния турецкой армии, то для иллюстрации я приведу вам следующий случай. У турок в Тавризе есть, приблизительно, тысячи две штыков. На дороге между Казвином и Мианэ расположена наша небольшая часть, состоящая из 60-ти офицеров и солдат частей N. C. O. Небольшой передовой отряд этой части, в составе нескольких [160-161] офицеров и одного бронированного автомобиля, под командой капитана Осборна, недавно продвинулся на расстояние нескольких миль пути от Тавриза к Шаблийскому перевалу. Возможно, что туркам неизвестно о моей крайней слабости, но они, безусловно, должны знать, что мы не слишком сильны; и, тем не менее, этот маленький отряд не был потревожен ими и, к тому же, к нам очень часто перебегают дезертиры из их армии.

В сжатом донесении трудно дать обзор всей политической ситуации. Из попадающей к нам в руки переписки выясняется, что очень многие из местных чиновников - ярые туркофилы; население страны, конечно, не является таковым. Большая агитационная работа в этом направлении ведется турецкой миссией в Тегеране и персидское правительство не проявляет ни малейших признаков сопротивления или недовольства против турецкого вторжения.

Я не веду большой пропаганды и изредка только поддаюсь искушению выпустить того или иного рода, опровергающие печатные листочки и оповещения, которые иногда бывают полезны. Наша истинная пропаганда заключается, прежде всего, в нашем пребывании здесь, во внушительном виде и безукоризненном поведении наших офицеров и солдат и в хорошей монете, которой мы щедро расплачиваемся за наши нужды. Городское население ведет себя хорошо: все они начинают с самой яростной антибританской пропаганды и кончают вскоре самым активным сотрудничеством с нами в деле установления законности и порядка. Разберем каждый из городов по порядку:

Энзели все еще управляется Бакинской Красной армией, которая считает наше присутствие там нежелательным, но я думаю, что они уже начинают свыкаться с этим обстоятельством, вследствие чего я начинаю постепенно увеличивать там свои силы, стремясь в ближайшем будущем сделаться господином положения и перестать считаться с революционерами.

Решт, который еще несколько недель тому назад находился в руках джангалийцев, большой город, с гостиницами и кинематографами, населенный разноплеменным сборищем персов, греков и армян. Население определено на нашей стороне, но пока что я не успел еще уяснить себе их настоящее настроение. Капитан Коккерель, мой начальник военной полиции, последнее слово [161-162] полицейской техники, успешно дрессирует самых отъявленных заговорщиков, либо сажает их без промаха под замок. Когда я сумею перевести его в Решт, то город скоро сделается неузнаваемым. В Казвине антибританская пропаганда уже прекратилась. Религиозные фанатики распивают со мной чай, видные демократы, турецкие эмиссары и прочая нечисть либо сидят в тюрьме, либо спаслись бегством. Благодаря безукоризненной системе нашей контрразведки, руководимой капитаном Саундерсом, я имею возможность составить список всех жителей Казвина с точным указанием степени их виновности.

Хамадан, после ареста губернатора и ареста самого главного из всех местных бунтовщиков - Фериды-Уд-Доуле, окончательно угомонился и не забыл отблагодарить нас за помощь голодающим, которая в ранний период моего пребывания в этом городе, когда здесь еще у меня не было войск, принесла нам гораздо больше пользы, чем любое количество пулеметов. Биджар, Мианэ и Зинджан спокойны.

«Несмотря на все это, я не позволяю убаюкивать себя кажущейся безопасностью и готов всегда дать должный отпор всяким враждебным выступлениям в этих городах. Принимая во внимание неустанную деятельность противника вокруг районов нашего расположения и слабость наших маленьких, изолированно оперирующих отрядов в отдаленных пунктах, - нужно признать, что мы здорово рискуем, хотя до сего времени каким-то чудом удалось избежать каких бы то ни было нежелательных инцидентов. Зинджан пользуется репутацией города фанатиков, туркофилов и англофобов. При вступлении в этот город моего отряда, двое из наших сподручных из местного населения были убиты на улице за то, что они служили англичанам; несмотря на это, силы находящегося там ныне нашего отряда не превы-

шают и двадцати человек офицеров и солдат. Но мы становимся сильнее с каждым днем и этим уменьшаем риск нашего здесь пребывания.

Столица совсем не похожа на остальную Персию. Она все еще соблюдает строгий «нейтралитет» и первое, что нам бросается в глаза при въезде в город, это - флаги германского и турецкого консульств. Один австрийский офицер, к которому я почти вплотную подъехал верхом, дабы хорошенько рассмотреть [162-163] его, поразил меня, сняв свою шляпу и поклонившись мне. Парламент сейчас не заседает, кабинет же ни к чему не пригоден и занимается лишь тем, что вставляет нам палки в колеса. Я только что вернулся из Тегерана, где пробыл три дня, у нашего полномочного министра. Кризис кабинета уже начался, но ничего серьезного пока еще не предвидится. Тегеран является центром всей враждебной пропаганды, так как в нем пребывают не только представительства всех наших врагов, но также и все те беглые бунтовщики, которые, избежав моего правосудия в провинции, нашли себе приют в столице.

Что касается общей военной ситуации, то можно сказать, что время для больших и смелых операций вполне пришло. С армянами, пока что, не совсем еще покончено, и они все продолжают стойко держаться в отдельных, изолированных районах, как, например, в Александрополе и Урмии. Турки устали от войны, устали от немцев и у них нет денег. Немцы же постоянно ссорятся с турками, и доставка войск у них встречает больше затруднений, нежели у нас. Турки стремятся захватить Баку, тогда как немцы не хотят позволить им этого.

2. Бакинские события. В Баку все еще держится Советская власть - новое название большевиков. Эта власть находится в постоянном контакте с московским Ц. К., но авторитет ее падает здесь с каждым днем. Возможно, что социал-революционеры (сокращено С.-Р.) скоро вышибут большевиков из Баку. Но ввиду того, что в смысле снабжения продовольствием и военными материалами Баку зависит от Астрахани, то С.-Р., прежде чем свергнуть Советскую власть в Баку, постараются раньше предпринять подобные же действия в Астрахани. Несколько дней тому назад я имел беседу с тов. Челябиным в Энзели и привожу здесь краткий пересказ нашей беседы, из которого будет видно, как твердо Советская власть придерживается своих позиций.

Я неоднократно вел переговоры с представителями партии С.-Р., программа которых гораздо больше соответствует нашим целям и по своему существу она созидательна, тогда как программа Советской власти чисто разрушительная. Они хотят нашей помощи, особенно финансовой. Я поддерживаю [163-164] дружественные отношения с С.-Р. и они знают, что смогут во многом рассчитывать на нас, если захватят власть в свои руки.

Бичерахов отправился в Аляты еще в начале месяца, взяв с собой пять моих офицеров и четыре броневика. Я поехал повидать его в Энзели, где мы пришли к полному соглашению относительно планов наших дальнейших совместных действий, на которые я возлагаю большие надежды и о которых я здесь умолчу. Он вызвал большое изумление и ужас среди местных русских, присоединившись к большевикам, но я уверен, что он поступил совершенно правильно: это был единственный путь на Кавказ, а раз он только там утвердится, то дело будет в шляпе.

Никто кроме меня одного, - ни русские, ни англичане, - не верят ему, но я верю ему искренно. Во всяком случае, я должен заставить себя верить ему, так как он в данный момент является нашей единственной надеждой. Он весь за Россию, и все выработанные, им планы сводятся к соблюдению российских интересов в общем масштабе и интересов Северного Кавказа в частности, но все они совершенно совпадают с нашими интересами.

Со времени его отъезда, я не имею о нем никаких известий, что меня несколько беспокоит. Все его планы могут и не удасться: риск их очень велик, а настроение его людей не слишком твердо. Здешние русские полагают, что его люди разбегутся, как только подойдут поближе к своим местам; я не разделяю этого мнения, хотя думаю, что некоторые из них, может быть, и дезертируют.

3. Красноводская ситуация, по моему мнению, еще не сложилась окончательно. Я посылаю туда небольшой отряд офицеров и солдат, чтобы посмотреть, как там их примут. Если там можно будет спасти хлопок от немцев, это будет уже большим успехом; сейчас его отправляют по Волге через Астрахань для нужд немцев же. Понять, что сейчас делается в Туркестане, довольно трудно и сведения, получаемые нами оттуда, очень противоречивы и неточны. Надо полагать, что население Туркестана склонно оставаться в стороне от политики и готово принять иностранную помощь в любой форме, лишь бы был восстановлен порядок. Следующим важнейшим [164-165] вопросом, после хлопка, встает вопрос о большом числе, вероятно, о тридцати тысячах германских и австрийских пленных, отпущенных на свободу в Туркестане. Если мое первое посольство будет хорошо принято, то возможно будет оказать там немцам серьезное сопротивление и помешать их операциям против Афганистана на тот случай, если Баку окажется в их руках.

4. Положение в Тавризе. Турки утвердились в Тавризе и располагают там силой примерно в тысячи две штыков. Не думаю, чтобы они сумели значительно увеличить здесь свои силы, не изменяя при этом своих кавказских планов. Не думаю также, чтобы турки решились двинуться глубже в Персию че-

рез Зинджан и Казвин, а если бы даже и так, то вскоре я буду располагать достаточным количеством войск, чтобы удержать за собой этот фронт. Необходимо иметь в виду, что туркам удастся, пожалуй, нанести поражение моим силам на этих направлениях и удовлетвориться затем оккупацией северного угла Азербайджана с Ардебилем и портом Астарой на Каспийском море. Здесь они соединятся с бандами джангалийцев и в силу незначительности своих войск, должны будут предоставить джангалийцам, во-первых, военные материалы и продовольствие, во-вторых, порт на Каспийском море и, в-третьих, поручить им, отрезать южно-каспийский район от английских операций. У них нет инициативы, иначе они давно могли бы вытеснить мои войска из Мианэ, а вместо этого они еще совсем недавно дали возможность моему маленькому отряду занять Шаблийский перевал. Благодаря вероломству персидских казаков, которые должны были поддержать один из моих отрядов, наш бронированный автомобиль едва не попал в руки турок и тот факт, что они упустили такой благоприятный случай, показывает, как мало они стоят.

5. Положение в районе Урмийского озера. Это положение самое интересное и наиболее обещающее из всех. Все эти события имеют между собой внутреннюю связь, а потому наш успех в урмийском направлении обещает уход турок из Тавриза и установление связи с армянами в районе Александрополя, что дает нам возможность воспрепятствовать дви [165-166] жению турок на Кавказе и тем самым дать благоприятное направление развитию бакинских событий.

9-го июля вылетел наш аэроплан в Мианэ, где нами заранее была приготовлена площадка для спуска и небольшой запас бензина. 10-го числа он полетел в Урмию, вернулся в Мианэ, набрал бензину и благополучно возвратился в Казвин. Летчик, лейтенант Пеннингтон, отвез от меня послание к Ага Петросу, руководителю айсорского движения. Прилетев туда, он был встречен там грандиозными овациями, население целовало ему руки и ноги. Город со всех сторон окружен турками, и они четыре месяца не имеют никаких известий извне. Они были уверены, что в Персии наших войск нет, а равно были убеждены, что мы взяли Моссул. Ввиду этого они готовились уже пробиться к Моссулу. При наличии всего 80.000 населения и при 10.000 войск результатом такого решения явилась бы ужаснейшая резня христиан и бесполезная сдача Урмии туркам.

«Все это Пеннингтон сумел предупредить вовремя. Мы снабжаем их военными припасами и условились встретиться с ними у Саин-Калэ 22-го июля при условии, если им удастся пробиться сквозь турецкие линии у Соудж-Булака, где у турок сравнительно меньше сил. Вся турецкая дивизия целиком расположена в юго-западном районе озера, но ее силы невелики и вся она разбросана, что позволяет надеяться на успешность наших операций. Если нами будет здесь достигнут успех, и я сумею двинуть туда войска, то нами окажется занятой вся линия от Хамадана до Урмии. Отрезав Тавриз, мы сможем сделать себе большой запас хлеба, богатый урожай которого сейчас снимается турками.

6. Джангалийские события. Джангалийская прыть была в последний раз осажена 12-го июня, когда Бичерахов разбил их вдребезги в сражении у Менджильского моста с помощью своих казаков и эскадрона нашего 14-го Гусарского полка.

Особенно, нам полезны аэропланы, так как оперировать в густых лесах без их помощи было бы весьма затруднительно и потери могли бы быть значительны.

7. Вербовка охотников и партизанов. У нас сейчас есть три группы охотников-добровольцев в Хамадане и [166-167] Казвине, всего численностью в 800 человек. Они уже доказали свою пригодность в деле охраны дорог, конвоирования грузов и пассажиров. Они ценны, как прием политического характера, и, безусловно, полезны нам для несения упомянутых служб, но я никоим образом не собираюсь пустить их в дело при операциях против турок.

Партизанские отряды все время были формируемы Вагстафом из шахсеванов и Старнесом из биджарских курдов. Я не хочу культивировать в них одно только корыстолюбие, но стремлюсь, прежде всего, использовать их ненависть к туркам и подготовить их сражаться за свои собственные земли. Они будут собираемы периодически для производства внезапных набегов. И шахсеваны и курды должны быть хорошими воинами при этих условиях.

Турки ведут ту же политику, и я поручил моим офицерам парализовать, прежде всего, их попытки в этом направлении.

В ранний период войны немцы бывали, обмануты своими партизанами, которым они платили большие деньги, за что добровольцы ничего не делали и разбежались при первой опасности. Это научило меня придерживаться системы платы за произведенную уже работу, что доказало свою практичность. Ни охотников, ни партизанов мы не вооружали, что лишало их побудительных причин к дезертирству.

В заключение я повторяю еще раз то, что мною уже было сказано, в начале настоящего донесения, а именно: что залогом нашего успеха было поведение наших войск. Поведение наших людей производит на персов самое благоприятное впечатление, и они начинают понимать, что английский солдат это - совсем особая штука, не похожая ни на одного из виденных ими доселе солдат. Из перехваченного письма

Кучук-хана я узнал, что он жалуется на то, что ему никак не удастся восстановить население против нас, так как мы не делаем ничего такого, что могло бы вызвать недовольство населения.

Ниже я приведу обещанный пересказ моей беседы с Челябиным 28 июня в Энзели.

Челябин, это - то же самое лицо, которое председательствовало на заседаниях энзелийского комитета еще в феврале месяце, когда объединенный комитет джангалийцев и больше [167-168]виков воспрепятствовал отправке в Баку первого отряда генерала Денстервиля. Некоторые из членов комитета были весьма интересными людьми, но Челябин - тип довольно неприятный. Как все крестьяне, он очень ловок и недоверчив: абсолютная правдивость моих заявлений только усиливала его убеждение в моем вероломстве.

Он подозревает Великобританию в намерении воспользоваться временным затруднительным положением России для того, чтобы овладеть северной Персией. Он не верил мне, когда я растолковывал ему, что мы намерены всего лишь временно оккупировать эту страну, для того, чтобы, во-первых, обеспечить свой правый фланг мессопотамской армии и, во-вторых, открыть путь из Багдада на Баку для оказания помощи на Кавказе

Я склонен даже думать, что Челябин - честный патриот, но я полагаю, что его соратники - революционеры-подозревают его в том, что он устроился на теплом местечке.

Подобно всем русским он видит только практическую подкладку всех действий Англии и относится с большой подозрительностью к каждому англичанину, т. е. совершенно извращает английскую натуру. Мое чистосердечное признание, что мы не принимаем никакого участия в революционном движении и явились сюда исключительно для того, чтобы не дать возможности прийти сюда немцам и туркам, заставило его улыбаться в течение всей нашей беседы. Он искренно думает, что мы пришли сюда для того, чтобы захватить навсегда бакинские нефтяные промысла, выговорить себе концессии на прочие минеральные богатства Кавказа и снова возвести на престол царя. Его единственным умным (хотя, должно быть, не его собственным) советом было следующее: Хотите ли вы признать большевиков или не хотите, вы делаете, однако, большую ошибку, не признавая их. Немцы сразу же поступили очень умно, признав сначала большевиков, а затем, напав на них; вы же отказываетесь признавать их и в то же время предлагаете им свою помощь.

Единственной переменной его взглядов со времени нашего последнего с ним свидания было то, что раньше он говорил так: «У нас нет разногласий с немцами, после того, как с [168-169] ними заключен мир, мы их жалуем больше, чем вас». Теперь же он заявил: «Немцы обманули наше доверие, и мы будем теперь драться с ними до последней капли крови». О джангалийцах прежде он говорил следующее: «Джангалийцы хорошие, честные патриоты, сражающиеся, подобно нам, против преступной монархии, за свободу и права человека». Теперь же он объявил, что: «джангалийцы просто-напросто разбойники с большой дороги», и что «их надо всех истребить».

Термин «Советская власть» это новое название большевиков. Советская власть означает власть Советов.

Социалисты-революционеры (эс-эры) это все усиливающаяся партия, которая вскоре, должно быть, свергнет власть Советов. Во всяком случае, они намереваются это сделать. Я спросил об этом мнение Челябинца, и он мне ответил следующее: «Это совершенно бессмысленно: они работают у нас в комитетах и занимают известное число постов в качестве, ответственных работников». Это звучало прекрасно, но бакинские эс-эры заявили мне, что они отказались занимать какие бы то ни было ответственные должности, и вообще работать с Советской властью.

Челябин хотел бы, чтобы англичане помогли Баку оружием и автомобилями в обмен на масла и бензин. О помощи войсками или военными инструкторами он не хотел даже и слушать.

Его главным аргументом против ввода британских войск в Баку было то, что, якобы, в этом случае, немцы на севере России сейчас же отплатят за это занятием Петрограда и Москвы.

В заключение он сказал: «Нет надобности, продолжать наш разговор, так как мы никогда не столкуемся. Совершенно лишне для меня, для того, который знает, что значит свобода, говорить с тем, кто чтит свое престолоотечество».

Для того, чтобы показать, какого, рода антибританская пропаганда имела в это время место в Баку, я привожу нижеследующую интересную выдержку из одной бакинской газеты от 16 июня 1918 года: [169-170]

«АНГЛИЧАНЕ В ПЕРСИИ».

«Когда вопрос об оккупации северо-западной Персии был решен английскими империалистами в положительном смысле, вся страна, весь персидский народ, обычно пассивный и спокойный, преисполнился негодованием.

Отчаянные крики о помощи, ужас и ненависть, охватившие весь персидский народ, должны были обратить на себя внимание русских рабов английского капитала, но они остаются бесчувственными, когда им это выгодно.

Полудикое, изголодавшееся, беспомощное население образовывало отряды и набрасывалось на каждый автомобиль, на каждую повозку, ища англичан.

Было несколько случаев убийства.

Восставшее население задерживает все автомобили, если только у пассажиров обнаружено серебро в большом количестве, так как сейчас единственным источником серебра в Персии является английский банк, покупательные и подкупательные способности которого отлично известны всем персам.

Вожди персидской демократии напрасно пытаются направить поток народного гнева, по руслу бесполезных протестов.

Когда английская миссия, возглавляемая генералом Денстервилем, прибыла в Энзели с намерением проехать дальше в Тифлис, с целью взять за горло Закавказское правительство, то комитет персидской социал-демократической партии приставил караул к русскому военно-революционному комитету и снял его только тогда, когда было решено, что генералу Деистервилю не позволено, будет ехать в Тифлис, а будет предложено обратиться обратно в Месопотамию. Ибо персы отлично знают, что колесо английского Форда гораздо более разрушительно, чем копыто лошади гунна.

Между Хамаданом и Казвином, у Аб-и-Гарм'а, персы убили десять человек русских, ехавших на грузовике и на Форде, заподозрив в них англичан.

Недовольство джангалийцев русскими объясняется исключительно тем обстоятельством, что джангалийцы не могут убедить русских не служить слепым орудием английского империализма. Даже после поражения, нанесенного Бичераховым Ку [170-171] чук-хану, последний продолжал производить нападения на английские отряды с их бронированными автомобилями. В одной из таких стычек англичане потеряли несколько человек убитыми и ранеными.

Прибывшие из Энзели сообщают, что Кучук-хан снова собрал свои силы с целью возобновить, с новой энергией, свои операции против англичан.

Как известно, англичане бесстыдно и жестоко эксплуатируют туземцев в своих колониях и оккупированных областях, обращаясь с ними, как со скотом. Наши солдаты (из отряда Бичерахова), которые были с англичанами в Месопотамии, отлично поняли английскую тактику: таскать каштаны из огня чужими руками. Если англичанин насыдет на тебя, то ты превращаешься в индуса. Таков способ их действий.

Но лишь только пришло известие о заключении русско-германского перемирия, и русские солдаты потребовали возвращения домой, как отношение к ним сразу переменялось и англичане стали чинить им всяческие препятствия.

Больные и раненые, вернувшиеся из Багдада, сообщают, что это оскорбительное отношение к ним со стороны англичан сделалось невыносимым и обращение с ними докторов перешло всякие границы безобразия.

Один из героев Р. Киплинга жалуется, что с того времени, как Индия получила самоуправление, индусы перестали произносить слово „саиб" с должным почтением. Генерал Денстервиль, полковник Роландсон и Клеттербек являются специалистами по дрессировке живой силы, доставляемой русскими контрреволюционерами. Уже вырисовывается фигура индусского «наукара», прикладывающего руку ко лбу и искренно повторяющего: «салам».

Упоминание о русских контрреволюционерах относилось, конечно, к моим русским офицерам. Описание отношения людей Бичерахова к англичанам в Месопотамии, где они сражались вместе с ними, совершенно не соответствует действительности и приводится здесь только в целях пропаганды. Русские солдаты всегда были искренно к нам расположены. [171-172]

Мы сообщаемся с Баку

14 ИЮЛЯ я выехал вместе с капитаном Брейем на автомобиле и прибыл в штаб нашей 14-й дивизии в Мирджана - 400 миль от Казвина - вечером 17 числа. На следующий день мы вылетели в Багдад на аэроплане, куда прибыли 18 июля с восходом солнца.

Во время пути очень приятно было видеть работы, производимые по ремонту шоссе, которые значительно улучшили состояние пути. За работы принялись серьезно, и теперь уже весь участок дороги от Керманшаха до Ханикена ничуть не походил на тот тернистый, заваленный снегом с лужами воды и жидкой грязи путь, по которому мы проталкивали наши машины в феврале месяце.

В штабе армии, в Багдаде, я оставался всего 48 часов, а затем на аэроплане же мы долетели до Квар-и-Ширипа - 106 миль от Багдада, куда мы прилетели 20 июля и дальше 106 миль автомобилем до Керманшаха, куда мы прибыли вечером того же дня. 22-го июля я произвел смотр командам охотников майора Макарти близ Хамадана и остался очень доволен достигнутыми результатами. Люди были выстроены в одну шеренгу, имея всадников на правом фланге точно так же, как и на смотре регулярной армии. В продолжение всего смотра люди держались отлично и производили самое благоприятное впечатление.

23 июля, после многократных остановок в пути по причине лопавшихся шин и неисправностей в моторах, мы добрались до Казвина. Мы были в отсутствии всего девять дней, за время которых произошло немало событий. Моя поездка в Багдад, вызванная настоятельной необходимостью, была произведена как раз во время, так как было ясно, что мы находились уже накануне наших Бакинских операций. [172-173]

В Багдаде я имел много пререканий по множеству мелких, но очень существенных, а равно больших вопросов, как, например, Урмийская проблема и вопрос о снабжении бензином. Мое начальство ужаснулось моему предложению обменивать автомобили на бензин, но бензин нам был необходим, как воздух, а Бакинские власти не дали бы нам его ни на каких других условиях, между тем, как они предлагали его за очень сходную цену. Месопотамская армия нуждалась в каждом автомобиле, который она только могла получить, но то небольшое количество машин, которое я требовал, составило бы незначительную долю общего числа автомобилей армии, а потому мое требование получило полное удовлетворение.

Наконец, я получил сведения об операциях Бичерахова. К моему большому сожалению, успехи, достигнутые им, оказались малозначительными. Высадившись в Алятах 5 июля, он немедленно двинулся дальше для того, чтобы принять командование над Бакинской Красной армией, оперирующей по обе стороны железнодорожного пути, близ Евлахского моста через реку Куру. Его войскам был дан приказ двинуться в подкрепление Красной армии, которая действовала малоуспешно и отходила под напором турецких сил. Все надежды удержать за собой мост, благодаря малодушию бакинских отрядов, оказались напрасными, и турки захватили сами все важнейшие пункты без особых усилий.

Кавказско-исламская армия могла бы быть еще разбита на поле сражения, но Бичерахов, к своему негоднованию, скоро убедился, что надеяться на красные войска совершенно немыслимо, так как они неоднократно оставляли поле битвы без единого выстрела; таким образом ему пришлось вести дальнейшие операции, рассчитывая исключительно только на своих собственных казаков. При таких условиях ничего не оставалось делать, как отступить к Баку, уступая с боем каждую пядь земли с целью задержать наступление противника и тем дать возможность бакинцам подготовить оборонительные позиции на подступах к городу; но и эта мера предосторожности так и осталась невыполненной. Как пример поведения красных войск, я приведу один эпизод, который имел своим последствием потерю нашего бронированного автомобиля.

Бичерахов приказал одному эскадрону своих казаков, при [173-174] поддержке английского бронированного автомобиля, произвести разведку. Отряд перешел через мост, охраняемый сильным патрулем Красной армии. Командир разведочного отряда указал начальнику охраны моста на всю важность его позиции ввиду того, что мост, перекинутый через непроходимое ущелье, является единственным путем отступления. Разведочный отряд выполнил возложенное на него поручение и стал возвращаться. Подъехав к мосту, они обнаружили, что мост находится в руках турок. Казачья кавалерия вступила в жаркую схватку с неприятелем за обладание мостом, прикрывая отступление броневика, но безуспешно: казаки понесли большие потери, и автомобиль попал в руки турок. Трудно удержаться от улыбки при мысли, что действующие войска покинули свои позиции для того, чтобы присутствовать на политическом собрании, но этот комический эпизод имел трагические последствия, и в данном случае поведение красноармейцев повело к гибели многих храбрецов и к потере бронированного автомобиля.

Это был первый случай пренебрежения своим долгом, имевший место в истории этой кампании, но он был далеко не последний. Мы вскоре убедились, что подобное поведение было общим правилом, а отнюдь не исключением.

Результатом такого поведения красноармейцев явилась все растущая вражда между ними и казаками, что вынудило Бичерахова порвать все связи с этими негодными войсками. Весь июль он пытался, было остановить турецкое наступление, но все его старания, вследствие отсутствия поддержки со стороны красных, оказались тщетными.

В последних числах июля Красная армия и бичераховские отряды оказались оттиснутыми к Баку и Кавказско-исламская армия, можно сказать, уже владела городом, заняв все доминирующие над ним высоты на расстоянии 3.000 ярдов от порта, не встречая при этом никакого сопротивления.

Но в этот момент свершилось одно из тех чудес, которые, казалось, неоднократно вмешивались, дабы отдалить момент падения Баку. По причине, не выясненной и до сего времени, турки, в час своей победы, вдруг, охваченные какой-то непонятной паникой, обратились в бегство. Говорили, что их бегство явилось последствием слухов о том, что тылу их армии [174-175] якобы угрожают большие силы чьей-то кавалерии; но что бы там, в действительности ни было, результат был тот, что вся армия повернулась и бежала, преследуемая армянскими частями, которые, вернувшись затем в Баку, гордо (но совершенно неосновательно) уверяли, что они спасли город.

В то время как развивались эти события, Бичерахов понял, что вожди Красной армии пытаются поставить его в такое положение, при котором отступление сделалось бы невыносимым и, в то же время, в минуту опасности, они не собираются оказывать ему помощи. Они пришли к заключению, что его увлечение большевизмом только временное, давшее ему возможность попасть на Кавказ (это было совершенно правильное умозаключение), и что он готов каждую минуту обратиться против них же самих.

Ввиду этого, они решили предупредить подобный маневр путем выдачи его туркам.

Когда Бичерахову сделалось известно об этом решении, он отделился совершенно от красных войск и отступил к северу, заняв позицию между станцией Баладжары и берегом моря. Опираясь на эту удобную позицию, он снова мог принять участие в сражении, ударив в нужный момент в левый фланг туркам, в случае, если город не будет сдан, а если бы город пал, то ему представлялся очень удобный путь к отступлению по железнодорожной линии на Дербент, где продовольствие было бы ему обеспечено. Последние несколько дней ему пришлось очень туго, в виду отказа Бакинского совета снабжать его снаряжением и продовольствием; к тому же продвижение турок к линии железной дороги с правого фланга его расположения привело его к решению окончательно порвать с Баку и начать отступление к Дербенту. В Баку сочли, его действия коварными, а его самого называли предателем; но мы сами только позднее убедились в том, какого рода была эта публика, и принуждены были уйти из Баку, дабы спасти свои войска от бесполезного принесения их в жертву.

Тем временем выяснилось, что движение Бичерахова по этому пути было роковой ошибкой. Во время войны полководец должен быстро принимать решения и немедленно же следовать им. То или иное принятое решение, при наличии известных данных, [175-176] может быть вполне правильным, но по мере того, как операция развивается, какое нибудь непредвиденное ранее обстоятельство способно изменить весь план.

Бичерахов имел все основания предполагать, что город уже занят турками, а так как в этом случае он неминуемо должен был отступить, то он так, и сделал, исходя из своего предположения. Но как я уже пояснил выше, город не был еще захвачен турками и «партизанский» отряд расположился к северу от Баку и, имея мы возможность присоединиться к нему хотя бы несколькими днями раньше, Баку никогда бы не пал. Что нам особенно было необходимо и чего нам не удалось добиться, это—создания отряда из настоящих регулярных войск, которые должны были бы служить примером подражания для местных добровольцев и помогали бы нам поддерживать дисциплину среди них на полях сражений.

Другая роковая ошибка, допущенная в то время бакинскими войсками, была та, что военные операции были вверены таким людям, которые не имели о них никакого понятия. Отсутствие продуманного плана с их стороны и недостаток единодушия в войсках лишали защитников Баку возможности воспользоваться плодами своей чудесной победы над турками. Доблестные войска, вернувшись в город, расположились на отдых в ресторанах, повествуя о своих подвигах своим возлюбленным; ценность их бахвальства была бы несколько выше, если бы они вместо возвращения в город продолжали бы преследование турок еще на несколько ярдов дальше, сбили бы их с Бакинских высот и окопались на них. Предпочитая, однако, вернуться в город и почить на лаврах, они оставили турок на занимаемых ими позициях и сделали, таким образом, дальнейшую защиту Баку абсолютно невозможной. Турки не занимали свои позиции до конечного исхода операции и с такими войсками, которые не умели даже идти в ногу и не повиновались приказаниям, невыносимо было даже делать попытки захватить эти позиции.

Описывая действия Бичерахова в дни бакинских операций, я забежал несколько вперед, но когда я подойду к повествованию о наших бакинских подвигах, то знакомство со всеми этими предшествовавшими событиями будет очень полезно. [176-177]

Для читателя будет к тому же гораздо яснее, если я покончу со всеми похождениями Бичерахова здесь же, вместо того, чтобы разбивать рассказ о них на мелкие отрывки, придерживаясь их строгой хронологической последовательности.

Теперь вернемся в Казвин и проследим все действия наших войск до их отправки в Баку.

В середине июля первые эшелоны 39-ой бригады начали прибывать в Казвин. Из Месопотамии до Хамадана все мы двигались на грузовиках, а дальше частью шли пешком, частью ехали на автомобилях, в зависимости от того, можно ли было посылать машины в Энзели, или нет. Большая часть этой бригады добралась до Энзели только к концу августа. Все форды были в ужасном состоянии и в это время, когда каждый час был нам очень дорог, все портилось и ломалось и я никак не мог добиться того, чтобы тот или иной отряд войск прибыл по назначению в предполагаемый срок.

К этому времени джангалийцы решили произвести испытание доблести английских войск, которые, как их учили их немецкие инструктора, были панически трусливы. В одной или двух небольших стычках с джангалийцами мы дали им некоторое основание усомниться в правильности германской характеристики боевых способностей английского солдата, но все же, в целом, джангалийцы полагали, что англичанам нужно будет дать, по крайней мере, одно хорошее сражение, чтобы посмотреть, что из этого получится.

В схватках с такими нерегулярными частями, как джангалийцы, трудно бывает добиться и собрать их в одном каком-нибудь месте, а пока этого нет, с ними нелегко покончить и мелкие стычки продолжаются бесконечно. Вследствие этого мы должны были быть очень благодарны немецкому командующему фон Пахену, за то, что он догадался сконцентрировать свои войска у Решта и дать нам генеральное сражение, которое раз навсегда положило конец джангалийской проблеме, дало нам возможность заключить почетный мир с Кучук-ханом и освободить капитана Ноэля, который был у них в плену в продолжение четырех месяцев.

На рассвете 20 июля джангалийцы повели, как ожидалось, наступление на Решт, подступив к городу с запада и юго-за [177-178] пада. Неприятель, очевидно, решил добиться полного успеха, напав на английский отряд под начальством полковника Матьюса, расположенный на южной окраине города, вблизи здания русского консульства. Предпринимая эту операцию, джангалийцы руководились совершенно правильным стратегическим принципом, а именно: атаковать и разбить главные силы противника на открытом плацдарме. Этот прием, однако, совершенно, не соответствует тактике таких нерегулярных войск, как войска джангалийцев, и он явился, несомненно, измышлением их командующего фон Пахена. Весь город целиком был на их милости и, если бы они следовали обычной тактике стратегии, то им нужно было сначала занять город, что обеспечило бы им отличную позицию, откуда выбить их нам было бы чрезвычайно трудно.

Задуманная ими операция складывалась из двух приемов: в то время, как их лучшие части должны были разбить наголову наши силы (численность которых была 450 штыков Гентского полка и частей гурок при двух горных орудиях и двух бронированных автомобилях), другой их отряд долясен был ворваться в город и начать там грабеж. Силы, предназначавшиеся для занятия города, достигли легкого успеха, так как оборона города окружностью в семь миль, как я уже указывал выше, была превыше сил нашего маленького отряда; но неудача их главной операции - атаки на наш отряд за городом - и понесенные ими при этом тяжелые потери имели воздействие на части, ворвавшиеся в город, и заставили их оказать нам лишь очень слабое сопротивление, когда мы начали выгонять их оттуда.

В то время как шел бой между нашими войсками и отборными частями джангалийских сил на южной окраине города, сильный неприятельский отряд проник в самый центр города и начал осаду здания английского консульства, которое охранялось всего двадцатью людьми, о чем я уже упоминал. Я говорил также о том, что местонахождение нашего консульства было очень неудачным: оно было окружено со всех сторон плотным кольцом домов, из которых неприятельские стрелки очень удобно могли держать под огнем весь двор консульства и все подступы к нему; подкрепление же защитникам могло подойти единственно лишь по прилегающим узеньким и неудобным улицам. Обычный [178-179] путь от наших казарм к помещению консульства лежал к северу по энзелийскому шоссе, две с половиной мили, затем нужно было свернуть к западу, по объездной городской дороге, полторы мили, до Пир-Базара и отсюда уже повернуть к югу, к центру города; таким образом, нужно было проделать путь, равный почти трем четвертям всего периметра города.

Рано, утром полковник Матьюс был извещен о критическом положении охраны консульства и решил рискнуть послать им подкрепление по кратчайшему пути через узкие улицы города. К счастью, улочки были достаточно широки, для проезда броневика, при умелом управлении, и посланный на вы-

ручку отряд, в сопровождении броневика, после упорных схваток на улицах города подоспел к консульству как раз во время, чтобы спасти консула Мойра и его охрану.

Помощь явилась в том момент, когда противник зажег ворота, ведущие во двор дома, и еще немного и консульство пало бы под натиском осаждающих и все его обитатели, несомненно, были бы перерезаны. Это блестяще выполненное задание обязано было своим успехом капитану Мак Клеверти, который очень искусно руководил всей операцией.

Повторные атаки на наши главные силы были все успешно отбиты и джангалийцы, наконец, вынуждены были отступить ни с чем, убедившись предварительно, что английские войска совсем не оправдывают характеристики, данной им фон Пахеном. Кучук-хан бросил в эту операцию 2500 человек, из коих к концу боя они потеряли 100 человек убитыми и 50 взятыми в плен. Среди пленных оказалось несколько австрийцев: наши же потери не превышали 50 человек. Победа наших войск могла бы быть еще более действенной, если бы только возможно было преследование отступающих джангалийцев; но малая численность нашего отряда, конфигурация местности и присутствие джангалийских войск в городе не позволяли начать преследование. К заходу солнца перестрелка окончательно прекратилась, и с главным наступлением противника было покончено, хотя город все еще оставался в руках джангалийцев.

Операции последующих дней были посвящены изгнанию джангалийцев из города. Это было достигнуто, главным образом, с помощью аэропланов, которые, сбрасывая бомбы над пун [179-180] ктами, занимаемыми противником, сделали его пребывание в различных отелях и общественных зданиях невозможным.

К концу месяца Решт был окончательно очищен от всяких джангалийских частей и город был подчинен всецело нашему управлению. Вместо прежнего персидского губернатора, который удрал от своей неприятной должности, был назначен наш военный генерал-губернатор и была организована отличная контрразведка под руководством капитана полка ее Величества Серайта, который в своем искусстве не уступал майору Саундерсу.

Таким образом, мы обеспечили себе дорогу к морю, спустя пять месяцев после нашего неудачного путешествия в середине февраля. Керманшах, Хамадан, Казвин, Менджил и Решт были уже в наших руках, оставалось только овладеть Энзели.

Пикеты на дорогах в виде меры предосторожности еще были оставлены на своих местах, но боев уже больше не было и Мирза Кучук-хан, переменяв свой образ мыслей, стал искать, мира с нами.

По возвращении в Казвин нам предстояло еще немало важной работы, по успокоению этого беспокойного города, в ожидании получения сигнала из Баку. Майор Браун, 44-го индийского пехотного батальона, показал себя очень хорошим администратором Энзели, где ему была поручена очень трудная задача, справиться со всеми теми затруднениями, которые чинила нам в порту Красная армия. Работа требовала очень много тактичности и осторожности, так как для успешного ее выполнения нужно было избавиться на некоторое время от нежелательного присутствия там комитета. Для этой цели члены комитета были приглашены ко мне в Казвин для обсуждения, якобы, нескольких важных вопросов конфиденциального характера, имеющих отношение к нашей сделке по обмену автомобилей на бензин, а также и других связанных с этим дел.

Я был очень доволен, что мое приглашение было ими принято без всякого нажима с нашей стороны и товарищ Челябин, со своими спутниками, прибыл в мой штаб. Это было очень симпатичное трио, по сравнению с теми несговорчивыми типами, с которыми я имел дело прежде. У них было неприятное чувство, что их царствование в Энзели скоро должно будет за [180-181] кончиться и их предчувствия, действительно, вскоре вполне оправдались.

У меня в Казвине они пробыли всего два дня, каковой срок для майора Брауна был вполне достаточен для того, чтобы сделать там у себя все, что было нужно. Мои гости обедали со мной, и пили здоровье друг друга, пребывая в самом приятном расположении духа. Мы так часто виделись с ними, по всяким делам со времени наших неудачных февральских мытарств, что наши общие воспоминания рождали почти чувство дружбы между нами.

Чего мы добивались от них - это узнать, каковы были их действительные отношения к Кучук-хану. Мы знали, что во времена нашего первого визита в Энзели они были с ним в очень близких отношениях, но позднее они заявляли, что их дружба с Кучук-ханом была вынуждена стечением обстоятельств. Теперь же Челябин торжественно заявлял, что он порвал все свои старые связи с джангалийцами.

Арестовать весь состав комитета только за то, что они большевики, было бы дурным приемом, потому что это восстановило бы против нас весь Баку. Ясно, что для революционера нет более злого врага, чем контрреволюционер, а так как мы уже были подозреваемы в контрреволюционности, то всякий поступок с нашей стороны, который можно было бы истолковать в контрреволюционном смысле, имел бы своим результатом наше полное моральное поражение в Баку. Для того чтобы быть любезными Баку, мы должны были придерживаться исключительно платформы невмешательства во внутренние де-

ла революционеров. Поэтому единственным безопасным основанием для атаки энзелийского комитета было обвинение их в сношениях с нашими открытыми врагами — джангалийцами.

При отъезде из Казвина тов. Челябин очень наивно выдал себя, отказавшись от охраны, говоря: «О, они не тронут нас, я уверен в этом. Я вывешу белый флаг на крыше автомобиля, и они беспрепятственно пропустят нас». После этих слов я окончательно убедился в том, что комитет находился в самых дружеских отношениях с джангалийцами. Теперь оставалось только раздобыть доказательства для того, чтобы иметь неопровержимое основание для их ареста, что и было нами [181-182] сделано несколькими днями позже, при обстоятельствах, описанных ниже.

Генерал Баратов все еще пребывал в Казвине, председательствуя в комитете по ликвидации русских долгов. Комитет заслуживал всяческой похвалы, так как он пытался урегулировать этот наболевший вопрос, не имея никаких фондов, а это было делом нелегким.

Генерал Баратов получил приглашение от английских властей посетить Индию. Приглашением этим генерал был весьма тронут и намеревался ехать в Багдад для того, чтобы воспользоваться оказанной любезностью. Его положение в Персии, положение генерала без армии, было поистине нелепым, а возвращаться на родину ему было немислимо, так как за его голову революционерами была назначена награда. Я успел очень полюбить генерала, и мне было бы очень больно лишиться его приятной компании. Он, безусловно, достоин был всяческих похвал за свою неутомимую настойчивость, с которой он обращался к английскому правительству, предъявляя ему довольно, правда, проблематичные требования от лица России. Я никогда не встречал еще такой «назойливой вдовы». Я часто говорил ему, что единственным темным пятном в нашей невозмутимой дружбе была его маленькая записная книжка, в которую он заносил все вопросы, подлежащие обсуждению со мной. Мое сердце буквально замирало в груди при появлении в руках генерала его книжки: тут уж, я знал, что мне предстоит обсуждение, по меньшей мере, шести различных проблем, по полчаса каждая. Генерал же полагал, что мое время и терпение были всегда к его услугам.

Я должен упомянуть здесь о соглашении, заключенном между нами и русским дорожно-строительным обществом о временной передаче нам всех материалов и эксплуатационных выгод Хамадано-Энзелийского и Тегерано-Казвинского шоссе. Дороги эти были построены частным русским обществом, которое работало на концессионных условиях. У полотна шоссе, через определенные промежутки, были поставлены сторожки, а через каждые 30 миль стояли заставы. Телефонная и телеграфная линии тянулись вдоль дороги на расстоянии 380 миль, в каждом домике у заставы имелись все нужные инструменты для ремонта и проверки линий. Пользование всем этим имуществом и права на [182-183] его эксплуатацию нам были чрезвычайно ценны, к тому же соглашение это, с финансовой точки зрения, не оставляло желать ничего лучшего. Сумма, уплачиваемая нами ежемесячно за пользование всеми шоссе и телефонно-телеграфными линиями, была меньше, чем стоимость одного только ремонта дорог, тогда как за платимую нами арендную плату общество само производило самый необходимый ремонт линий и давало нам право неограниченно распоряжаться всеми дорогами, зданиями, телефонными и телеграфными аппаратами. Общество же было довольно получить деньги для уплаты жалования своим служащим, но самой действительной его выгодой было именно то, что, передав нам все имущество, общество обеспечивало себя от «национализации» его большевиками, что означало бы разорение акционеров общества и всего штата высших служащих.

26 го июля, в самый разгар бакинско-кавказских боев, о которых я уже упоминал выше, когда Бичерахов был вынужден отступить к городу, в Баку разразился долгожданный переворот: большевистское правительство было свергнуто и заменено новой группой, называвшей себя центро-каспийской директорией. Шаумян и Петров, лидеры большевиков, бежали из города со своими единомышленниками в Астрахань, которая оставалась еще единственной цитаделью большевиков на берегах Каспия. Они захватили с собой также тринадцать судов, на которых была посажена большая часть Красной армии и погружен весь военный материал, находившийся в местных арсеналах, которые попали им в руки. Если бы только новое правительство позволило этим судам уйти, то дальнейшая защита Баку была бы немислимой, но к счастью, команда более мелких судов была на стороне директории и последняя, правда, не без колебаний, решила отдать приказ о возвращении захваченных большевиками судов. Канонерки пустились вдогонку за уходившими судами, и вся беглая флотилия была возвращена в порт и стала на якорь в ожидании результата обычных в таких случаях нескончаемых переговоров. Поимка этих судов была единственным примером за все наше пребывание в Баку, когда решительно отданное приказание было немедленно же приведено в исполнение. В тот момент, когда новое правительство сумело достигнуть такого большого успеха, оно, будучи [183-184] ошеломлено своей неожиданной удачей, чуть было не испортило все дело, ввязавшись в недельные препирательства с Шаумяном и Петровым, и только наше появление на сцене придало ему решимость довести до конца свою хорошо начатую работу.

Едва только новое правительство успело взять бразды правления в свои руки, как, согласно выработанному уже плану, послало к нам гонцов с просьбой о помощи. Хотя войск у меня под рукой все еще

не было, но я решил принять приглашение, отправил, пока что, полковника Стокса с небольшим отрядом Гентского полка для возвещения о нашем прибытии. Стокс прибыл в город в критический момент, 4-го августа, накануне предполагаемой турецкой атаки. Хотя горожане и были горько разочарованы при виде двух-трех офицеров и горсточки английских солдат, тогда как их необузданное воображение рисовало им картину бесчисленного множества кораблей, прибывающих в гавань и высаживающих на берег целые армии англичан, но все же вид бодрых и веселых солдат настолько воодушевил их, что когда на другой день турки перешли в наступление, каждый обыватель, схватив винтовку, бросился на передовые линии и в результате атаки турки были успешно отбиты. Подобный пример воодушевления обывателей города дал нам основание возлагать на них большие надежды в будущем, но, к сожалению, этот случай был всего только единичным исключением: все наши надежды, базировавшиеся на этом эпизоде, оказались обреченными на горькое разочарование.

Но вот, войска начали прибывать небольшими эшелонами и, по мере возможности, отправляться на грузовиках в Энзели. Для руководства бакинскими операциями я отправил туда полковника Г. Кейворта - королевской полевой артиллерии, с необходимым штабом.

4-го августа я перенес свою главную квартиру из Казвина в Энзели, выбрав своей резиденцией, как и прежде, помещение рыбных промыслов в Казияне. На пути в Энзели мы остановились на ночь, как обычно, в маленькой дорожной сторожке у Менджила, где мы встретили очень мрачное трио, следовавшее под конвоем из Энзели в Казвин. Это оказались никто иные, как товарищи Челябин, Лазарев и Бабух. Они просили разрешения видеть [184-185] меня, и я тотчас же пошел к ним и узнал, в чем дело. По их словам, все дело оказывалось лишь глупым недоразумением. Я заверил их, что если это действительно так, то, по наведении справок, они будут немедленно же освобождены с приличествующими данному случаю извинениями. Согласно объяснениям сопровождавшего их офицера, они обвинялись в сношениях с джангалийцами, на что имелись документальные данные их виновности в виде письма Бабуха к Кучук-хану, в котором он поздравлял последнего с его недавней попыткой разгрома английского отряда под Рештом и настаивал на необходимости возобновления подобной попытки, обещая оказать ему нужную помощь. Это письмо было передано мне по моем приезде в Казиаи и уничтожило окончательно все сомнения в их невинности.

Майор Браун, убедившись в подлинности этого письма, немедленно решил воспользоваться случаем избавиться от Энзелийского комитета, который сделался уже анахронизмом. Все три заговорщика были арестованы (по обвинению в сношении с нашими врагами) в час их послеобеденного отдыха. Как только арестованные привели в порядок туалет и собрали свой багаж, им были предложены места на Форде и они отправлены по Казвинской дороге.

По всей видимости, сожалели о них не слишком: их внезапное исчезновение не вызвало никаких событий в городе и даже их приспешники не проявили никакого интереса к их судьбе. Каждый, казалось, был рад избавиться от них и Казиян испустил вздох облегчения, который показывал, как часто добрые дела не находят себе благодарственного отклика. Казиянский порт это взятая русскими концессия, составляющая часть концессии по постройке путей сообщения, а рыбные промысла являются самостоятельной концессией. Все эти организации были накануне «национализации» их Челябиным и компанией и наш маневр спас их от этой горькой судьбы.

Первое, что нужно было сделать в Казияне, это озаботиться достаточным количеством перевозочных средств на случай эвакуации Баку. Для этой цели я наметил вместе с другими небольшими пароходами отличное большое судно, вместимостью более тысячи тонн со зловещим названием «Президент Крюгер», в то время, как Стокс в Баку получил два хороших судна «Курск» [185-186] и «Або». Эти пароходы были в нашем распоряжении до самого рокового дня, когда нам понадобились их услуги. Нет необходимости описывать все подробности нашего овладения этими судами; достаточно будет сказать, что мы никогда не получили бы их, если бы Центр-Каспийская директория заподозрила нас в намерении дать этим судам нежелательное для них применение. По правде говоря, правительство, время от времени, казалось, догадывалось, чем все это пахнет, и требовало от нас выдачи судов, но мы всегда успешно отставали их.

Я обращаю здесь особое внимание на приобретение нами этих судов, ввиду того, что этот вопрос был впоследствии источником неисчислимых недоразумений. Я читал, например, в газетах, в дни нашей эвакуации из Баку, что русские, смиловившись в последний момент, предоставили нам пароходы, но из последней главы этой книги будет видно, что все это обстояло как раз наоборот.

«Крюгер» был отличным судном самым быстроходным из всех судов Каспийского моря, за исключением канонерки; помещений на нем было вполне достаточно для того, чтобы вместить весь мой штаб, писарей и канцелярию и еще триста солдат; в случае надобности на нем можно было бы разместить 800 человек, используя всю верхнюю палубу. На судне мы установили походную радиостанцию с радиусом действия, достаточным для сношения с Баку и Энзели, где у русских были свои установки.

По очистке атмосферы высылкой мешавшего нам комитета, нашим следующим действием было овладеть портом. При всех наших удачных маневрах мне советовали применить военную силу, но, понимая, что такого рода тактика может оказаться роковой ошибкой, я добивался всего того, что нам нужно, путем мирных переговоров.

Ключей к каспийской проблеме была флотилия маленьких судов, экипаж которой действовал лояльно по отношению к нам и новому правительству. Но, с другой стороны, было очевидно, что «Коварный Альбион» находился у них под постоянным подозрением и любой агрессивный шаг с нашей стороны, подобный, например, аресту членов комитета по обвинению их в том, в чем нам посчастливилось их обвинить, или же захват [186-187] судов порта при помощи военной силы, был бы истолкован в смысле политики «бронированного кулака», каковую мы, за отсутствием войск, проводить не имели возможности, и тогда бы флот и бакинцы обратились бы против нас. Мало того: мы хотя и имели превосходный штат людей из экипажа королевского флота (около 160 человек), но мы никогда не, смогли бы управляться в порту, не будучи в добрых отношениях с местными властями и служащими. Так, например, для поддержания движения в порту была всего одна землечерпалка; будь служащий порта враждебно против нас настроен, что-нибудь бы непременно случилось с этой землечерпалкой, и порт оказался бы в бездействии.

Исходя из всего этого, я завязал с портовыми властями чисто деловые связи. Доходы порта свелись почти к нулю благодаря тому, что (за исключением, пока что, самого порта) все было «национализировано». Все пароходство на Каспийском море было «национализировано» и пароходы никому ничего не платили. Это обстоятельство поставило служащих порта в весьма затруднительное положение. Мы же выработали с ними приемлемые для нас условия, под руководством командора Норриса, в силу которых мы брали на себя уплату жалованья служащим и расходы по эксплуатации порта, но выговорили себе получение всех доходов.

Эти условия так и не были утверждены Центро-Каспийским правительством и все документы, имевшие отношение к этому договору, все продолжали путешествовать между ними и нами до самого дня падения Баку; но мы прекрасно понимали всю эту революционную процедуру и смотрели на эту ратификацию, как на дело не первостепенной важности. Мы объявили наши условия, вошедшими в силу со дня подписания их портовыми властями. Мы учредили должность коменданта порта. Через несколько дней Энзели стал походить, по своим задачам и целям, на настоящий английский порт и оставался таким все время.

Сказанного не нужно понимать в таком смысле, что английское правительство имело какое-нибудь намерение получить те или иные права владения в этой области, т. е. завладеть [187-188] портом или чем-нибудь другим; наш договор должен был иметь силу лишь на время военных действий.

Нельзя было предполагать, что в Баку нас встретят с распростертыми объятиями. Выдержка одной из бакинских газет является в достаточной степени показательной для характера той пропаганды, которая велась еще и в это время против нас:

«Известия Совета Рабочих, Красноармейских, Матросских и Крестьянских Депутатов Бакинского Района».

«Товарищи рабочие, матросы, красноармейцы и граждане Баку. Агенты английского империализма ведут контрреволюционную работу; они сеют разлад между вами, они пытаются восстановить матросов против рабочих, рабочих против революционного правительства.

Мы имеем сведения, что английские капиталисты заключили тесный союз с местными контрреволюционерами. Они хотят свергнуть нашу власть и заменить ее властью англичан и буржуазии.

Буржуазия и ее подлые приспешники сочувствуют англичанам. Рабочие и матросы стоят за русскую революцию.

Буржуазия и ее лакеи хотят отделения от России. Рабочие же и матросы желают единого союза Российской Социалистической Федеративной Республики.

Буржуазия, лакеи англичан, все предатели и презренные трусы и все контрреволюционеры хотят отделиться от России, в угоду Англии, для новой войны с Германией. Они против независимой России.

Долой английских империалистов!

Долой их наемников!

Долой буржуазную контрреволюцию!

Да здравствуют Народные Комиссариаты!

Да здравствует независимая Россия!

Да здравствует Российская социалистическая революция!

Что дадут вам англичане? Ничего.

Что они возьмут у вас? Все.

Долой английских капиталистов!

Все на фронт! К оружию! Все спасайте Баку!»

В эти дни в Казване мы были перегружены работой. Нужно было принимать прибывающие в порт мелкие эшелоны. [188-189] 39-ой бригады, грузить их на пароходы для отправки в Баку, заботиться о снабжении прибывающих войск провиантом, заботиться о предоставлении им помещений, вести переговоры с Кучук-ханом и налаживать работу порта под нашим руководством.

Среди прибывающих из Баку был доктор Араратианц, представитель бакинского армянского национального совета. Он сообщил мне о том разочаровании, которое испытали бакинцы при виде такого незначительного отряда англичан, посланных в ответ на их мольбы о помощи. Они ожидали гораздо более сильных отрядов, и доктор старался вынудить меня обещать ему, чтонибудь определенное и сообщить ему точнее, сколько войск ему будет прислано. Но никаких определенных обещаний я ему не дал. Но для того, чтобы не вводить его в заблуждение по этим важным вопросам, и для того, чтобы не дать ему возможности впоследствии говорить, что мы, мол, не выполнили своих обязательств, я изложил в письменной форме сущность нашего разговора и просил сообщить его бакинскому населению. Я написал ему следующее письмо:

Казван. 7-го августа 1918 г.

Глубокоуважаемый д-р Араратианц.

Для того чтобы у вас не оставалось никаких сомнений, я желал бы изложить письменно мои взгляды по вопросам, предложенным мне вами вчера вечером.

Ваши вопросы сводились к следующим трем предметам:

- 1) Обороне Баку.
- 2) Положению армян в Эривани.
- 3) Положению армян в Джульфе.

На ваш первый вопрос я отвечаю вам следующее:

Оборона Баку представляется мне делом выполнимым, захват же города неприятельскими силами, по моему, мало вероятен, при условии, конечно, если население Баку будет поддерживать нас всеми силами в нашем решении отразить врага. Недостаточно того, чтобы город только держался против неприятеля, но оборона может быть вполне успешной только тогда, когда защитники Баку сами перейдут в наступление и, выйдя из города, нанесут поражение противнику на полях сражения. Последнее особенно должно относиться к армянам, которые составляют большую часть защитников. Силы осажден [189-190] ных страдают от недостатка правильной организации, благодаря чему большая доля их доблести пропадает зря. Я вскоре буду располагать достаточным числом офицеров, чтобы исправить этот дефект.

Оборона Баку не может быть возложена исключительно на одни только английские войска, которые, как вы знаете, разбросаны по многочисленным фронтам и, в данном случае, при таком большом расстоянии от Багдада до Баку, где нет железной дороги, поддержка наших сил в Баку является делом довольно сложным.

Во всяком случае, могу вас уверить, что в Баку будут посланы все, кого только можно будет послать. Если с помощью английских войск ваши товарищи готовы будут взять на себя оборону города, то победа будет обеспечена. Если же ваши сограждане нерешительны и мало надежны, то было бы лучше для вас сказать мне сейчас же, что вы не намерены сражаться до конца, и я бы вам советовал в таком случае прийти к какому-нибудь соглашению с противником, дав мне срок вывести мои войска из Баку.

Что же касается второго вопроса, то остается только пожалеть, что отличный боевой материал, который можно было бы получить в Эривани, не в состоянии быть использован союзниками. Пока что я не имею возможности выразить никаких надежд на оказание помощи в этом направлении в ближайшем будущем.

То же относится и к третьей проблеме, хотя армяне в этом районе находятся несравненно ближе к сферам действий союзников.

Я излагаю все это возможно яснее, дабы в будущем меня не могли обвинить в том, что я, якобы, вводил людей в заблуждение и в результате оказался несостоятельным.

Так или иначе, но никаких сомнений в конечной победе союзников быть не может, что, в свою очередь, будет, несомненно, иметь своим последствием восстановление Армении; одно это положение может служить вам путеводной звездой во тьме вашего беспросветного отчаяния.

О всяком изменении в курсе нашей политики, могущем [190-191] так или иначе, отразиться на нашем образе действий в указанных районах, я немедленно же сообщу вам».

Так как события, описанные в этой главе, были очень многочисленны и многообразны, было бы полезно подвести итог всем нашим достижениям за этот месяц.

Мы начали с поездки в Багдад с целью подготовить все к предстоящим операциям и договориться обо всем со штабом армии. Было достаточно очевидно, что турки, узнав о наших бакинских планах, нанесут нам давно подготовленный удар по направлению от Тавриза, к чему нам необходимо было приготовиться.

Далее, мы коснулись хода бичераховских операций по линии Закавказских железных дорог, во время которых мы потеряли один из наших броневиков.

Затем мы подошли к прибытию 39-ой бригады из Багдада.

Решт был взят джангалийцами, затем снова занят нами, после чего начались мирные переговоры с Кучук-ханом.

Мы упоминали также о важном договоре, заключенном нами с русским дорожно-строительным обществом в Персии, благодаря которому мы получили все дороги, оставив на местах всех старых работников. Подобный же договор был заключен и с властями Казианского порта. Большевистское правительство было свергнуто в Баку и вместо него водворилось правительство Центр-Каспия, которое просило нашей помощи, и нами были посланы в Баку первые отряды наших войск. Мы арестовали и выслали энзелийский комитет большевиков и обеспечили себе достаточное количество водного транспорта на случай эвакуации Баку. Много поработали в этом месяце. [191-192]

Мы занимаем бакинский фронт

10 АВГУСТА штаб наших войск был перенесен на борт «Крюгера», на котором мы спустили революционный флаг, заменявший прежний правоверный русский.

Едва только успели мы это сделать, как к нам явилась делегация от местного комитета с требованием, как обычно, объяснений по поводу спуска нами красного флага, кстати, же желая справиться, не «контрреволюционеры» ли мы. Этот термин начинал уже действовать мне на нервы, и я ответил им, что мы, хотя и не контрреволюционеры, но, однако, и не революционеры, а потому красный флаг для нас совершенно неприемлем. После долгих пререканий, мы пришли к компромиссному решению поднять старый русский флаг, но с тем условием, чтобы он был повешен вверх ногами. С этим решением я согласился и с этого момента мы плавали по Каспийскому морю под сербским флагом: революционеры не подозревали, что перевернутый русский флаг ни что иное, как флаг сербский.

«Крюгер» оказался превосходным судном, и вскоре мы оказались в хороших отношениях с его командой. Кают-компания была достаточно просторной, чтобы вмещать нас всех за обедом, и еще оставались свободные места для официальных гостей. Единственным украшением столовой был большой, в натуральную величину, портрет Ума Пауля в своей неизбежной высокой шляпе. Многие из моих офицеров проделали Южно-Африканскую кампанию и имели обе медали в память войны 1899—1902 годов, и было забавно наблюдать их удивление, когда они, при входе в кают-компанию, встречались с замечательным портретом.

Вспышка молнии, выжигает ночной ландшафт на сетке глаза. Такой же молнией я освещу сейчас наше блуждание в темноте. [192-193]

Английский генерал на Каспийском море, на единственном море, не вспаханном еще английскими судами, на борту парохода, названного в честь южно-африканского президента-голландца, отплывающий из персидского порта, под сербским флагом для освобождения армян из под турецкого ига в революционном русском городе!

Пусть читатель сам разберется во всей этой абракадабре. Наш капитан был превосходным малым, хорошим моряком и храбрым человеком, да и его офицеры, казалось, были теплой компанией. Мы не сразу сумели разобраться в системе управления и командования на борту революционного судна. Согласно новым порядкам, все рейсы судна и все общие дела экипажа обсуждались судовым комитетом, неизменным членом которого был и сам капитан. В теории это было нелепо; на практике же мы убедились, что команда была вполне сговорчива и после того, как мы отделались от одного или двух нежелательных субъектов, у нас не возникало никаких недоразумений. Собственно говоря, они никогда не отказывались выполнять приказания, отданные им через капитана, хотя бывали случаи, что они распоряжались без его ведома. Все они имели несколько преувеличенное мнение о высокой ценности своих жизней и несколько раз во время нашей стоянки в Баку, когда судно начинали обстреливать, и меня случайно не оказывалось на борту, они спокойно выходили в море, спасаясь от обстрела, а затем снова возвращались в гавань.

Первым нежелательным субъектом, от которого нам нужно было избавиться, был один горчайший пьяница. Этот несчастный имел преступное пристрастие к местному кавказскому напитку, известному здесь под названием «джиджи», нечто напоминающее араку. В первый раз я обратил на него внимание, когда под действием этого напитка, он давал всем присутствующим довольно странное представление. Нельзя сказать, чтобы он был похож на пьяного; нет, он скорее вел себя, как умалишенный. Когда я увидел его, он вытанцовывал какую-то дикую сарабанду, в заключение которой он выхватил длинный нож, бросился по сходам на судно, разгоняя команду во все стороны. Наконец, он излил всю свою ярость на одном предмете, который ему никак не удавалось убрать с дороги: это был арбуз; [193-194] он стал протыкать его ножом до тех пор, пока многострадальный плод не начал кровоточить изо всех ран. Тогда он уселся на палубу и спокойно дал себя арестовать. Один из нашего экипажа говорил мне, что он часто бывает в подобном виде, но он ни разу еще не ранил никого своим ножом и никого и не намеревался ранить. Он неизменно удовлетворялся в заключение арбузом или чемнибудь подобным и всегда ожидал ареста, когда его буйство иссякало. Очевидно, подобное странное поведение обычно для всех приверженцев «джиджи».

Прежде чем уехать из Энзели, мне очень хотелось закончить все переговоры с Кучук-ханом и добиться освобождения капитана Ноеля, о котором уже не раз ходили слухи, что он умер, хотя мы знали, что он жив. Но, в конце концов, я принужден был отплыть из Энзели, не закончив наших мирных переговоров.

К этому же, приблизительно, времени мною была принята депутация из Ленкоранского уезда. Ленкоранский уезд - это узкая полоса земли между берегом Каспийского моря и русско-персидской границей, что тянется к югу от Баку до порта Астара. Этот уезд имеет своими границами высокие горы, служащие продолжением Эльбурского хребта на западе, и реку Аракс на севере; в северную часть уезда входит также Муганская степь. Местными аборигенами здесь всегда были мусульмане, состоящие из персов и татар. За последние же пятьдесят лет уезд был колонизирован русскими, которые ныне основались на тучных, плодородных низинах уезда, на самом берегу моря, в то время как туземцы, которые не очень дружелюбно относятся к колонистам ушли дальше к горам. Колонисты - чисто русского происхождения и почти все они отбывали воинскую повинность. Они были отлично вооружены, имели даже несколько полевых орудий и обещали выставить 5.000 бойцов.

Депутация вручила мне письмо от одного русского офицера, который был выбран ленкоранцами для руководства их военными операциями. С начала революции уезд принужден был управляться все теми же неизбежными комитетами, но население, по-видимому, осталось незатронутым истинным революционным духом и неохотно подчинялось комитетам, полагаясь [194-195] исключительно на своего военного начальника, который действовал там, на манер самодержавного правителя.

Колонии богаты и располагают всегда большими запасами зерна, которое они очень хотели бы обменять на бумажную мануфактуру и снаряжение. Они предложили мне войти с ними в любое соглашение для совместных действий против турок. Их помощь могла бы быть нам очень полезна в Баку, так как их колонии расположены с правой стороны путей следования Кавказско-исламской армии. Они привезли с собой груз муки и других товаров в подарок нашим войскам и просили меня войти с ними в постоянное соглашение, причем их первым условием была посылка им военных инструкторов. Они также предоставили в наше распоряжение два маленьких пароходика.

В ответ на их предложение я послал небольшой отряд офицеров и солдат к ним в Ленкорань для ознакомления с местным положением вещей. С этим же отрядом я послал двух русских офицеров: капитанов Степанова и Гурлянда, из которых первый был выдающимся артиллерийским офицером и показал себя в ранний период войны, второй же был хорошо знаком с вопросами снабжения армии. Было совершенно необходимо сделать этот дружественный шаг: войска этих колоний могли бы нам быть весьма полезны для чисто практических целей, к тому же в продовольствии мы очень нуждались ввиду голода в Баку.

15-го августа я получил от полковника Кейворта из Баку нисьмо. Привожу выдержку из него:

«Вы уже получили карты с указанием теперешних оборонительных линий. Эти линии пролегают повсюду по вершинам каменистых утесов, за исключением крайних левого и правого флангов. Линия огня расположена очень плохо: сидящие в окопах могут стрелять только в воздух. Если разместить стрелков даже на самом гребне высот, то и тогда огонь их будет мало действительным и позиции совершенно непригодны для огня пулеметного.

Проволочных заграждений нет; ходов сообщения в окопах тоже нет. Общая длина теперешней оборонительной линии - 21.000 ярдов. Винтовок, имеющихся в нашем распоряжении (за исключением наших собственных), всего 6000 штук; [195-196] люди сведены в 22 батальона, численность каждого из них колеблется от 150 до 500 человек.

Я добиваюсь того, чтобы местный командующий войсками озаботился сооружением проволочных заграждений по линии фронта, и сегодня утром они приступили, наконец, к этой работе после долгих совещаний с нашими пулеметчиками. Командующий войсками заявил мне вчера, что у него хватит колючей проволоки для оплетения всего фронта; сегодня же он, кажется, обнаружил, что у них совсем нет проволоки. Очень трудно разузнать, что у них имеется, так как они сами, по-видимому, этого не знают. Северо-Стаффордский полк занимает весь левый фланг и 100 человек этого же полка занимают участок фронта ближе к центру, откуда пришлось убрать один туземный батальон (вернее, он сам убрался, так как весь его состав растаял).

От наших теперешних оборонительных линий противник находился приблизительно в двух-трех тысячах ярдов. Единственно возможными линиями для устройства окопов являются либо линии по гребню высот, либо у подножья их; с обеих указанных линий огонь будет достаточно хорош. Н я предпочитаю занять вторую из этих линий, так как возвращение во время боя в окопы, устроенные по первой из указанных линий, будет иметь плохое моральное действие на людей. К тому же гребень высот служит отличной мишенью для снарядов и его очень легко обследовать. Пока что проволочные заграждения начали сооружать только на левом фланге наших позиций, где все эти условия не превалируют, а завтра я уж окончательно решу, которую из двух описанных линий лучше будет занять

Вся позиция до нелепости близка к городу и неприятельские батареи могут в любой момент, при помощи воздушной разведки, бомбардировать порт и суда, в особенности, если у них будут тяжелые орудия. Прежде чем совершенно безопасно защищать Баку, нужно было бы продвинуться несколько вперед, хотя бы на 15 - 20 тысяч ярдов в направлении к западу от города. Такая позиция обезопасит доки

и суда от орудийного обстрела. Но даже при теперешней слабости противника мы не можем вести наступления. Нам нужно будет сначала [196-197] реорганизоваться и держаться там, где мы сейчас находимся.

Приспособление имеющихся здесь военных материалов для военных надобностей крайне необходимо. В материалах же вообще ощущается недостаток, но я полагаю, что в городе найдется достаточное количество всяких материалов; нужно будет приступить к их реквизиции. Большая часть населения, как те, кто расположен к нам, так и те, кто не жалуется на нас, отлично вооружена, но правительство еще не чувствует себя достаточно сильным, чтобы предпринять что-нибудь для разоружения нежелательных нам группировок. Когда с Петровым будет улажено, то мы сможем начать действовать сами и обезоружить их, когда будет нужно.

Некоторые шаги в деле реорганизации армии уже предприняты, но ведь для этого дела нужно время. Местные части еще не реорганизованы, у них нет почти офицеров и люди уходят в город, когда им вздумается. Нет контроля над военными материалами и очень много материалов расходуется зря. Санитарное состояние всего - скверное. Когда прибудет полковник Уорден и другие офицеры, то работа пойдет успешней.

Бакинские войска намереваются оставить свои позиции и отдыхать в городе, пока мы будем держать фронт. Так, например, 100 человек Северо-Стаффордского полка занимают сейчас фронт в 400 ярдов, тогда как их резервы (бакинские войска) расположены слишком далеко от их позиций, чтобы оказать им помощь в трудную минуту; все это делает оборону чрезвычайно затруднительной.

Время дорого, а они все еще занимаются пустяками. Конечно, я понимаю, что вначале не может быть иначе. Политические дискуссии, митинги и речи отнимают очень много драгоценного времени. Мы пытались идти навстречу Петрову и старались снискать его расположение, но до сего времени он не хочет иметь дела с нами. Вчера центральный комитет послал ему ультиматум. Он ответил, что не может вести войну в союзе с английским империализмом против империализма германского и что он намерен покинуть город, но настаивает при этом на снабжении его достаточным количеством снаряжения, для того, чтобы дать ему возможность быть боеспособным, так как ему придется проходить по враждебно настроенным райо [197-198] нам, прежде, нежели он доберется до Москвы. Все же имеющиеся у него сейчас военные материалы он упрятал под замки и приставил к ним своих часовых. Я просил ЦК. потребовать у Петрова определенного ответа: что он хочет взять с собой и что он намерен оставить здесь? О запасах его снаряжения ходят самые дикие слухи. Одни говорят, что у него имеется 500-орудий и тысячи снарядов, другие говорят, что у него всего только 5 орудий и всего сотня снарядов. Вопрос должен быть вырешен сегодня же, но вы же знаете, что это за публика: одни разговоры и никаких действий! Я, наконец, пришел с ним к соглашению по поводу линии наших позиций, которые расположены, приблизительно, так, как указано на прилагаемой карте. Место, закрашенное зеленой краской, было до сего времени, да и в настоящий момент представляет совершенно открытое, незащищенное пространство, куда проникли турки, заняв татарские деревни в тылу у нас; этот район переполнен сейчас оружием, а потому мы в данный момент пытаемся обезопасить его. Но внутренние политические разногласия сильно мешают нам. Русские не хотят работать с армянами. Говорят, что русские офицеры сражаются в рядах турок против нас, а потому местные русские офицеры отказываются идти на фронт. Все это, в большинстве случаев, одна болтовня, и армяне, например, хотят работать вместе с русскими, если русские позволят им это. Мы, пока что, живем в отеле, где одна еда стоит нам фунт стерлингов и 10 шиллингов в сутки на человека. Продовольственный вопрос здесь сильно обострился. Надо полагать, что за последние два месяца в Баку не было никакого подвоза и в городе имеются в наличии лишь запасы на одну неделю. Рабочие на нефтяных промыслах начинают голодать; цены на продукты растут с каждым днем. Ленкорань нам сейчас ничего не дает, ибо маленький железнодорожный путь еще не закончен постройкой и перевозочных средств вообще очень мало; все это вы знаете сами. Крауфорд работает сейчас по снабжению и ему удалось уже кое-что сделать, но они все еще думают; надеюсь, что завтра они начнут уже действовать. Очень жалко, что Петров не соглашается сотрудничать с нами, но мы сделали все, что было в наших силах, чуть ли не вплоть до упрощения его на коленях. [198-199]

Другой нелегкой задачей является здесь вопрос о транспорте. Автомобили не могут двигаться всюду, а животных трудно прокармливать в потребном количестве; воду теперь приходится возить издалека. Возможным исходом из этого положения представляется мне пользование машинами под покровом ночи. Жара здесь изрядная и люди потеют круглые сутки, а потому наблюдать за работой по всему нашему фронту без помощи автомобилей было бы невозможно; даже при пользовании автомобилями приходится немало маршировать пешком. Местные войска не могут снабдить нас автомобилями, наоборот, они хотят получить их от нас. Они не то не могут, не то не хотят понимать всех наших трудностей и продолжают смотреть на нас, как на универсальных поставщиков».

Это письмо достаточно ясно обрисовывало положение и было очевидно, что нам нужно торопиться с отъездом в Баку, несмотря на то, что мы еще не подписали договора с Кучук-ханом. Военные авто-

ритеты Баку желали бы, чтобы мы еще отложили наш приезд: у них была нелепая мысль, что гораздо лучше будет мне подождать в Энзели, пока придут большие силы, а затем уже с ними двинуться на Баку и торжественно вступить в город. Они полагали, что если английский генерал придет в город с горсточкой войск, то разочарование граждан будет так велико, что у них пропадет весь их воинственный пыл.

Но, с другой стороны, ввиду того, что я знал, что у меня никогда не будет столько войск, чтобы можно было сделать торжественное вступление в город, я полагал, что самое лучшее будет, если обыватели как можно скорее узнают точные размеры нашей помощи и постараются, по возможности, справиться со своим разочарованием. Кроме того, в их нежелании видеть меня как можно скорей было что-то подозрительное. Наконец, 16-го августа «Президент Крюгер» отчалил от Энзели и прибыл в Баку 17-го числа после полудня (плаванья всего около 18-ти часов). Когда мы подъезжали к порту, то первое, что мы увидели, были нефтяные промысла Биби-Эйбата, которые расположены у самого моря в двух милях от города. Скважины очень близко друг от друга и каждая из них оборудована всеми необходимыми машинами и вышкой. Таким образом, тысяча скважин обозначается тысячами же вышками. Вышки построены из дерева и крыты асбестом и тонким железом для того, чтобы обезопасить их в пожарном отношении. Издали все эти вышки напоминают какой-то таинственный лес сухих деревьев. Наш курс лежал по фарватеру между Биби-Эйбатскими промыслами, с западной стороны, и островом Наргеном, с восточной. До революции остров Нарген был главным областным концентрационным лагерем для военнопленных и отсюда то, главным образом, австрийские пленные пробирались в Закавказье и пополняли там ряды большевистских войск. У этого острова теперь стояли все 13 судов Шаумяна и Петрова, охраняемые двумя маленькими канонерками.

Вид Баку с моря очень величественен: здания на набережной все самой пышной европейской архитектуры; несколько с уклоном в сторону немецкой манеры строительства. В центре города высится русский собор, увенчанный золоченым куполом и крестом. Город, как это видно на карте, расположен в чашеобразном углублении; местность к западу и северу несколько повышается, примерно, на протяжении двух миль, и доходит до линии высот, которые круто спускаются к пустынной долине, по которой железная дорога подходит к городу. Население города - около 300.000 ч., главным образом, армяне, татары и русские, есть некоторое количество грузин и греков, а также небольшие колонии англичан, французов, американцев и других. Местность совершенно голая, за исключением некоторого числа небольших искусственно разведенных при помощи вновь выстроенного водопровода садов и некоторых окрестных деревень, которые являются поистине оазисами посреди этих песчаных пустынь, покрытых сухими солончаками.

Главные нефтяные источники находятся в Бинагадах, Балаханах и Биби-Эйбате. На карте город показан лишь в виде небольшого ядра его центральной части, но в действительности жилые дома тянутся еще до 9 миль от Биби-Эйбата к югу и до самого Белого города к востоку. Черный город, центр всех нефтеочистительных заводов, представляет собой огромное собрание нефтехранилищ всех видов, между которыми разбросаны жилые дома рабочих. Перед главным ядром города расположена пристань, протяжением, по меньшей мере, мили в две; в гавани, как общее правило, никогда не бывает меньше шести [200-201] десятков судов. Улицы вымощены по общепринятой в России системе, т. е. булыжником, что делает их очень стойкими, но мало приятными для езды. Конная городская железная дорога проходит по главным улицам, но ее движение приостановлено еще до нашего прихода, вследствие недостатка корма для лошадей.

«Крюгер» бросил якорь в самой западной части порта у складов общества «Кавказ и Меркурий», как раз против деловой части города. Рядом с нами стояли у берега «Курск» и «Або» о которых я уже упоминал, как о судах, взятых нами на случай эвакуации Баку. Все три судна охранялись нашими часовыми, которым было приказано оказывать сопротивление всякому, кто бы ни пожелал здесь распоряжаться; все три судна стояли вместе во все время нашего пребывания в Баку. Как только мы стали на якорь, на борт явился полковник Кейворт и рапортовал мне, что все обстоит благополучно и что турки не проявляют, пока что, никаких признаков активных действий. Меня встретили также представители дирекции (пять человек), которые просили меня назначить им час для аудиенции. Остаток этого дня был проведен в осмотре великолепных зданий, которые были нами заняты под лазареты, офицерские общежития и казармы. Всех, кого только можно было отправить, были отправлены на передовые позиции и в городе оставались только части, обслуживавшие снабжение армии, транспорт и один маленький отряд для несения необходимой караульной службы.

Полковник Кейворт выбрал огромный дом гостиницы «Европа» для своего штаба, а некоторые другие службы армии были помещены в гостинице «Метрополь». Оба эти здания были роскошны как снаружи, так и внутри: позолоченная мебель, гардины малинового плюша поражали зрение на каждом повороте. Но вся роскошь на этом и кончалась. Невозможно, например, было предаваться роскошеству в отношении еды, ибо здесь можно было получить только самые простейшие из необходимейших продук-

тов. В гостинице «Метрополь» самый обыкновенный обед, состоящий из супа, куска рыбы и куска арбуза с хлебом стоил сто рублей. По курсу довоенного времени это выходило бы 10 фунтов стерлингов, а по теперешнему курсу это стоило 2 фунта - дорогая цена за обед, а тем паче за такой. [201-202] скверный. Но к ценам я вернусь позже. В гостинице «Европа» с хозяевами ее было заключено условие, в силу которого в плату за пользование помещением включалась и плата за полный пансион; все это вместе взятое не превышало офицерских суточных более, чем в два раза. На борту «Крюгера» мне удалось выработать более дешевые условия питания совместно с нашим поставщиком съестных припасов, которому мы платили за каждого пансионера 80 рублей в сутки и снабжали его нашим хлебом; эта сумма на наши деньги составляла меньше двух фунтов. На следующий день, 18 го августа, с рассветом, я, вместе с полковником Дунканом и Хоскиным, отправился осматривать наши позиции. Начиная, с крайнего левого фланга, где ряд скалистых утесов подходит к морю, на одну милю западней Бибк-Эйбата, позиция была вполне хороша: обстрел был удовлетворителен повсюду и фланг был естественно защищен. Части Северо-Стаффордского полка использовали каждую складку местности и их окопы были уже достаточно глубоки для укрытия людей от артиллерийского огня. С правой стороны к стаффордцам примыкал армянский батальон, который, будучи воодушевлен их примером, тоже делал попытки к укреплению своего участка позиций. С этого пункта линия нашего фронта следовала линии утесов, простиравшихся к северу миль на семь, а затем снова резко сворачивала к западу; с этого места позиция опять направлялась к северу и, постепенно понижаясь, выходила на ровную местность, пересекая железнодорожную линию на расстоянии одной мили западней Баладжар, и затем, дойдя до Грязного Вулкана, поворачивала назад к востоку и тянулась еще 2 мили до возвышенностей Бинагады. Последний участок фронта был, конечно, самым слабым пунктом, так как линии окопов, вместо того, чтобы возвращаться назад на восток должны были бы продолжать простираться дальше к северу до самого моря; в таком случае весь фронт получился бы длиной в 19 миль, с обоими флангами, упирающимися в море. Правый фланг позиций, между Грязным Вулканом и северным берегом, требовал для своей защиты незначительных сил, так как Мазарское соленое озеро, совершенно непреодолимое препятствие, занимало половину этого пространства. Этот прорыв на правом фланге получился вследствие ухода Бичераховских сил, и местное военное начальство приписывало все беды его уходу. Но ввиду того, что за целых три недели, имевшихся в их распоряжении, они не сделали ничего для обеспечения этого прорыва, вся ответственность падала теперь исключительно на них самих.

Было сделано несколько попыток заполнить образовавшуюся брешь, но турки успели уже этим временем обойти наш правый фланг и все деревни с севера и востока от города (почти все эти деревни татарские) были наводнены мелкими отрядами турецких сил и местных вооруженных партизанов.

Главные турецкие позиции были расположены на несколько более возвышенном участке, по ту сторону долины, приблизительно параллельно нашему фронту, на расстоянии трех-четырёх тысяч ярдов. Скалистый участок наших позиций был почти неприступен и мог быть обороняем всего лишь небольшим, числом надежных войск, но местные войска были вовсе ненадежны, а наши силы нельзя было разбивать на бесконечное число мелких слабых отрядов. Исходя из этих соображений, мы поручили частям Северо-Стаффордского полка оборону нашего левого фланга, а также «Волчьих Ворот», - участка позиций, расположенного в 3,5 милях от берега. Небольшим отрядом этого же полка охранялся и Грязный Вулкан, который был безусловно слабым пунктом наших линий. Отряд, оборонявший Грязный Вулкан, был усилен двумя сильными батальонами местных войск, расположенными в районе станции Баладжары. В действительности же, когда началась тревога, этих двух батальонов на станции Баладжары не оказалось и в нужный момент никто никакой поддержки нам не оказал.

По прибытии к нам Вервикского и Уорчестерского батальонов, обе эти части были посланы на усиление именно этого участка фронта. Общая дислокация войск оставалась почти неизменной в течение всех боев. Командование войсками передовых линий было поручено полковнику Кейворту, а командование пехотной бригадой взял на себя полковник Фавиель. При наличии такого количества войск, трудно было обеспечить себе резерв из наших же частей, а потому все резервные войска были сформированы из городских отрядов, но, к сожалению, эти резервы, никогда не оказывались под рукой в нужную минуту. Из наших собственных войск мы могли лишь образовать [203-204] отряд для поддержки местных бойцов и выделить несколько резервов местного характера. Общее число английских войск на бакинских позициях никогда не превышало 900 штыков.

Несколько общих штрихов для обрисовки самого города даст возможность читателю составить себе представление о физиономии Баку и о характере всей местности.

Что касается города, то большинство его зданий построено в обычном европейском стиле. Набережная, по соседству с местом стоянки судов, была красиво обсажена деревьями и вечерами ярко освещалась электричеством; этот бульвар-набережная служил любимым местом прогулки для обитателей города. Не нужно забывать, что вся местность здесь совершенно голая: на западе, между нами и турками, нет ни малейших признаков растительности, а потому всякие передвижения наших войск могли

быть превосходно наблюдаемы с неприятельского расположения. Скалистый участок фронта, о котором я упоминал, поднимается футов на 500 над уровнем моря, скалы очень отвесны, но по их наружному склону, со стороны неприятельского расположения, поднимается отличное шоссе, выходящее к «Волчьим Воротам». В этом месте как раз расположился наш отряд Северо-Стаффордского полка

Местные войска, в большинстве случаев армяне, очень мало занимались рытьем окопов и, когда их понуждали к этому, они отвечали следующее: «К чему нам окапываться? Мы вовсе не желаем рыть окопы: это дело трусов, а мы хотим сражаться». Они залегали цепью за гребнями скал и палили оттуда в воздух. Они проделывали этот маневр чаще тогда, когда турки и не думали переходить в наступление и ближайший к нам турецкий солдат находился от нас на расстоянии тысяч трех ярдов

Несмотря на то, что все время нашего обследования позиций мы находились в виду неприятеля, турки не сделали по нам ни единого выстрела за весь день, что указывало на их бережливое и разумное отношение к расходованию своего снаряжения, чего отнюдь не наблюдалось со стороны местных войск. Вернувшись в город, я встретился с представителями директории и долго обсуждал с ними положение вещей. Они выразили мне свое глубокое разочарование по поводу прибытия [204-205] такого незначительного отряда английских войск, на что я им, возразил, что я никогда и не обещал им ничего определенного. Затем я навестил командующего местными войсками генерала Докучаева, который встретил меня вместе со своим начальником штаба, полковником Аветисовым (армянином) и своим адъютантом, полковником фон дер Флессом. Я пригласил их всех на банкет на борту «Крюгера», где мы обменялись множеством любезнейших речей и обсуждали различные вопросы, касавшиеся обороны Баку. Генерал Докучаев не был продуктом революции: это был старый, истинно русский генерал, командовавший во время войны войсками в районе Трапезунда. В обращении он был очень изысканным и приятным джентльменом, но он не обладал всеми нужными качествами для командования революционной армией, каковые качества, нужно заметить, встречаются вообще не часто. Только сильная личность может успешно командовать войсками без дисциплины, не подчиняющимися никаким законам, никаким приказам, ни налагаемым наказаниям.

Его начальник штаба, полковник Аветисов, был также кадровым офицером русской армии и являл тип хорошего армянского солдата. Он обладал достаточной долей индивидуальности и бесстрашно высказывался против революционеров; но он был человеком больным и думаю, что это отзывалось на его работе. Он вскоре отправился на помощь ленкоранцам и на его место был назначен полковник Стокс.

Полковник фон дер Флесс был также русским кадровым офицером; молодой для своего чина он принадлежал к числу тех немногих бакинских деятелей, которые знали, что такое работа.

На следующий день, 19-го августа, я продолжал инспектировать наше расположение, а затем, позднее имел свидание с десятью членами армянского национального совета, среди которых было несколько выдающихся людей с незаурядными способностями. Я навестил также военного министра, генерала Багратуни (армянина). Он был инвалидом, страдающим все еще осложнениями ампутации своей левой ноги. Генерал Багратуни произвел на меня очень приятное впечатление.

Все пять диктаторов были, безусловно, самыми интересными из всех наших новых знакомых; все они были людьми с [205-206] с образованием, энергичными, в возрасте, в среднем, лет около тридцати. Из всех них мы знали ближе трех: Лямлина, морского офицера, Ермакова, также морского офицера, и Садовского — старого партийного работника. Из этих трех Ляmlin был наиболее симпатичным, Садовский — наиболее способным и Ермаков — наиболее сильным характером. Смысл одновременного диктаторства пяти человек был ни с чем не сообразен и я советовал им избрать из своей среды одного диктатора, но все пять диктаторов единодушно заявляли, что ни один из них не способен править единолично. Ермаков, например, был достаточно твердым человеком, но он был очень неуравновешен и не очень умен, что делало его неподходящим рулевым государственного корабля. За все время нашего пребывания в Баку он постоянно подозревал нас в каких то таинственных замыслах и пытался вставлять нам палки в колеса.

Командир Норрис торопился начать вооружение торговых судов, но это было делом, требовавшим весьма деликатного с собой обращения. Я просил предоставить мне для этой цели шесть судов, объяснив нужду в них следующими соображениями:

1) Бакинские военные суда вооружены орудиями крупного калибра, а пополнить скудные к ним запасы снаряжения не представляется возможным. Когда имеющиеся запасы снаряжения истощатся, то орудия и суда окажутся бесполезными.

2) Если даже русских запасов снаряжения будет достаточно, то вновь вооруженные суда будут им значительным подспорьем. Соединенный флот сможет оперировать против линии железной дороги, в том ее месте, где она близко подходит к морю и по которой турки подвозят свои военные материалы и питают свою армию.

3) Имея в виду постоянное движение войск между Энзели и Баку, было бы небезопасно рисковать столкнуться с большевистскими судами из Астрахани. Чтобы избежать этого, мне необходимо иметь собственные вооруженные суда.

Эти положения были моими главными аргументами, выставленными в пользу моего предложения.

С самого же начала флот и директория были против моих домогательств. и только позднее, с превеликим трудом, нам удалось получить в наше полное распоряжение два судна: [206-207] «Вентюр» и «Игнатий». Вооружение этих судов не было еще закончено, когда мы были уже вынуждены покинуть Баку, но эти суда, вместе с некоторыми другими, захваченными нами при эвакуации города, были впоследствии вооружены и принимали деятельное участие в стычках с кораблями большевиков.

Бакинский флот полагал, что, коль скоро мы сделаемся обладателями вооруженных судов, его значение будет сведено к нулю, а потому он, естественно, сильно противился нашему предложению. А так как флот имел большое влияние на правительство, то нам стоило весьма значительных усилий добиться от последнего желательного для нас решения.

Матросы каспийского флота восхищались своими английскими коллегами, но они вовсе не желали видеть их своими конкурентами в области господства над их морем.

Ответ директории на мои доводы сводился к следующим положениям:

1) предпочтительнее будет предоставить бакинскому флоту наши собственные орудия и установить их на канонерках, что избавит англичан от излишних хлопот;

2) предложение об организации помощи наших вооруженных судов их флоту было отклонено;

8) директория предлагала свои услуги по конвоированию наших транспортов с войсками (хотя у них для этой цели не было свободных судов).

Эта оппозиция возглавлялась, конечно, Ермаковым, который так и не сдал своих позиций и остался в меньшинстве после того, как наша просьба была, в конце концов, удовлетворена.

Положение дел в Баку было из ряда вон скверное и было очевидно, что максимум, на что мы могли надеяться, это на пассивную оборону, которая привела бы в результате к неминуемому поражению. Мы уже начали работать в направлении реорганизации и обучения местных частей, но прошло бы еще немало времени, прежде чем мы сумели бы достигнуть желаемого успеха. Хорошо было бы, если бы они только сидели прочно в своих окопах и стойко выдерживали натиск наших противников, но они не делали и этого. Единственный действительный план обороны города сводился к овладению нами [207-208] нынешних турецких позиций к западу от наших линий. Если дальнейшее продвижение вперед защитников Баку оказалось бы невозможным, то падение города сделалось бы всего лишь вопросом времени. Все же даже при наличии уверенности с нашей стороны в неминуемом падении города каждый лишний выигранный нами день имел большое значение, давая нам некоторый шанс на возможное изменение общей ситуации в нашу пользу.

Будь турки действительно хорошими вояками, они бы могли занять город гораздо раньше, ибо не было ни одного такого часа или дня, когда они не сумели бы взять Баку решительным приступом. Не было ни одной такой ночи, ни одного дня, чтобы в наших линиях не было бреши, длиною, по крайней мере, в одну или две мили, благодаря неизменной неаккуратности местных частей являться во-время на свои позиции. Город кишел германскими и австрийскими освобожденными пленными; к тому же 80-ти тысячное татарское население города несомненно сочувствовало туркам. Таким образом, противник имел полную возможность быть всегда в курсе дислокации наших войск.

Мы имели основание ожидать прибытия еще одной тысячи наших войск, которые могли бы немедленно же спасти положение, дав нам возможность предпринять контратаку, без проведения которой наше положение было совершенно безнадежно. Кавказско-исламская армия не была сделана из такого материала, который устоял бы против нашей контратаки, для выполнения которой они постоянно создавали для нас очень благоприятные условия при каждом своем наступлении.

Если бы мы даже и не дождались наших собственных войск, то возможно было бы надеяться на возвращение в город отрядов Бичерахова. Не случись и этого, мы все еще могли бы ждать, что давно подготовляемый удар по турецкому тылу со стороны эриванских армян примет, наконец реальные формы. Одно лишь указание на подобного рода угрозу, было бы достаточно для того, чтобы произвести панику в Кавказско-исламской армии.

Не следует забывать, что мы прибыли в Баку при исключительно тяжелых и совершенно непредвиденных обстоятельствах [208-209] ствах: прежде всего, нам сильно недоставало бичераховских сил, на которые мы всегда могли положиться, как на надежные, дисциплинированные войска, могущие служить примером и для других. Мы могли бы действовать и без Бичерахова, но в таком случае мы сильно проигрывали во времени.

Не предприми Бичерахов своего рокового похода на север, но дождись он нашего прибытия в Баку, город никогда бы не пал. Но будущее предвидеть трудно, и я думаю, что нельзя было обвинять его в решении сделать этот шаг, если разобраться в тех условиях, в которых он находился в то время. К тому

же я до самого последнего момента не мог дать ему никаких гарантий ни относительно безусловности, ни относительно времени нашего прибытия в Баку.

Если бы мы сумели вдохнуть дух мужества в местные войска, мы смогли бы, без всякой помощи извне, спасти положение, но всеобщая трусость и неповиновение приказаниям были губительными. Я далек от того, чтобы огульно обвинять всех армян в трусости; мои замечания относятся лишь к бакинским армянам, которые совсем не похожи на армян эриванских или других армян-горцев Малой Азии, чья доблесть была уже не раз отмечена. Я не обвиняю и бакинских солдат за их трусость, которая, во всяком случае, только относительна. Бакинский солдат не был солдатом по воспитанию: он был всего лишь плохо питающийся чернорабочий. В руки ему была тиснута винтовка и приказано было идти сражаться. У него не было ни обмундировки, ни настоящих инструкторов, ни приличных офицеров, ни правильно налаженной системы питания. В то время, как он сидел в окопах и вокруг него свистали пули и над головой рвались снаряды, он знал, что его товарищи улизнули назад в город и пьют сейчас чай со знакомыми девицами. Почему и ему не отправиться туда же? От бакинского солдата нельзя было ожидать, чтобы он предпочел грохот рвущихся снарядов удовольствию чаепития с дамами и прочим удобствам городской жизни.

Я не обвиняю армян, но полагаю, что при подобных условиях никакие войска не могут вести себя должным образом. И все-таки я скажу, что среди местных войск было много случаев проявления личной храбрости [209-210]

Здесь я приведу текст листовки, распространяемой по городу в те времена, в тщетной надежде поднять воинственный дух населения.

«ОБЪЯВЛЕНИЕ».

«Мы, фронтовики (ветераны войск передовых позиций) 1-го и 2-го показательного полков по обороне фронта, и пулеметчики 2-ой и 4-ой рот, в настоящий тревожный момент, когда неприятель окружает нас с трех сторон, когда кольцо врагов все уже и уже стягивается вокруг нас, когда снаряды рвутся на улицах города - взываем ко всем способным носить оружие гражданам и призываем всех тех, кому дорога родина и у кого еще теплится искорка священного огня спасения России итти на фронт и защищать свои интересы.

В настоящий момент нет времени для речей и митингов. Все, как один человек, должны итти на фронт и отстаивать родной свой город.

Мы должны покончить с одним делом, прежде чем приступать к другому.

Мы протестуем против большевиков, которые откололись от нас при выборах в Совет. Здесь нет места предателям и изменникам своей страны, против которых мы, защитники революции и пролетариата, боролись все время. Германские наемники не должны решать судьбу русских земель.

Мы протестуем против того факта, что многие тысячи здоровых граждан, вооруженных с головы до ног, разгуливают по городу и терроризируют население, тогда как место этим героям тыла должно быть на фронте.

Мы, фронтовики, которые в этот роковой момент держим фронт и спасаем город и до сего времени не жалуемся на нашу усталость, хотя мы бессменно находимся в окопах, протестуем против постыдной агитации в нашем тылу и, выражая полное доверие Центр-Каспийской директории, требуем только того, чтобы директория своей властью удалила недостойных людей с занимаемых ими ныне различных ответственных постов, и заменила бы их более достойными гражданами». [210-211]

(Три подписи).

Обо всем понемногу

Я ЗАБЫЛ упомянуть об одном довольно забавном эпизоде, который имел место в самый день прибытия полковника Стокса в Баку. 4-го августа пароход «Курск» (который с этого дня сделался одним из наших судов) прибыл в Баку из Астрахани, имея на борту германскую миссию.

Как только пароход причалил к пристани, глава миссии сошел на берег и попросил указать ему дорогу к штабу турецких войск. Велико же было его удивление и разочарование, когда он был поставлен в известность, что турецкого штаба в Баку не имеется, что турки города не занимали и никогда его не займут. Вся миссия была арестована и я ничего не знаю о дальнейшей ее судьбе; вероятно, она была отпущена на свободу местными властями и члены ее, надо полагать, пополнили ряды тех германцев и австрийцев, которые бродили в те времена по всему Кавказу и Закавказью. Уверенность германской миссии во взятии города турками дает основания предполагать, что подобного рода известие было передано в Астрахань бакинской радиостанцией еще 29-го июля, когда казалось, как я уже упоминал выше, что город неминуемо должен пасть. Правительство запросило нас официально о причинах ареста нами Энзелийского комитета. Этот запрос явился следствием происков той группы политических деятелей, которые искали повода дискредитировать нас в глазах бакинцев, показав им, что нашими истинными целями была контрреволюция. Я уже излагал те события, которые повели к аресту этих лиц, и здесь я сумел дать такого рода объяснения, которые не только заставили замолчать наших обвинителей, но способствовали упрочению нашей популярности среди населения. Население не сочувствовало тем проходившим, которые снюхались с нашими врагами в Персии, ни в особенности после того, как джанга [211-212] лийцы перед этим убили несколько русских на Казвин-Энзелийской дороге. По этим причинам поведение Челябинина и его сотрудников было рассматриваемо, как предательство по отношению не только к своим же, но и к нам.

Одной из многих трудностей, с которыми нам пришлось столкнуться в Баку, был вопрос финансовый. Лучше всего осветить этот вопрос поможет мне выдержка из рапорта майора Ньюкома, офицера Канадской пехоты. Было большой удачей обнаружить у себя в отряде этого человека, искусственного в финансовых операциях: его заботами я был освобожден от всех тревог этого дела, а британское правительство, благодаря этому же, сэкономило очень большие суммы. Еще в Персии я впервые обнаружил его таланты и потому прикомандировал его к Бичерахову для наблюдения за его казначейством, теперь же он вернулся ко мне в Баку, привезя с собой корреспонденцию от Бичерахова, который со дня приезда своего на Кавказ был возведен в чин генерала.

Этот рапорт, как будет видно далее, был составлен только после нашей эвакуации Баку, но я привожу его здесь именно потому, что правильное понимание вопроса денежного обращения в Баку в наши времена совершенно необходимо для читателя при изучении им бакинских событий. Я упомянул также о том, что в то время, как майор Ньюком официально констатировал присутствие трех различных типов денежных знаков на бакинском денежном рынке и объявил о соотношении разменного курса между ними, местное правительство отказывалось признавать какое бы то ни было различие между денежными знаками, имевшимися в обращении, и почитало за уголовное преступление установление на них различного курса. Вполне понятно, что подобного рода распоряжение имело свои основания, иначе бакинские деньги обесценились бы окончательно даже в самом городе. Но при больших покупках, если вы намеревались расплачиваться бакинскими денежными знаками, то продавец немедленно же выражал свое сожаление по поводу неимения у него нужного вам товара, в то время как этот же самый торговец за николаевские деньги продавал вам все, что угодно.

Привожу выдержку из рапорта Ньюкома: [212-213]

Я прибыл в Баку 19-го августа с корреспонденцией от генерала Бичерахова, который за несколько дней перед этим вступил в Дербент. Вследствие неуверенности в действительности обычных средств сообщения, генерал решил, что кто-либо из находящихся в курсе всех его стратегических планов и общей ситуации должен будет отправиться в штаб войск генерала Денстервиля.

По прибытии в Баку я получил назначение руководить финансовыми операциями бакинского отряда. Ознакомившись ближе с делом, я убедился, что нам предстоит столкнуться с весьма значительными затруднениями и приготовиться к громадным расходам, к которым мы совершенно не были подготовлены, к тому же у нас совершенно не было налаженного аппарата для облегчения производимого нами постоянно обмена. Банки и большие торговые дома были национализированы, опытные служащие были все расчисланы и вместо них начали работать неопытные и неорганизованные «комитеты». Вследствие наблюдавшихся неоднократных случаев произвола, доверие к ним, со стороны публики, оказалось

окончательно подорванным и денежное обращение в городе свелось к размерам, необходимым для удовлетворения лишь насущных потребностей обывателя.

При таких условиях, я немедленно предпринял шаги к вразумлению руководителей местных финансовых учреждений, советуя им немедленно же реорганизовать банки, поощрить частную инициативу, создать такие условия, при которых денежные вклады могли бы снова притекать в банк, и принять вообще меры к восстановлению доверия населения к финансовым организациям.

Мне было также необходимо обеспечить нашу кассу наличностью в кратчайший срок, что и было мною сделано при помощи правительства, которое дало мне аванс в пять миллионов рублей.

Затем я обратился к единственному способу добывания местных денежных знаков, а именно: к обмену на них стерлингов или кранов. Обмен на стерлинги мог быть произведен лишь на небольшие суммы и то лишь при условии перевода стерлингов в какое-нибудь безопасное место, так как люди, имевшие деньги, хотели обеспечить себя от всяких случайностей. Только [213-214] ко времени уже нашего отъезда из Баку мне удалось заключить сделку на довольно значительную сумму, около десяти миллионов рублей, и эти деньги я должен был получить в самый день нашей эвакуации. Вопрос курса также отнял у меня немало времени и в конце концов он был решен в таком виде: николаевские деньги 57 руб. за соверен, керенки - 71 и бакинские знаки - 121. Этот курс был в пять с половиной раз лучше существующего в то время разменного курса стерлинга на кран. Приведенные мною данные указывают, что в Баку в обращении были три рода денежных знаков, все—различной ценности. Николаевские деньги были деньгами довоенного времени, керенки - деньги выпуска ранней фазы революции и деньги бакинские были деньгами исключительно местного хождения. Когда банки были национализированы и захвачены были все вклады, вкладчикам стали выдавать на руки всего по 300 рублей в месяц. Публика, естественно, начала прятать деньги и нормальное обращение нарушилось. Для того, чтобы восстановить нарушенное денежное обращение, хотя бы отчасти, была произведена эмиссия местных знаков. Сначала они обеспечивались имуществом городского хозяйства, а затем стали печататься просто по мере надобности. Выпуск местных бакинских денежных знаков, по приблизительному подсчету, дошел до двухсот пятидесяти миллионов рублей.

Все эти денежные знаки обладали различной внутренней ценностью и цена их на краны варьировала приблизительно в следующих пределах: николаевские - 65 кран за 100 рублей, керенки - 46 - 47, бакинские боны - 36 - 40, в зависимости от спроса и предложения. Этот курс находился под постоянным влиянием нашего беспрестанного и значительного спроса на рубли в Персии для нужд наших бакинских операций. Николаевские и керенские деньги имели хождение во всех местностях России, но бакинские боны вне Баку вовсе не принимались; количество же денежных знаков николаевских и керенских, находящееся в обращении, было весьма незначительно. Приняв все это в соображение, я немедленно же решил производить все денежные расчеты в пределах города Баку исключительно в бакинских бонах.

Я также приступил к обмену рублей на краны по выше [214-215] означенному курсу и этим путем мы получили около восьми миллионов рублей.

За все время своей работы я пытался установить непосредственный обмен рублей на стерлинги и некоторые, введенные мною с этой целью, меры довольно скоро принесли желаемые, результаты. Этот путь получения рублей имел два следующих преимущества: во-первых, он облегчал нашу работу в Персии, а, во-вторых, этим способом мы выгадывали гораздо больше, нежели путем продажи стерлингов на краны и затем - краны на рубли. Получая нужное нам количество рублей таким способом, мы имели возможность ограничить продажу кран до размеров, вызываемых лишь нашей потребностью в них на рынке, и таким образом достигали двойной экономии.

Необходимо будет пояснить, что первоначально все финансовые операции моего отряда были поручены майору Уитмаршу, который затем так и остался в Персии, будучи не в силах справиться одновременно с Кавказом и северной Персией. Перед своей поездкой в Баку я предвидел, что мне предстоит немало неудобств вследствие того, что многие из моих офицеров и людей должны будут оставаться в Персии, где они вели очень ответственную работу. Так, например, моя работа в Баку протекала бы значительно успешней, если бы я имел возможность взять с собой майора Саундерса, капитана Серайта и капитана Коккереля, но оторвать этих офицеров от их работы в Персии означало бы погубить все дело там. Результатом такого положения вещей явилось то обстоятельство, что моя контрразведка в Баку была очень слабой и мне сильно недоставало нужных сведений касательно неприятельских планов; здесь каждый офицер был занят по горло (главным образом, на передовых позициях), и у меня не хватало людей для выполнения необходимых специальных заданий.

Злобой дня в это время были вопросы о разоружении отрядов Шаумяна и Петрова, о разгрузке их судов и водворении обратно в бакинский арсенал захваченного ими снаряжения.

Процесс разоружения растянулся на несколько дней. Затем всем тринадцати судам было разрешено следовать в Астрахань с обезоруженными войсками зрелище маловнушительное. Тринадцать судов, конечно, делались потерянными для Баку [215-216] так как астраханские большевики не выпустили бы

их больше из своих рук, но, с другой стороны, наше правительство не имело возможности содержать такое количество пленных большевиков. а дать им возможность разгуливать на свободе по городу было бы весьма нежелательно; таким образом, их отъезд в Астрахань был, пожалуй, наилучшим разрешением вопроса.

Шаумян и Петров были посажены в городскую тюрьму. Они были отпущены на свободу в день падения Баку, после чего они отправились, с небольшой группой своих приверженцев, в Красноводск. К несчастью для них, в то время большевики были очень непопулярны в этом городе и вся их партия была расстреляна.

В Баку нам пришлось еще столкнуться с трудностями продовольственного кризиса. В самом городе таких продуктов питания не производилось, а со времени революции подвоз их значительно сократился. В те дни, когда производитель, посредник и владелец паровой линии получали прибыль с каждой операции заготовки продуктов для нужд населения, подвоз необходимых пищевых продуктов из всех портов Каспийского моря был делом очень простым. Но в условиях социалистической системы хозяйства со всякими «национализациями» подвоз продуктов был сведен почти к нулю.

Товары в портах отправления были национализированы; национализированы были также и суда. При таких обстоятельствах никому не было никакой выгоды заниматься коммерцией. Частная инициатива была убита, а государственные предприятия не работали.

Если бы городу суждено было долго выдерживать осаду турок, то нам пришлось бы озаботиться о снабжении продовольствием не только самих себя, но и горожан. Я поручил полковнику Крауфорду, дав ему в помощники г-на Кларена (нашего бакинского консула), обследовать положение местного продовольственного рынка и сделать доклад по этому вопросу. Полковник Крауфорд командовал отрядом бронированных автомобилей, но так как я заметил в нем присутствие чисто деловой жилки, я поручил ему, сверх его обычных занятий, руководить нашим бакинским интендантством. Привожу его доклад:

«В настоящем докладе я привожу некоторые справки о [216-217] различных местных организациях, имеющих отношение к заготовке и распределению продовольственных продуктов в городе Баку, а также выясняю, какое влияние имели местные политические события на общее состояние бакинского рынка.

Комиссариат продовольствия через своих агентов в уездах заготавливает продукты и распределяет их среди городского населения. Комиссариат же сносится с другими учреждениями для удовлетворения своих потребностей в сухопутном и морском транспорте и пр., имеет связь с местными уездными властями.

Распределительные органы суть:

1) Кооперативные организации и их магазины, руководимые «Союзом потребительских обществ».

Эта организация в настоящий момент не пользуется никаким доверием у населения, ввиду того, что этот аппарат не сумел урегулировать продовольственного вопроса и наладить правильное распределение продуктов среди горожан. Нельзя сказать, чтобы этот продовольственный аппарат был расхлябан более, нежели все остальные аналогичные ему организации, но кооперативы руководятся мало опытными людьми, почти без всякого образования, со скудными знаниями в областях производства и обмена, а потому не обладающими достаточными данными для руководства такого рода работой. Их непопулярность среди населения и заставила их обратиться ко мне за помощью. Политически их значение ничтожно, и в настоящий момент вся делаемая ими политика сводится к тому, чтобы спасти свои организации от окончательного развала.

2) Организация домовых комитетов, состоящая из:

- а) Центродома,
- б) районных комитетов,
- в) под-районных комитетов,
- г) домовых комитетов.

Это уже организации самопомощи самого населения. Созданные вначале для целей охраны населения от грабежей и насилия, они почитались большевиками за организации контрреволюционные. Позднее большевики сами использовали их в своих целях, а ныне эти организации окончательно легализованы. Не так давно они занялись распределением продуктов. Они [217-218] ведут свою собственную статистику и домовые комитеты получают из кооперативов продукты для своих членов.

В эти организации входят домовладельцы и все видные граждане. Центральное учреждение, Центродом, состоит из выдающихся местных деятелей, людей с образованием и большим коммерческим опытом; большинство из них русские. Направление всех этих учреждений – антисоциалистическое.

3) Рабочие комитеты.

Эти комитеты выполняют функции домовых комитетов на нефтяных промыслах. Правительство опирается на рабочих, политика которых всецело зависит от положения продовольственного вопроса: любая политическая партия, сумеющая обеспечить их продовольствием, может стать здесь у власти.

Комиссариат продовольствия состоит, главным образом, из евреев, которые стремятся стать у власти в России и таким образом обеспечить себе приятное житье. Они не надеются добиться этого в русской России. Зная, что этого не позволят им англичане, они почти все превратились в германофилов и частью - в туркофилов, из этих же соображений евреи не сочувствуют всем нашим нововведениям.

В данный момент не представляется никакой возможности создать такой общественный аппарат, который удовлетворял бы русскому коллективистическому социализму и мог бы, одновременно с этим, справляться при существующих условиях и с продовольственной разрухой. Практические методы, предлагаемые мною, с рациональностью которых они соглашались, носят антисоциалистический характер, а потому применение их разрушило бы их политические достижения.

Комиссар продовольствия, Рохлин, социал-революционер, пламенный партийный работник. У него нет каких-либо специальных данных или талантов для занимаемой им должности а также никаких знаний в области коммерции и производства. Он прежде всего партийный работник, а затем уже комиссар продовольствия.

Он старается использовать продовольственную проблему в интересах своей партии и предлагает нам скупать продукты и передавать их ему, а он таким образом будет способствовать упрочению власти эсэров. [218-219]

Центродом сделал нам подобное же предложение, с той лишь разницей, что он просил нас сначала самим наладить все дело снабжения населения, а затем уже передать им готовый продовольственный аппарат.

По моему мнению, нет никакой возможности произвести какие бы то ни было улучшения в этой области раньше, чем через два месяца и всякая политическая партия, пожелавшая бы справиться сейчас с продовольственной разрухой, не добьется никакого успеха у масс. Исходя из этого, я не советовал бы и нам браться за это дело. Наши интересы будут соблюдены наилучшим образом, если мы станем закупать продукты продовольствия всеми возможными способами и затем передавать их местным организациям, оповещая население о всех наших продовольственных операциях».

Недостаток в пищевых продуктах, естественно, привел к повышению цен на все товары. Искусственность каждой денежной системы ясно обнаруживается в эпоху революции: когда истощаются реальные ценности, покупательная способность денег почти перестает существовать. Монеты из драгоценных металлов исчезают из обращения потому, что население прячет их. Бумажные деньги играли весьма большую роль в денежном обращении России, но николаевские кредитки были довольно солидно обеспечены золотом и, если они и стояли несколько ниже своего золотого паритета, то лишь очень незначительно. В довоенный период кредитный рубль почти равнялся одному английскому флорину, т. е. их давали десять за один золотой соверен.

Будучи в Баку элементом пришлым, нам было, понятно, выгодно понизить местный курс на золото или на эффективы, обеспеченные золотом; первое время мы получали за фунт стерлингов 56 николаевских рублей. Я привожу цены на все в николаевских деньгах, дабы облегчить читателю понимание состояния местного рынка, хотя в действительности за некоторые товары мы расплачивались бутафорскими бакинскими деньгами, а в некоторых случаях пускали в ход и керенки.

Сделав краткий обзор экономических условий Баку, я могу снова вернуться к рассказу о моих дальнейших злоключениях. [219-220]

Ознакомившись короче с общим положением вещей в Баку, я пришел к убеждению, что наилучшим способом разработки нашего главного задания—господства на Каспийском море будет детальное ознакомление со всеми каспийскими портами, значение которых, в смысле стратегическом и экономическом, мало чем отличалось от Баку.

Я решил рискнуть подвергнуться нападению большевистских морских пиратов и съездить в Дербент, где мне хотелось повидать Бичерахова и разузнать, можно ли будет ему работать с нами. Обратное в Баку я должен был вернуться через 48 часов, а затем отправиться в Красноводск для осмотра порта (чего особенно добивался Норисс); из Красноводска я предполагал ехать в Энзели, где мне нужно было завершить переговоры с Кучук-ханом, озаботиться о присылке нам дальнейших подкреплений и наладить снабжение войск рисом из провинции Гилян. Из Энзели мне необходимо было еще заехать в Ленкорань для того, чтобы подбодрить тамошнюю маленькую армию и подготовить оттуда набег на север на железнодорожную линию, с целью дезорганизации турецких связей с тылом; к тому же в Ленкорани можно было сделать большие запасы продовольствия.

Намеченный мною маршрут был выполнен лишь частично: я сумел побывать только в Энзели. В Дербент я, в конце концов, не попал, а мой план согласования закавказских операций с нашими бакинскими задачами решено было пока не осуществлять, так что вся остальная часть моего предполагаемого маршрута осталась невыполненной.

В 9 часов вечера, 20 августа, я отплыл из Баку с намерением прийти в Дербент (180 миль плаванья) к обеду, на следующий день. Нам было известно, что большевистские суда шныряли вокруг да око-

ло, но я почему-то верил, что мы не повстречаемся с ними. К несчастью, Бичерахов только совсем недавно выгнал большевиков из Дербента и не имел еще в своем распоряжении вооруженных судов для охраны побережья, что давало нам основание предполагать присутствие большевистских пиратов в районе дербентского рейда.

Все утро 21-го августа мы шли хорошим ходом, справлялись с противным северным ветром, и к 4-м часам дня стали [220-221] уже подходить к Дербенту, когда заметили у берега какое-то судно, стоящее на якоре. Я был на капитанском мостике вместе с командиром Нориссом и мы заметили беспокойство нашего капитана, который, приглядевшись к незнакомому судну, заметил: «Вид этого судна мне что-то не нравится. Я думаю, что это «Узбек», а это судно самое злое из всей большевистской флотилии». «Продолжайте держаться вашего курса, и посмотрим, что из этого получится», - посоветовал Норрисс и мы продолжали идти параллельно «Узбеку», на расстоянии тысяч двух ярдов от него, с намерением свернуть в дербентскую бухту, которая была от нас еще милях в четырех. При нашем приближении к незнакомому судну, последнее вдруг выкинуло сигнальные флаги, значение которых было: «Идите к нашему борту». Это требование свидетельствовало, что перед нами было неприятельское судно. Теперь мы могли сделать одно из двух: либо рискнуть быть обстрелянными с неприятельского судна и пройти перед носом «Узбека» в дербентский порт, прежде чем судно успеет сняться с якоря, либо повернуть в открытое море. и взять курс на Баку. Первый маневр был вполне возможен, но если бы он был удачно выполнен, мы оказались бы запертыми в дербентской бухте, так как «Узбек» стал бы крейсировать у входа в нее и мог задержать нас на весьма неопределенное время, что было для нас совершенно неприемлемо. Таким образом мы решили уходить.

Едва только «Узбек» заметил перемену курса «Крюгера», как открыл по нам огонь с незаурядной меткостью: снаряды стали ложиться около самого борта и только наше превосходство в скорости дало нам возможность уйти из под обстрела и избежать преследования. Так бесславно завершился наш первый морской бой на Каспийском море... Я решил, что немедленно же по возвращении в Баку я воспользуюсь этим случаем для того, чтобы убедить директорию согласиться на вооружение торгового флота. На этот раз мне, действительно, удалось настоять на своем, так что, до некоторой степени, мы все же оказались победителями в этом бою. Большевики же, конечно, достигли большого успеха, помешав моей встрече с Бичераховым, которая могла иметь для них серьезные последствия. [221-222]

Мы вернулись в Баку 23-го августа и я не хотел дожидаться, пока диктаторы согласятся, наконец, на вооружение торговых судов. Норрисс же делался все нетерпеливей, так как он до сего времени еще не привык к медлительности и нерешительности революционной тактики.

Нашим очередным делом было подготовиться к возможной эвакуации города и наметить общий план эвакуации, базируясь на концентрации войск в той части порта, где стояли наши суда, так как это место казалось мне наиболее удобным для посадки войск. Но затем оказалось, что в Баку имелась гораздо более удобная для этой цели пристань, дальше к востоку, о существовании которой я не подозревал: она была обнаружена лишь благодаря туркам. Обстрел наших судов стал вестись с такой меткостью и таким упорством (правда, «Крюгер» ни разу не получил ни одной пробоины), что нам пришлось искать другого места стоянки, и вот в поисках удобного укрытия от турецкого огня мы совершенно случайно открыли пристань около арсенала, которая оказалась превосходной во всех отношениях и где при эвакуации Баку и была посадка наших войск, на транспорты.

Со стороны директории неоднократно делались попытки отнять у нас пароходы «Курск» и «Або». «Крюгера» они у нас отнимать не собирались и на этом судне все время находился мой штаб, к которому директория относилась с должным уважением. Каждый из наших пароходов постоянно тщательно охранялся. На все запросы диктаторов мы давали всегда уклончивые ответы, составленные в самом изысканном революционном стиле, и суда неизменно оставались в нашем владении.

В ночь на 24-е августа турки очень энергично обстреливали город, наводя панику на обывателей, не причиняя, однако, городу никакого серьезного повреждения и даже оказывая нам услугу, заставляя жителей не забывать, что враг не дремлет. Днем, когда обстрел прекращался, население умеряло свою энергию в отношении защиты города, когда же снаряды снова начинали рваться на улицах, обыватели с новыми силами бросались на передовые позиции и местные войска сразу же делали большие успехи в восприятии военной науки.

К этому времени мы успели уже навести порядок повсюду. [222-223]

Армянские войска были уже недурно обучены и в городе вели себя удовлетворительно, хотя по прежнему старались уклониться от несения службы в окопах. Полковник Уорден был назначен инспектором пехоты и на его обязанности лежало объезжать ежедневно всю линию фронта из конца в конец и следить за тем, чтобы местные войска находились все на своих местах (чего он так ни разу и не видел), чтобы они были регулярно снабжаемы пищей и снаряжением, а также выслушивать многочисленные, часто вполне основательные, жалобы и требования людей и по возможности удовлетворять их.

Это назначение принесло нам немало пользы.

Майор Ванденберг, офицер южно-африканских войск, был назначен начальником всей пулеметной обороны позиций и ввел в это дело значительные улучшения. До назначения Ванденберга на эту должность положение с пулеметами было из рук вон плохо, пулеметы были расположены кое-как: иногда их ставили прямо в окопы и стреляли из них так же, как и из винтовок, ничуть не заботясь о действительности их огня, располагая их на громадном расстоянии друг от друга. Это странное положение вещей объясняется тем, что люди смотрели на оружие не как на армейское, казенное имущество, а как на свое собственное. В одном случае майор Ванденберг, осматривая позицию, велел поместить пулеметы на указанное им место. Посетив этот же участок фронта во второй раз, он не нашел пулемета на прежнем месте, благодаря чему в том самом месте, где пространство перед окопами нужно было взять под перекрестный огонь, образовался прорыв. Возмущенный майор стал наводить справки и получил следующее объяснение: «О, этот пулемет принадлежит N; он теперь ушел на отдых и взял с собой свой пулемет».

Подобное идиотское поведение местных войск было невыносимо. В городе мы открыли инструкторскую школу обучения пулеметной стрельбе, которая должна была принести нам большую пользу, научив их обращаться с этим оружием.

Полковник Раулинсон был поставлен во главе работ в арсенале, где он вскоре же начал создавать порядки из царствовавшего там хаоса. Когда же мы приняли арсенал, то все его содержимое было свалено, как попало, в одну кучу с того самого [223-224] времени, когда разоружали войска Петрова и Шаумяна: при разгрузке их судов снаряжение и амуниция всех родов и видов наваливались без всякого разбора на лежавшее уже на складах имущество, которое тоже было не рассортировано. Удовлетворить какое-нибудь требование действующих войск в нужный момент было невыносимо: например, снаряды одного определенного калибра приходилось выискивать в общей груде имущества. Склады оружия были частью заняты всякими медикаментами, граммофонами, швейными машинами и прочим скарбом. На арсенальном дворе валялись орудия всех типов и калибров, с недостающими частями, с испорченными замками и пр. Все это было вскоре рассортировано, приведено в должный порядок и отправлено на фронт; до того же времени, пока мы не привели в полную боевую пригодность, тридцать штук хороших метких орудий, в нашем распоряжении была всего одна английская батарея: 8-ая батарея королевской полевой артиллерии.

К каждому местному батальону или к батарее был прикомандирован наш офицер с целью поднять боеспособность данной армейской единицы.

Затем мы решили влить наши части в местные войска для того, чтобы поднять дисциплину в последних. Предположено было придать по три местных батальона к каждому из наших трех батальонов: батальону Северо-Стаффордского полка и батальонам Варвикскому и Уорчестерскому; командиры каждого из наших трех батальонов делались, таким образом, командирами вновь сформированных маленьких бригад. Мысль эта была превосходна, но она встретила столько бессмысленных препятствий на пути своего осуществления, что ее так и не привели в исполнение до самого дня нашей эвакуации. Я посетил военного министра и убедил его в необходимости произвести это переформирование. Я повидал и командующего войсками и получил также его согласие; затем все пять диктаторов пришли к соглашению по этому вопросу с армянским национальным советом, но расстояние от слов до дела в Баку было так велико, что когда они начали приводить нашу мысль, в исполнение, она уже оказалась бесполезной.

24-го августа, вечером, я отплыл в Энзели, куда прибыл 25-го, после полудня. Мир с Кучук-ханом был окончательно заключен. [224-225] и сам Кучук-хан сделался нашим единственным контрагентом по поставке из Гиляна риса для армии. Пришли мы с ним к соглашению и относительно военнопленных и капитан Ноель был, наконец, освобожден. По вопросу об обмене пленными возникло следующее затруднение: производить ли обмен пленными автоматически или спрашивать в каждом отдельном случае согласие на то заинтересованного лица. Взятые нами в плен под Рештом австрияки, которые, кстати сказать, довольно охотно перешли на нашу сторону, ни под каким видом не хотели возвращаться к джангалийцам. Но Кучук-хан, очевидно, хотел сказать им пару теплых слов и поэтому не соглашался освободить Ноеля до тех пор, пока мы не выдали ему его австрияков.

Этот визит в Персию должен был быть моим последним путешествием, так как события в Баку приближались к роковой развязке и мое присутствие там было необходимо. Я постарался на вербовать среди офицеров и людей энзелийского порта возможно больше народу для пополнения рядов моих бакинских защитников и захватил еще с собой все количество продовольствия, которое мне удалось здесь получить. Командование казвинскими силами было передано теперь бригадному генералу индийской армии, и я уже больше не являлся ответственным за положение дел в Северной Персии.

27-го августа мы прибыли в Баку, привезя с собой еще партию четырехдюймовых и двадцатифунтовых орудий и снаряжение для нашего вооруженного флота. Мы прекрасно сделали, что захватили с собой этим рейсом эти орудия, так как с этого дня сообщение с Энзели сделалось очень затруднительным.

Полковник Кейворт явился с рапортом на борт судна и доложил мне, что турки 26-го августа повели наступление на Грязный Вулкан, причем туркам удалось удержать на этом участке позиции и наши потери оказались довольно значительными. Подробности этого дела я приведу дальше. Было очевидно, что турки получили уже ожидаемые ими подкрепления и готовились к решительному форсированию города. Если бы мы смогли получить новые подкрепления из Персии, то исход событий не внушал бы нам никаких опасений, но если бы таковых подкреплений нам не прислали, то весь вопрос обороны Баку дол [225-226] жен был свестись к затягиванию сдачи города неприятелю и подготовке нашей эвакуации.

Турки, конечно, оказались достаточно мудрыми для того, чтобы предвидеть все это, а потому, имея в виду воспрепятствовать дальнейшей отправке подкреплений из Персии, они повели наступление от Тавриза в Казвинском направлении в надежде, что эта угроза прекратит дальнейшую отправку войск в Баку. Этот маневр был нами уже давным-давно предвиден, но у нас все же не было достаточных сил для того, чтобы не дать туркам возможности занять Куфлан-Кух - сильнейший пункт по всей этой линии. Эта позиция была теперь занята турками и дорога на Казвин была для них открыта. Собственно говоря, турки не делали серьезных попыток наступления на Казвин: им было важно только помешать отправке новых подкреплений в Баку, что и было ими достигнуто. Даже одиночные офицеры моего отряда, в чьей службе я сейчас так сильно нуждался, не могли выехать из Персии, благодаря серьезности угрозы со стороны турок.

Как то объезжая наши позиции с полковником Арутюновым, я был буквально поражен при виде тех успехов, которые были достигнуты местными войсками в смысле выправки и дисциплины. Если бы только у нас было достаточно времени, мы сумели бы сделать из них отличный боевой материал. Однако, снаряжение, как орудийное, так и ружейное, все еще продолжало тратиться совершенно зря, несмотря на строжайший приказ об экономии военных припасов. Я обратил внимание одного армянского полковника, который командовал правым участком позиций, на его артиллерию, которая палила, по видимому, совершенно бесцельно. «Да, - отвечал полковник, - они стреляют не по неприятелю, но люди в окопах очень любят, когда стреляют наши орудия, и если я не буду постреливать время от времени, то они не станут сидеть в окопах.»

Обстрел моего судна, гостиницы «Европа» и вообще всего города сделался теперь настолько метким, что я мог объяснить себе подобную точность пристрелки только тем, что неприятель имел телефонную связь с городом и что их артиллерийский наблюдатель находился, вероятно, всего в ста шагах от места моей резиденции. Я не думаю, чтобы кто-нибудь из артиллерийских офицеров мог бы дать этому какое-либо другое [226-227] объяснение. Конечно у турок имелись карты города крупного масштаба, при помощи которых они, даже и без непосредственного наблюдения, могли довольно точно обстреливать любой сектор города, но их артиллеристы вели пристрелку с такой математической точностью, что я просто поражался.

С моего корабля, стоявшего на якоре в открытом море, на почтительном расстоянии от города, можно было ясно видеть, как турецкая артиллерия пристреливалась по «Крюгеру». Первый снаряд ложился, например, в городе, второй на полпути к «Крюгеру», следующий - у самого борта, четвертый проносился между мачтами корабля, и затем уже, если наводчик получил бы указание, чтобы он взял цель в вышку, мы должны были бы получить две очереди снарядов из всей батареи. По какой-то странной случайности жертвой турецкой артиллерии делалось все, за исключением моего доблестного «Крюгера». Судно, стоявшее сейчас же за кормой «Крюгера» (к счастью, на нем никого не было в этот момент) было затоплено, а другой раз турецкий снаряд попал в ящик с патронами, сложенными на берегу, в трех шагах от борта «Крюгера»: несколько ящиков были разбиты вдребезги, два человека были легко ранены, но, по счастью, взрыва остальных ящиков не последовало.

Примеры подобной систематической пристрелки турецкой артиллерии можно было наблюдать каждый день и было совершенно ясно, что такой меткости стрельбы можно было достигнуть лишь при помощи телефонной связи, но мы так и не смогли обнаружить ее.

С такой же меткостью, но и с таким же незначительным ущербом в отношении человеческих жертв, обстреливалась и гостиница «Европа». В самое горячее рабочее время дня несколько снарядов попало в некоторые из пустых комнат отеля. Писари за своими столами были засыпаны штукатуркой и одна русская барышня, машинистка, была опрокинута взрывом снаряда в соседней комнате; майор Ньюком как-то раз едва избежал смерти. Вскоре мы должны были очистить верхний этаж, а затем и совсем покинуть это здание и перенести наш штаб в гостиницу «Метрополь», на которую турки немедленно же перенесли свое благосклонное внимание. В конце концов оба отеля оказались сильно поврежденными и несколько случайных прохожих на [227-228] улице и кое-кто из прислуги были убиты, но из моего отряда никто не пострадал.

В этот период осады города я почти все время оставался на борту судна, но иногда переселялся в роскошные комнаты «Европы». Это было для меня очень неудобно, но мне пришлось однажды ночевать в этой гостинице целую неделю, так как наши недоброжелатели распространили по городу слухи, что

английский генерал всегда ночует в открытом море на предмет бегства в случае серьезного наступления турок. В первые несколько дней моего пребывания в отеле, ко мне подсылали людей, дабы убедиться, что я действительно нахожусь здесь.

За нами очень внимательно следили различные политические партии и в городе находился также один из представителей русской миссии в Тегеране. Я принимал всевозможные депутации, ежедневно и часто беседовал с ними на борту «Крюгера». В числе многочисленных депутатий ко мне явилась депутация от местных русских дельцов, которые могли бы мне дать немало полезных советов и указаний, но достаточно было только одного подозрения, что мы действуем в контакте с ними, как наш престиж был бы поколеблен, так как они были заклеены здесь кличками „буржуи" и «контрреволюционеры», так что я даже избегал встречи с ними. Я имел также однажды интересную беседу с одним из влиятельных татар, с интеллигентным и весьма образованным человеком, но меня предупредили, что моя связь с этим достойным джентльменом может вызвать брожение в городе, так что и в этом случае мне пришлось спастись. Останься мы в Баку еще некоторое время, я уверен и по сей час, что нам удалось бы примирить армян с татарами, но при существовавших условиях для того, чтобы повидать этого татарского джентльмена, мне пришлось пробираться в глухую полночь по узким улицам города, в сопровождении одного лишь проводника, в татарский квартал, где меня со всеми предосторожностями впустили в какой-то подозрительный дом.

Ежедневно пароходы, переполненные беженцами, отплывали в Красноводск. Их отъезд был нам очень на руку, так как всякое уменьшение гражданского населения города облегчало продовольственный кризис.

Полковник Шардиньи, из французской миссии на Кавказе, [228-229] был также в это время в Баку и мы с ним обсуждали вопрос о том, до какой степени стоило бы произвести разрушение нефтяных промыслов и заводов перед сдачей города неприятелю.

Из местных моих советников самым полезным оказался г. Дана, американский гражданин, который работал в Баку на нефтяных промыслах и теперь находился не у дел. Я прикомандировал его в качестве помощника и переводчика к полковнику Раулинсону. Дамы из бакинской английской колонии были приглашены нами в качестве сестер милосердия.

Капитан Ноель, только что освобожденный джангалийцами, прибыл, наконец, в мое распоряжение и ему было немедленно же поручено разработать план налета на турецкие пути сообщения в том районе, с которым он имел возможность еще ранее ознакомиться. Полковнику Раулинсону была поручена аналогичная же операция в районе Ленкоранского уезда и Муганской степи. Подобного рода задания имели по необходимости характер авантюры, но шансы на успех были довольно значительны; так или иначе, но развязка всей трагикомедии оказалась слишком близкой и ни одна из наших авантур не была приведена, в конце концов, в исполнение.

Полковник Баттин, который находился в самых лучших отношениях с Куном, диктатором Красноводска, приехал ко мне на совещание 29-го августа и вернулся к себе в Красноводск в тот же вечер. Приезжали также представители из Ленкорани; таким образом, мы сумели отлично наладить и согласовать нашу работу во всех соседних районах. Мне хотелось, в особенности, сохранить хорошие отношения с Красноводском, так как я надеялся, что после сдачи Баку мне удастся переформировать свои войска в Энзели и оттуда уже двинуться на Красноводск, дабы возобновить свои дальнейшие операции уже в Туркестане, базируясь на Красноводске, действовать совместно с отрядом генерала Маллесона, который оперировал по линии железной дороги к северу от Мешеда.

Майор Рауландсон, которого я отправил вместе с отрядом Бичерахова, показал себя отличным и самоотверженным служакой, ему было поручено добраться со специальным поручением к полковнику Пайку на северный Кавказ. Последний был [229-230] убит и Рауландсон, после долгих испытаний, едва сумел вырваться от большевиков, окруживших в то время Владикавказ. Майору Хасламу, офицеру королевских инженерных войск, приказано было озаботиться устройством проволочных заграждений на наших линиях. Он производил работы на участке фронта близ Грязного Вулкана, когда турки, 26-го августа, внезапно перешли здесь в наступление. Хаслам сейчас же стал в ряды защитников и был убит наповал.

Местные армянские офицеры прилагали все усилия к тому, чтобы заставить своих людей идти в бой и, если армянские солдаты тем не менее отказывались сражаться, то в этом никоим образом нельзя было винить их руководителей. Среди последних были очень brave люди, как, например, полковник Амазасп и полковник Арутюнов. Обвинять бакинских армян в измене и предательстве безусловно неосновательно. Отдельные личности, возможно, и имели намерение предать и нас и город, но я не имею доказательств даже и подобным одиночным явлениям. Не нужно забывать, что Шаумян, вождь бакинских большевиков, был сам армянином и был, понятно, против нас, но не как армянин, а как большевик. В заключении всего сказанного о бакинских армянах я замечу, что хотя случаи истинного героизма среди мужчин были довольно редки - случаи проявления храбрости и стойкости среди них мне прихо-

дилось наблюдать неоднократно; армянские же женщины на линии огня вели себя, как героини. Причины отсутствия боевого духа у мужчин, в целом, мною уже были объяснены: дело было не в трусости, но, главным образом, в недостатке понимания основных принципов военной службы и дисциплины. Однажды турки вышли со своих позиций и среди бела дня двинулись по открытой долине, по которой пролегал железнодорожный путь, с явным намерением атаковать один из участков нашего фронта.. Один из моих офицеров, командовавший армянским батальоном, командовал своим людям выйти из окопов и перейти в контратаку. Войска отказались двигаться и их представитель воскликнул: «Как идти туда? Да ведь там же турки»!

Командир Норрис также имел случай ознакомиться ближе с бакинским флотом и революционными методами ведения войны. Он отправился на одной из канонерок с целью обстрелять [230-231] турецкие поезда с моря, по линии железной дороги, южнее Баку. Железнодорожная линия пролежала на расстоянии, примерно, тысячи ярдов от берега и проходящие по ней поезда представляли из себя отличную мишень для морских орудий. Когда была выбрана удобная дистанция, из орудий был открыт огонь, но пристрелка была плоха и результаты обстрела оказались ничтожными. Норрис тогда посоветовал капитану подойти ближе к берегу и, сократив расстояние до цели, сделать стрельбу более меткой. Едва только были даны соответствующие распоряжения, как на лицах матросов появилось выражение недоумения и недовольства и немедленно же за этим к капитану явился их представитель: «Команда, - начал он, - хочет знать, что означает эта перемена курса». Капитан ответил: «Английский адмирал полагает, что стрельба будет более меткой, если мы станем ближе к берегу». На это представитель возразил: «Судно должно взять немедленно же свой прежний курс и никаких изменений в направлении не может быть сделано, пока это дело не будет обсуждено комитетом». Пришлось взять прежний курс, комитет собрал заседание, где было единодушно постановлено, что в виду того, что у неприятеля имеется нулевая артиллерия, где-то здесь поблизости на берегу, приближаться к берегу, несомненно, опасно, так как судно может стать под огонь неприятеля. По этим соображениям приказ капитана был отменен и комитет издал свой собственный, гораздо более безопасный, приказ: немедленно же идти в Баку, что и было выполнено и предполагаемые операции были отложены до более удобного случая. [231-232]

Враг у ворот

НЕОЖИДАННОМУ открытию бухты мы были обязаны экипажу «Крюгера, который искал убежища от огня неприятельских батарей. Описанный мною случай, когда едва не взорвались наши склады снаряжения, показывал, что турки были превосходно осведомлены о местонахождении моего штаба. Перенесение нашей стоянки дальше в восточном направлении вывело бы нас совершенно из сферы артиллерийского огня или, по крайней мере, заставило бы неприятеля потерять время на новую пристрелку. Таким образом, едва начался новый обстрел «Крюгера», как команда судна, не дожидаясь приказаний (и даже не собирая заседания комитета), поставила наш корабль в новую бухту, которая, повидимому, была ими уже заранее намечена. Я не возражал: мне также, как и матросам, нимало не хотелось оставаться под обстрелом, да к тому же новая бухта представляла много удобств на случай эвакуации. Эта бухта прилежала к наименее оживленной части города у арсенала и дорогу к ней легко было разыскать даже ночью. «Крюгер» стал на якорь в восточной части бухты, «Курск» - в западной, а «Або» расположился у ее наружного мола.

Нашим частям были даны подробные указания, как добраться с позиций к новой пристани в случае, если последует приказ об эвакуации.

В настоящей главе будет необходимо привести несколько выдержек из моей переписки с местным правительством. Не нужно, однако, заключать из этого, что я перенял от революционеров их страсть к писанию. Наоборот, я всегда очень неохотно брался за перо в сношениях с местными властями, но зафиксировать все эти перипетии черным по белому было совершенно необходимо для того, чтобы местные власти не стали потом говорить, что они не были предупреждены обо всем. [232-233]

В своих письмах я обычно приводил сущность наших словесных переговоров, а записывал я их для того, чтобы на них всегда можно было сослаться; на первых же порах вся моя работа велась почти исключительно устно. В некоторых случаях личные переговоры были недоступны вследствие того, что в нужный момент нельзя было разыскать того лица, с которым ты хотел бы переговорить. Пятичасовый обеденный перерыв - вещь довольно обычная во всех гражданских и военных канцеляриях Баку. Но зато из этого обычая встречались иногда весьма похвальные исключения; вообще же, нужно сказать, что русские - превосходные ночные работники и они, надо полагать, произносили речи и выносили свои резолюции в те часы суток, когда мы, англичане, безмятежно покоились в постелях.

Остается теперь описать ту стычку, которая имела своим последствием занятие турками Грязного Вулкана 26-го августа. К этому дню общая дислокация наших войск была, приблизительно, такой, какой я описал ее в главе XIII. Я посетил однажды этот участок позиций и имел беседу с командиром части, занимавшей этот сектор, относительно установления связи с армянскими войсками на станции Баладжары. Имея в нужный момент под рукой резерв в Баладжарах, защищать эту позицию было бы не трудно, но если эти резервы оказались бы не на высоте своего положения, то удержать позицию против серьезной атаки, при наличии одних только дежурных войск, было бы невыносимо. Позиция была связана телефоном со станцией Баладжары, но даже в случае, если бы эта связь оказалась прерванной, верховой всегда мог дать знать об опасности. Насколько я знаю, этого армянского резерва никогда не было там, где ему полагалось быть, хотя полковник Казаров, начальник этого участка фронта, уверял меня, что его люди были всегда на месте, за исключением того дня, когда в них оказалась нужда. В этот именно день произошло какое-то недоразумение со сменой войск: сменяющие части ушли в город, а их смена не дошла еще до Баладжар, когда турки повели наступление.

В атаке приняли участие лучшие турецкие войска, очевидно, специально для этой цели назначенные, так как они вели наступление с необычайной храбростью и решимостью. Численность атакующих была невелика и если бы, когда уже выяснилось, что баладжарские резервы не помогут, местные бакинские части, находившиеся по обе стороны Грязного Вулкана, ударили бы во фланги наступавшей турецкой колонне, то атака была бы отбита. Но они ничего не предприняли и ограничились, как обычно, ролью пассивных, незаинтересованных наблюдателей.

Лучше всего будет привести донесение полковника Фавиеля, командующего 39-й бригадой:

«Турецкая атака 26-го августа 1918 года.

Участок позиций Грязный Вулкан был занимаем ротой «Д» Северо-Стаффордского полка, под командой капитана Спарроу. Атака началась в 10 час. 30 мин. утра. В этот час к юго-западу от Грязного Вулкана было замечено движение неприятеля, который вел наступление четырьмя правильными цепями, с отрядом кавалерии на своем левом фланге.

Силы атакующих были определены, приблизительно, в тысячу человек.

Атака велась с большим ожесточением и поддерживалась огнем тяжелой и легкой артиллерии по нашим позициям. Движение цепей было задержано на довольно продолжительное время нашим пулеметным и ружейным огнем. Пять повторных атак было произведено на пост №1. Пятой атакой защитники были выбиты из окопов на этом участке.

Около половины первого дня неприятелю удалось зайти с северного фланга Грязного Вулкана и, доставив сюда пулеметы, они открыли фланговый огонь по постам №№2 и 3; в это же время мы сумели отбить неприятельскую атаку на наш южный фланг. К половине второго посты №№2 и 3 были заняты неприятелем; всего только человек шесть людей спаслись от этой атаки.

Все офицеры оказались выбитыми из строя, а всего (вместе с офицерами) мы не досчитываемся 80-ти человек. Подкрепление, состоявшее из 60-ти человек Северо-Стаффордского полка, 70-ти человек Варвикского батальона под командой майора Лея, посланных на грузовиках из Баку в 1 ч. 30 м., прибыло слишком поздно, чтобы спасти положение. Одна рота 9-го Уорчестерского полка была послана по приказанию майора Лея в качестве дальнейшего подкрепления в 3 часа из города, и прибыла к нам около половины четвертого. [234-235]

В связи с описанными операциями неприятель предпринял атаку на высоты к северу от деревни Бинагады. Эти высоты занимал армянский батальон.

При атаке на Грязный Вулкан одна рота северо-стаффордцев была послана к деревне Бинагады для поддержки находившегося там армянского батальона. Прибыв на место в 12 час. 15 мин., эта рота, видя, что здесь нет никаких войск, стала подниматься на гору и, достигнув ее вершины, заметила, что около 250-ти турецких солдат взбираются на эту же гору с противоположной (северной) стороны. Авангард роты сейчас же занял пустовавшие окопы пониже гребня высот и открыл бешенный огонь из винтовок и пулеметов Люиса, отогнав неприятеля с тяжелыми потерями. Потери нашей роты незначительны: около десяти человек убитых и раненых, включая лейтенанта Крэга, командира роты, и лейтенанта Макбета; оба они ранены. Вскоре затем неприятель оправился и повел наступление вторично, но это наступление было легко отбито прежде, нежели турки успели подойти к подошве высот. Неприятель отступил в беспорядке».

После того, как нам пришлось оставить позицию у Грязного Вулкана, мы заняли линию к северу от деревни Бинагады по направлению к железнодорожной станции Баладжары; по этой линии мы заняли два промежуточных пункта: пост около нефтяных вышек к востоку от Вулкана был занят ротой Варвикского батальона, а одна рота Северо-Стаффордского полка заняла пункт к югу от этого места, у станции Баладжары*).

Самоотверженность этой роты Северо-Стаффордского полка на этот раз спасла Баку и еще раз отложила момент неминуемой сдачи города. Окажись бы под ударом турецкой атаки местные войска, турки безусловно прорвались бы на этом участке позиций и, перейдя линию высот, ворвались бы в самый центр города. После этого случая передо мной встал следующий серьезный вопрос: имею ли я право подвергать смертельной [235-236] опасности жизнь стольких людей, когда почти нет надежды на благополучный исход всего этого предприятия?

Снабжение войск встречалось также с серьезными трудностями. Мы никогда не ощущали недостатка в хорошем, свежем мясе и хлебе, но все, что делает пищу более полезной и удобоваримой, как, например: овощи, варенье, масло и молоко получить было невозможно. Мне посчастливилось получить из Энзели превосходный мед, и как то раз или два солдаты были обрадованы выдачей бакинского пива, которое несколько напоминало настоящее. В Баку, где дешевые вещи были дороги, а дорогие дешевы, я имел возможность включать в солдатский паек самые изысканные деликатесы, как, например: свежую икру, но икра требует изощренного вкуса и солдаты, которые называли это общепризнанное лакомство «селедочной мазью», не очень любили его.

Другой трудностью была нужда в перевозочных средствах. С нами было несколько полугрузовиков - фордов 730-й автомобильной роты, которые после девятимесячной труднейшей работы все еще исправно несли службу, но число их было очень недостаточно. Такому хорошему состоянию машин мы были всецело обязаны заботам капитана Алдгама, который сопровождал нас с самого начала нашего похода, нянчился с автомобилями, как со своими собственными младенцами.

В городе имелось много моторных транспортных средств, требовавших более или менее серьезного ремонта. Одна из наших инженерных рот могла бы в несколько дней пустить в ход большинство этих машин, но эти революционеры со своими комитетами неспособны ни к чему. Решительно все дела обсуждаются комитетами и, даже если решение комитета оказывается благоприятным, то всякие проволочки обычно тянутся так нескончаемо долго, что ко времени окончательного разрешения вопроса он теряет уже весь смысл. В каждом батальоне имеется свой комитет и в каждой роте батальона, в свою очередь,

* Местные батальоны, которым было приказано быть в резерве у Баладжар, к моменту атаки еще не вышли из Баку: повидимому, они либо отказались прийти на помощь, либо их командиры не передали вовремя приказа командующего войсками.

имеется по ротному комитету; заседания же комитетов ведутся обыкновенно в самый разгар военных действий. Я осмеливаюсь предполагать, что войска, назначенные идти на помощь защитникам позиций Грязного Вулкана, не пришли во время, потому что со [236-237] брали, вероятно, заседание своего комитета и решали принимать им участие в бою или нет.

Никчемность всех этих комитетов очевидна уже из одного того, что у них нет никакой власти для проведения в жизнь своих резолюций и солдаты, например, совершенно не считаются со своими комитетами, если их приказания не совпадают с их собственными намерениями. В конце концов солдаты могут сказать «Мы не пойдем.» Таким образом решение всех вопросов представляется весьма простым: спросить совета у самих солдат. Это, конечно, раздражало комитеты, но, во всяком случае, это так или иначе решало дело.

В России было много революционеров всякой окраски, которые расходились между собой во взглядах по многим пунктам, но все они объединялись под лозунгом свободы, равенства и братства. Вот эти самые свобода и равенство и препятствовали всяким начинаниям; каждый говорил: «Я не стану этого делать, если только этот парень не будет делать то же самое», и таким образом никто ничего не делал. Большевистские войска и начальствующие лица мыслят точно так же, как и солдаты, о которых я писал в главе III, а они говорили так: «Я большевик, но я не знаю, что значит большевизм, потому что я неграмотен. Я слушаю только то, что говорит оратор. Я хочу, чтобы меня оставили в покое и дали возможность уйти домой, но так как Казвинский комитет большевистский, то я тоже большевик. Если бы комитет был другим, то я все равно был бы вместе с ним. Ленин и Троцкий захватили прежде всего деньги и арсеналы, и если ты хотел получать жалованье, то тебе нужно было записаться в большевики; если ты хотел воевать, то ты должен был сражаться, как большевик, потому что большевики одни могли снабжать тебя продовольствием и оружием.

В придачу к этим двум большевистским вождям, все большевистские комитеты были, в известной мере, также правоверными большевиками и не согласились бы, наперекор любому обывателю, принять другую форму революционного правительства, которое сумело бы даже накормить и одеть. Люди меняют свои идеи подобно тому, как флюгер меняет свое направление, и большевик сегодняшнего дня может оказаться меньшевиком назавтра. В Баку множество прежних большевиков сделалось [237-238] с нашим приходом самыми искренними доброжелателями английского правительства и только потому, что мы являлись олицетворением золота и вооруженной силы.

Но я представляю себе, что вся Россия, к какой бы революционной группе она себя ни относилась, жаждет, подобно жителям Баку, любого правительства, которое сумело бы восстановить законность и порядок в стране. Все они больны от своих свобод равенства и братства. Революционеры, по отношению друг к другу, меньше всего братья, и все лозунги служат им прикрытием их шкурных интересов.

Вернувшись из Энзели, я имел беседу с генералом Докучаевым по поводу эпизода 26 августа. Он стерпательно заверял меня, что подобный случай несвоевременной подачи резервов во время боя больше никогда не будет иметь места. Нет сомнений, что он был проникнут самыми лучшими намерениями, но мы вскоре обнаружили, что он осуществить их никогда не сумеет.

Я обращался также к директории по поводу того же происшествия и воспользовался случаем, чтобы указать им, что я ни одного из их военных властей (за исключением фон дер Флесса) не видел еще на фронте. Все они довольствовались изучением карты в своих кабинетах и издавали приказы, основываясь на донесениях, часто ложных, а сами ни разу не делали попытки сверить эти донесения с действительным положением на фронте.

В продолжение следующих трех дней турки не давали нам ни отдыха, ни срока своими постоянными атаками; 31 августа они повели большое наступление на высоты Бинагады, которые были занимаемы нашими войсками в предвидении, что этот участок позиций легко может сделаться объектом турецкого наступления. На этот раз были приняты все меры предосторожности, но опять местные войска не выполнили своего долга. Я привожу здесь полностью донесение полковника Фавиеля:

«Донесение о турецкой атаке на бинагадинские высоты 31-го августа 1918 г.

Глухая ружейная перестрелка стала доноситься с бинагадинских высот, занимаемых одной ротой 7-го Северо-Стаффордского полка, численностью в 80 человек, под командой лейте [238-239] нанта Питти. который донес о приближении к нему сильного турецкого отряда. В 6 часов утра последовало второе донесение с указанием, что силы противника, численностью в 500 штыков, накапливаются у подножия западных склонов высот. Донесения, получавшиеся в этот момент с других пунктов позиций, подтвердили донесение лейтенанта Питти и было очевидно, что неприятель готовил атаку.

Я немедленно же дал знать обо всем в штаб отряда и приказал одной роте Варвикского батальона у Дыга двинуться к центру нефтяных промыслов Бинагады и оставаться там в качестве резерва. Одновременно с этим я попросил полковника Назарова, командующего правым участком позиций, двинуть бронированный поезд к ст. Баладжары и начать демонстрацию против Грязного Вулкана. Атака, при поддержке пулеметов и штук двенадцати горных и полевых орудий началась около 6-ти часов утра. Пуле-

меты, под прикрытием темноты, были поднесены на расстояние 500 шагов к нашим позициям и неприятель взял наши окопы под фланговый огонь. Эти пулеметы были поставлены на открытой позиции, без всякого прикрытия. Высоты стали обстреливаться ураганным огнем и наша защита стала нести значительные потери. Вскоре сделалось очевидным, что позицию, без нужных подкреплений, удержать будет нельзя. Русский командир, согласно моей просьбе, послал подкрепление, но оно подоспело к восточным склонам высот только после отхода наших частей. В 7 ч. 50 мин. высоты Бинагады защищать дальше было невозможно. Лейтенант Питти, командир роты, был убит и для того, чтобы избежать гибели всей роты, к половине девятого утра наши войска отступили к правому флангу Варвикского замка (участок позиций, прилегающий к высотам Бинагады). Рота Варвикского батальона с Дыга прибыла слишком поздно для того, чтобы спасти положение. В 11 час. 15 мин. неприятель повел наступление на Варвикский замок. Потеря бинагадинских высот и отсутствие помощи со стороны армянских резервных частей, расположенных в деревне Бинагады, обнажили наш правый фланг, а уход армянского батальона слева от Варвикского замка открыл неприятелю и левый фланг. Таким образом, оба фланга Варвикского замка остались висеть в воздухе и неприятель, отлично воспользовавшийся [239-240] вавшийся этим случаем, стал обходить позицию с правого фланга, и подойдя к нам шагов на сорок, заставил защитников Варвикского замка отступить, дабы избежать полного обхода и уничтожения.

Части Варвикского батальона отступили затем к линии вышек промыслов Бинагады и оттуда повернули в западном направлении. Вследствие этого наша линия приняла такой вид; от станции Баладжары к северу, по направлению к восточной окраине группы вышек промысла Бинагады, затем дальше—на Дыг, с большими интервалами.

Затем я приказал резервной роте варвиков занять линию бинагадинских вышек, но они успели укрепиться только на южном участке намеченной линии и я, считая эту позицию недостаточно надежной, перевел их шагов на двести южней, за нефтяные промысла. Не имея больше резервов в своем распоряжении, я решил, что и эти позиции нельзя будет удержать за собой при наличии только уцелевших войск, а потому, попросил разрешения отвести их на линию деревни Баладжары, вдоль железнодорожной насыпи к западному углу Дарнагульского соленого озера. Получив на это разрешение, я отвел войска на упомянутую линию после наступления сумерек. Две роты Варвикского батальона на Дыге были поручены майору Дейрелю; дыгская позиция была атакована турками в тот же вечер: подробности этой атаки я сообщаю в специальном донесении.

Наши потери: один английский офицер убит и один умер от ран; тридцать четыре нижних чина убитых, раненых и пропавших без вести. Есть сообщения, что потери противника очень значительны. Неприятельская атака велась с большим ожесточением и решимостью. Не имея под рукой резервов для оказания помощи войскам на высотах Бинагады, держаться дальше на этой позиции было совершенно бесполезно и наша сдача делалась лишь вопросом времени».

В то время, когда развивались эти события, я встретил в городе майора Энгельдью с одним из местных батальонов. Это был такой момент, когда люди, не дожидаясь никаких приказаний, сами должны были бы броситься на фронт, однако, солдаты этого батальона, повернув свои спины врагу, стали уходить [240-241] в город. Майор Энгельдью с двумя другими английскими офицерами тщетно пытались остановить их. Наконец, ему удалось удержать их на линии железнодорожного полотна, но к этому времени уже две трети людей успели уйти в город. Этот офицер остался на своем посту и, честно выполняя свой долг с остатком местных войск, был тяжело ранен в последних боях 14-го сентября.

Результатов этого дня было вполне достаточно, чтобы я преисполнился негодованием. Я вернулся в город, поговорил с командующим войсками, со всеми пятью диктаторами и зафиксировал затем свое мнение в нижеследующем письме:

*„Бакинскому Временному Правительству.
(Копия начальнику штаба).*

Милостивые государи.

Считаю своим долгом поставить вас в известность о моем мнении о стратегическом положении в Баку.

Начнем с самого начала.

Вам известно, что шесть месяцев я искал случая помочь Баку.

В конце июля большевистское правительство в Баку было свергнуто и я был приглашен прийти на помощь городу. К этому времени я располагал небольшим числом войск и даже из наличного количества их я мог прислать в Баку только немного, вследствие общих осложнений в Персии и движения Кучук-хана. Я, наконец, заключил мир с Кучук-ханом и постарался послать вам все те войска, которые только оказались свободными. Затем я телеграфировал в Багдад и наладил регулярную отправку войск в Баку, по мере того, как они прибывали из Багдада.

Не нужно забывать, что от Багдада до Энзели 900 верст; дороги в плохом состоянии и передвижение по ним войск, даже на автомобилях, требует немало времени.

По полученным мною сведениям, положение дел в Баку представлялось мне в следующем виде: активных защитников насчитывалось, приблизительно, 15.000; они были мало обучены, но все вооружены и охвачены твердой решимостью спасти свой город. Вследствие этого я охотно принял ваше предложение, [241-242] полагая, что тысячи две или три регулярных войск с артиллерией, приданные bravым защитникам города, могут сделать многое для обороны Баку.

К сожалению, бакинские власти, очевидно, ожидали прибытия по меньшей мере 16.000 английских войск, так как, не обладая в достаточной мере военными познаниями, они совершенно не учли того огромного количества времени, которое потребно для переброски стольких войск с их обозами, интендантством, амуницией, снаряжением и пр. на расстояние 900 верст. Они рассчитывали, что такое количество войск будет вполне достаточно для активной обороны города (что, конечно, вполне очевидно), в то время как местные бакинские войска уйдут совсем с фронта и в тылу займутся изучением военного искусства. Наше прибытие, как я слышал, глубоко разочаровало население и в городе стали говорить, что союзники их обманули. Но ведь было же условлено, что никаких обещаний о численности войск от меня не потребуется.

Турки не только ведут осаду Баку, но они угрожают моему тылу в Персии, наступая по направлению к Хамадану и Казвину. Возможно, что им удастся также заставить Кучук-хана нарушить наш мирный договор с ним. Таким образом, трудности доставки подкреплений в Баку в последнее время значительно усугубились и войска, предназначенные для посылки сюда, сейчас используются для операций против турок на Хамаданском и Казвинском направлениях.

В настоящий момент нельзя ожидать подхода больших подкреплений к бакинским войскам, благодаря именно тому, что турки сейчас сильно нажимают в западном направлении от нашего пути на Багдад и в результате может оказаться, что мы будем совершенно отрезаны от нашей мессопотамской базы.

Сегодня утром я был на фронте во время турецкой атаки на высоты Бинагады. Когда я подъезжал к линии позиций, то увидел многочисленные группы солдат, двигавшихся по направлению к городу. В это же время маленький английский отряд из 70-ти человек, самоотверженно обороняя свой участок позиций, просил прислать ему на помощь резерв бакинских войск, расположенных в деревне Бинагады. Осуществить контратаку против наступающих турок было бы совсем простым делом [242-243] и она была бы безусловно успешной, но просьба наших войск осталась гласом вопиющего в пустыне и им пришлось отступить и сдать свои позиции неприятелю. Кажется, какая-то горсточка войск и двинулась на помощь, но, во всяком случае, никакой серьезной поддержки нашим войскам оказано не было.

При таких условиях придется в скором времени отодвинуть нашу оборонительную линию назад, на высоты южнее полотна железной дороги. Этот маневр значительно укоротит нашу оборонительную линию, но зато новая линия будет иметь то преимущество, что она будет последним этапом отступления и сдача ее будет означать падение города. Эта новая позиция даст также возможность туркам занять весь Апшеропский полуостров к северу и востоку от города и обстреливать город в свое удовольствие со всех трех концов.

Но отойди мы даже на эти позиции, мы еще можем спасти город и порт, но только при том условии, если бакинские войска воспитают в себе то, чего у них сейчас нет: намерение сражаться решительно и не сдаваться. В противном же случае, т. е. если ваши войска будут неизменно уходить из под огня, дальнейшая оборона Баку потеря времени и человеческих жизней.

Я намерен, вместе со своими войсками, вести борьбу до конца, но воевать с такими солдатами, которые не хотят сражаться - дело безнадежное.

Баку. 31 августа 1918 года.»

После обеда я получил приглашение от генерала Докучаева принять участие в заседании военного совета в 8 час вечера. Я ответил, что хотя я не сочувствую подобного рода советам, но если уже решено его созвать, то я с удовольствием приду на заседание.

В 8 часов вечера я явился в здание, где находилось правительство. Со мною были: полковник Клеттербек и капитан Брей, полковник же Стокс присутствовал в качестве начальника штаба генерала Докучаева.

Я нашел командующего, войсками сидящим за центральным из столов, заваленным картами; он предложил мне место рядом с собой. Вся комната была наполнена членами всевозможных комитетов. Здесь были: армянский национальный совет [243-244] в полном своем составе, все пять диктаторов, рабочие депутаты, солдатские и матросские делегаты и крестьянские депутаты. Было похоже на то, что военный совет в подобном составе едва ли окажется полезной вещью.

Заседание открылось докладом генерала Докучаева, который дал очень ясную, но несколько размазанную оценку настоящего положения. Его доклад, то и дело, прерывался возгласами одобрения или порицания со стороны членов всевозможных комитетов. Но, во всяком случае, ему дали возможность, без особых помех, закончить свой доклад и он благополучно добрался до резюме своего доклада, говоря,

что: «неприятель занял пункты А и В и, вероятно, постарается занять затем пункт С, что сделает невыносимым держаться на пункте Д, а потому я предлагаю изменить нашу оборонительную линию следующим образом...»

Прежде чем он сумел справиться со своим резюме, какой-то всклоченный матрос встал со своего места, подошел к нашему столу и немедленно же приступил к изложению своего взгляда на вещи. Он воспользовался картой генерала, тыча в нее своим толстым большим пальцем, который покрывал на ней сразу больше квадратной мили местности, что делало невозможным следить за точностью его указаний. Он говорил около часу с большим подъемом и оживлением, часто повторяясь, то и дело сбиваясь со своей темы и многократно прибегая к таким давным-давно затасканным лозунгам, как: «Мы будем сражаться до последней капли крови» и т. п., что вызывало бурные аплодисменты присутствовавших. Наконец, он благополучно подошел к итогам своей речи, которые оказались прямо противоположными выводам генерала, и предлагаемые им планы шли вразрез с планами командующего войсками: предлагаемая им новая оборонительная линия не имела ничего общего с линией, намеченной генералом.

В заключение матрос сказал приблизительно следующее: «Генерал говорит, что турки занимают сейчас такие-то вот пункты. Это - не так: их линия проходит в данный момент следующим образом (и он стал очень подробно разъяснять нам воображаемую турецкую линию). Он сказал, что мы должны были сдать пункт В; это - не так: я только что получил известие от [244-245] моего друга, который сейчас находится там. Генерал говорит, что мы должны будем занять такую-то новую оборонительную линию. Он совершенно не прав: этой линии не нужно вовсе занимать, а занять вот какую позицию (снова подробности). Совет генерала—это совет не храброго вояки... Мы же решили сражаться до конца и т. д...»

К моему удивлению, генерал ничего не возражал этому стратегу-любителю, а даже, наоборот, казалось, что он видел немало полезного в советах матроса.

Когда оратор вернулся, наконец, на свое место, слово взял армянский национальный совет и предложил свой план обороны, не походивший ни на план командующего войсками, ни на план матроса. После армянского совета стали развивать свой план диктаторы; их предложения были также совершенно оригинальны. После диктаторов стали выступать другие ораторы; каждый из них, высказывая свой взгляд на положение вещей, был одержим желанием продолжать говорить до тех пор, пока хватит сил.

Так шло время, пока, наконец, часы не проббили час ночи, и здесь мое терпение лопнуло. Как долго еще тянулось заседание, я не знаю, но, решив, что моему штабу и мне пора уже быть в постелях, я извинился перед командующим войсками и покинул заседание, оставив их продолжать свои бесполезные прения.[245-246]

События надвигаются

На следующий день, 1-го сентября, обсудив создавшееся положение вместе с генералом Люином, который приехал из Багдада всего на один день, мы решили» что дальнейшая оборона Баку бесполезна и что английские войска должны быть эвакуированы.

В связи с принятым решением я послал извещение диктаторам и всевозможным комитетам, приглашая их собраться у меня в 4 часа дня в гостинице «Европа», обещая сделать им некое, очень важное сообщение.

В назначенный час всевозможные комитеты собрались у меня .и я обратился к ним со следующей речью:

«То, что я имею вам сообщить, может быть сказано в нескольких словах: никакая сила на земле не может спасти Баку от турок. Продолжать оборону города значило бы оттягивать наступление момента катастрофы и бесполезно истреблять людей. До сего времени сражались только мои солдаты. И в каждом бою, несмотря на храбрость моих солдат, турки брали вверх благодаря только тому, что местные войска не оказывали нашим поддержки. Я не могу допустить, чтобы жизнь моих людей бесполезно приносилась в жертву. Мы пришли сюда для того, чтобы помочь вашим сражаться против турок, а не для того, чтобы вести войну самим на потеху вашим согражданам. Ни разу еще я не видел, чтобы ваши войска, когда им дается приказание идти в атаку, делали что-либо другое, кроме того, что показывали спину неприятелю, и я заявляю вам, что сражаться рука об руку с подобной публикой—дело безнадежное. Я сейчас собираюсь дать приказ об уходе моих войск с передовых позиций и сегодня же ночью они будут эвакуированы из Баку. Я пригласил вас сюда для того, чтобы предупредить вас об этом и дать вам возможность озаботиться [246-247] заполнением тех прорывов фронта, которые окажутся по уходе моих войск. Я бы советовал вам немедленно же отправить парламентаря к неприятелю и выяснить, на каких условиях турки согласны будут заключить с вами перемирие. Вам будет не трудно добиться у них приемлемых для вас условий, которые дадут вам возможность эвакуировать из города женщин, и даже, в худшем случае, сейчас вы можете дать событиям лучшее направление, нежели станете дожидаться, пока турки и татары займут город силою штыков. Я прошу вас оставить на сей раз вашу обычную манеру произнесения длиннейших речей и вынесения резолюций: сейчас время действовать, а не ораторствовать. Каждый человек в этом городе знает и чувствует правду всего того, что я сейчас сказал, а потому к чему нескончаемые прения? Однако, я оставлю вас сейчас здесь для того, чтобы вы могли, если угодно, заняться обсуждением вопроса, и вернусь к вам через час; надеюсь, что к этому времени вы закончите все ваши прения».

Во время моей речи я заметил, как на лицах моих слушателей появлялись поочередно выражения недоумения, ужаса, отчаяния, а в некоторых случаях—и негодования. Они были поражены точно громом: казалось, что они в первый раз уехали о возможности падения Баку. Когда я заговорил об эвакуации английских войск из города, Ермаков вскочил с места и вышел из комнаты. Я попросил майора Мак-Доннелла следовать за ним и следить, что он станет делать. Я знал, что Ермаков человек дела и способен на быстрое решение; позднее я узнал, что он намеревался идти к телефону, чтобы приказать Канонеркам открыть огонь по нашим судам при первой же попытке их выйти в море.

Покинув зал собрания, и отправился к генералу Багратуни, военному министру, который не возражал против моего решения увести свои войска, но просил только не торопиться с этим.

Когда я снова вернулся в гостиницу, то застал .там все мои комитеты выносящими свои резолюции с такой быстротой, с какой только это было возможно. Я опять попросил их бросить свои резолюции и перейти к делу и вторично оставил их. Вернувшись к ним через час, я застал какого-то матроса, ста [247-248] вящего на голосование четырнадцатую резолюцию, после чего мне стало ясно, что в этот день ничего сделано не будет. При таких условиях я не мог, ради безопасности города, начать немедленную эвакуацию своих войск и они остались пока что на своих прежних позициях. Тем не менее я послал предупреждающее письмо диктаторам, от которых я получил следующий ответ:

Сентября 1-го 1918 г.

№ 34

Баку.

От Временной Директории Центро-Каспия.

Генерал-майору Денстервилю

Штаб английских войск.

«В ответ на ваше письмо от 1-го сего месяца доводим да вашего сведения, что английским войскам может быть дано разрешение покинуть город только одновременно с уходом отсюда наших войск и не ранее, как после эвакуации мирного населения города».

Это отношение было подписано шестью членами Временной Директории Центрo-Каспия и Президиумом Временного Исполнительного Комитета. Затем следовала неразборчивая подпись секретаря.

2-го и 3-го сентября турки стали проявлять некоторые признаки активности и, хотя наши войска оставались на своих позициях, все уже было готово к немедленной эвакуации и одного слова «марш» было достаточно для того, чтобы весь наш аппарат начал работать.

3-го сентября я обратился к командующему войсками со следующим письмом:

Генералу Докучаеву (Копия Директории)

Я с сожалением узнаю, что решение, принятое теми людьми, которые должны быть наиболее заинтересованы в судьбах Баку, было навязано им некоторыми из молодых членов Директории. Члены, на ответственность которых падает это решение, должно быть, не сознают, в противоположность более опытным [248-249] своим вождям, всего ужаса грядущей трагедии, которую они сейчас готовят.

Предложенный мною план действий имел своей целью спасение многочисленных женщин и детей от ужасов резни, а ныне же выработанный проект поведет, я боюсь, к лозунгу «спасайся кто может».

Правда, до сего времени к нам на помощь приходило столько чудес, что можно, пожалуй, ждать и еще одного чудесного спасения, но сейчас уже ничто, кроме чуда, не может спасти города от турок. А когда город будет захвачен неприятелем, тут уже придет конец всяким предостережениям. Успешная атака турок с северо-запада приведет их в самый центр города прежде, чем жители узнают об их приближении.

В настоящий момент самым опасным пунктом всей нашей позиции является правый фланг, к северу и к западу от Баладжар. Мне кажется, что турецкий удар будет направлен именно сюда, так как в этом случае их кавалерия сумеет взять в мешок наш крайний правый участок. Никто не может с уверенностью предвидеть военных событий, но указанный мною пункт, как я полагаю, требует больших резервов.

Что касается моих войск, то я буду рад иметь честь быть под началом ваших боевых приказов при том условии, что мои войска не будут раздроблены на маленькие отряды. Но, насколько я знаю, ваши военные схемы санкционируются диктаторами, молодыми людьми, без всякого военного опыта, а потому я оставляю за собой право не выполнять такие приказы, которые я буду считать нецелесообразными.

После получения мною очень короткого ответа от директории по поводу эвакуации моих войск я не считаю более возможным оставлять командование над ними в руках диктаторов, а равно и не могу допустить дальнейшей гибели моих людей из за того, что им в нужный момент не оказывают поддержки и ваши части на их флангах во время боя неизменно отступают.

В виду всего вышеизложенного я приказал своим командирам на передовых позициях действовать по своему личному усмотрению и совсем даже покинуть фронт, если они сочтут это нужным. [249-250]

Настоящим письмом я вторично предупреждаю вас об этом, а когда наступит время действий, дальнейшие предупреждения окажутся, пожалуй, невозможными».

4 сентября я получил следующее интересное сообщение от бакинского правительства:

«Генерал-майору Денстервилю.

Ваше превосходительство.

Ваше письмо директории от 31 августа, затем ваши собственные и помощника вашего устные заверения о том, что Баку будет сдан, что кроме находящихся сейчас в городе английских войск, вы не имеете возможности дать нам ни «одного солдата», и, наконец, ваше письмо генералу Докучаеву от 3-го сего сентября понуждают директорию обратиться к вам, как к командующему английскими войсками, а равно и как к представителю британского правительства, с нижеследующим меморандумом:

Когда мы заключили с вами военное соглашение, мы приняли на себя, совместно с вами, ответственность за оборону города и бакинского района, как для российской республики, так и в интересах общесоюзного фронта.

Наш союз с вами привел к полному разрыву между нами и властью российских большевиков. Их помощь Баку людьми, оружием, военными материалами и продовольствием прекратилась тогда же окончательно. Полагаем, что вам было небезызвестно, что после того, как власть большевиков в Баку была свергнута, представители Ленина хотели сформировать здесь коалиционное правительство, обещая снабжать нас всеми необходимыми военными материалами и оказывать нам самую действительную поддержку в борьбе против турок, при условии, что английские войска уйдут из Баку и его районов.

Эти условия были для нас неприемлемы. Мы знали, что для спасения Баку, для установления демократического мира в Европе, для уничтожения позорных условий Брест-Литовского мирного догово-

ра, а также для того, чтобы помешать выполнению немцам своего военного плана, нам необходимо было действовать совместно с англичанами. [250-251]

Исходя из изложенных соображений, а также основываясь на наших с вами переговорах и на заверениях, данных нам вами и вашим правительством, мы рассчитывали, что вы прибудете в Баку с числом войск, достаточным не только для успешной обороны Баку, но и вполне достаточным для очистки от неприятеля всего Закавказья, которое было оторвано от российской республики.

К несчастью, мы ошиблись: за все время до 3 сентября (больше месяца) вы доставили в Баку немного больше одной тысячи людей с шестнадцатью орудиями и небольшим количеством технического материала.

Не говоря уже о том, какое количество, войск потребно для изгнания неприятеля из пределов Закавказья, помощь, присланная вами, совершенно недостаточна даже для успешной обороны Баку.

Какие бы доводы вы ни стали приводить в оправдание недостаточности присланной вами помощи и как бы ни превосходна была военная выправка и техническое оборудование вашего бакинского отряда, мы считаем необходимым довести до вашего сведения (и просим вас сообщить это и вашему правительству), что вы не оказали нам помощи в таком размере в каком мы были вправе ждать ее от вас, основываясь как на ваших собственных заверениях, так и на обещаниях вашего правительства.

К тому же, имея ввиду условия, предложенные нам правительством Ленина, мы утверждаем, что ваши войска не только не увеличили, но даже уменьшили силы бакинских защитников, ибо мы могли бы значительно пополнить их ряды, если бы приняли условия партии большевиков.

Вследствие всего происходящего сейчас, мы настаиваем на том, чтобы вы немедленно же доставили в Баку достаточное число войск либо из Персии, либо из Багдада. Мы считаем эту помощь необходимой для нас и обязательной для вас. В ожидании этой помощи (мы также ждем подкреплений со стороны Бичерахова из Петровска и с Северного Кавказа) мы считаем крайне необходимым продержаться против турок еще несколько дней.

Мы верим, что это нам удастся. Мы отвергаем всякие со [251-252] веты о сдаче города неприятелю и удивляемся вашим настойчивым предложениям поступить именно таким образом. Мы проникнуты сознанием настоятельной необходимости вести борьбу до конца, до самой последней возможности. Мы уверены, что ваш небольшой, но во всех отношениях превосходный отряд выполнит свой долг и разделит с нами нашу общую участь. Связанные узами общего дела, мы должны быть и будем вместе. Или победим, или история повелит нам погибнуть вместе.

Ваше письмо о генералу Докучаеву было основано на ошибочном представлении. Вы предлагаете сдать город. Мы высоко ценим вашу опытность, но мы должны сказать, что этот совет для нас совершенно неприемлем, так как все средства защиты не использованы.

Ваш отряд должен действовать в полной согласованности со всей бакинской армией, часть которой он теперь составляет. Командиры ваших частей должны подчиняться общему оперативному плану командующего бакинской армией. Ни под каким видом не может быть допущено «действовать по своему личному усмотрению и совсем даже покинуть фронт», как это вы пишете в своем письме от 3 сентября. Основной принцип военной мудрости гласит: Единство действия, единство начальствования.

Мы верим, что ваш военный опыт и превосходная организация английской армии не только осуществят в эти тяжелые дни единство действия, но создадут в дальнейшем в нашей армии (сейчас плохо организованной и мало обученной, но готовой лечь костьми за наше дело) такие условия, которые позволят нам дать должный отпор врагу.

В заключение мы хотим сказать вам, что директория не имеет никакого намерения «командовать» вашим отрядом. Директория Центрo-Каспия и исполком представляют верховную власть в Баку, назначенную бакинским советом рабочих, солдатских и матросских депутатов; директория назначила опытных специалистов (командующего войсками, начальника штаба фронта и военного и морского комиссаров для тыла) для цели руководства всеми военными операциями. Эти лица, в непосредственной связи с вами, должны твердо и неукоснительно выполнять единственное требование директории, т. е. защищать [252-253] всеми силами город против вторжения неприятеля до тех пор, пока к нам не подойдут нужные подкрепления либо от вас, либо из России и не будет восстановлен единый фронт союзников против турко-германской коалиции.

Председатель директории Тушов.

Члены директории и секретарь (подпись неразборчива)»

Достоинства этого письма, как литературного произведения, не оставляли желать ничего лучшего, но с точки зрения его соответствия с фактами его достоинства были ничтожны. Мой рассказ, до самого последнего момента, дает читателю полную возможность вскрыть всю ложность всех приведенных в этом письме аргументов и я укажу только на наиболее существенные из них.

Когда они основывают свои утверждения о своих правах на более серьезные подкрепления с моей стороны, ссылаясь на какие то мои заверения, они совершенно упускают из виду мое письмо к г-ну Ара-ратянцу, приведенное в главе XII.

Что касается их заявления об отсутствии у них намерения командовать моими войсками, то в этом отношении дело обстояло следующим образом: хотя диктаторы и назначали особого командующего войсками, они постоянно вмешивались сами во все военные дела, доходя даже до издания приказов непосредственно войскам и подписывания требования в арсенал на снаряжение и военные материалы для отдельных участков фронта. В заключение их заявление о том, что бакинские войска готовы лечь костьми, было весьма далеко от истины. Будь бакинская армия действительно охвачена такой готовностью, оборона города была бы легким делом и мы сумели бы отогнать турок к самому Тифлису. Но ведь я уже приводил несколько примеров, которые показывали, что «лечь костьми» это было именно то, чего бакинская армия решила не делать.

Еще до получения приведенного письма я отправил диктаторам следующее сообщение: «Диктаторы! Вследствие необходимости тесного и благожелательного сотрудничества союзников (хотя я с сожалением констатирую, что со дня моего приезда сюда правительство очень недруже [253-254] любно относится ко всей моей работе), я думаю, было бы желательно посылать некоторые бумаги в четырех экземплярах для более удобного ознакомления с ними.

Мое решение увести, в случае крайней необходимости, свои войска было также сочтено за акт бесчестия с моей стороны. Тем, кто никогда не изучал военного искусства и не знаком с законами войны, я хотел бы указать, что первый долг каждого командира избегать всегда бесполезной гибели жизней, когда положение становится уже явно безнадежным, и избегать обхода своих войск, и долг его, в этих случаях, отвести своих людей на новые позиции, откуда они сумели бы вновь продолжать свои операции против неприятеля.

Говорят, что англичане предали Баку тем, что не послали сюда достаточного количества войск. Это недопустимая клевета. Перед лицом огромных опасностей, ценой принесения повсюду в жертву своих планов, англичане откликнулись на ваш призыв о помощи и отправили вам всех, кого только можно было. В продолжение трех недель английские войска выносили на себе удары превосходных сил противника и никто не может отрицать того, что английские солдаты сражались храбро и честно отдали за вас свои жизни Их присутствие здесь на худой конец отдалило момент падения Баку и, во всяком случае, оно позволит вам добиться лучших условий мира с неприятелем.

Вышеприведенных объяснений в дополнение к моему письму от 31-го августа, я полагаю, будет вполне достаточно для правильного освещения событий и избежания каких бы то ни было недоразумений в будущем. У врага есть свои агенты, приставленные к вам, они вашей же национальности, а потому вам труднее заметить, как они пытаются посеять вражду между нами. Не дайте им возможности преуспеть на этом поприще».

Вся переписка между нами закончилась нижеприводимым письмом, которое я написал диктаторам 5 сентября 1918 года:

*« Правительству директории.
Центро-Каспия.*

Милостивые государи.

Я получил ваше письмо от 4-го сего сентября, содержа [254-255] ние которого мною уже передано высшему командованию в Багдаде.

Вы должны были получить еще одно мое письмо от того же числа, где я привожу выдержки из моих телеграмм; я надеюсь, что это письмо рассеет все ваши сомнения относительно истинности моих намерений.

Я вполне согласен с вами относительно всего сказанного вами о важности обороны Баку и я не перестаю настаивать на своей точке зрения перед моим правительством. Однако, я принужден отметить, что ваше мнение о поведении британского правительства в связи с присылкой в Баку недостаточно сильного отряда войск для защиты города от неприятеля основано на ложных предположениях. Ни я, ни мое правительство никогда не заявляли, что мы можем доставить в Баку столько войск, чтобы спасти город без посторонней помощи. Напротив, нас информировали, что в Баку уже имеется 10.000 защитников под ружьем, которые нуждаются всего лишь в правильной организации и небольшом подкрепляющем английском отряде, для того, чтобы успешно отразить противника. Я не имею желаний преуменьшать доблесть бакинских солдат и еще меньше хотел бы вступать с вами в спор по этому вопросу, а потому говорю лишь, что ни в отношении дисциплины, ни в отношении своей стойкости под огнем неприятеля они не оправдали моих ожиданий(я в последний раз касаюсь этого вопроса).

Теперь нам остается, объединиться перед лицом надвигающихся событий и принять все меры встретить их достойным образом. Я представил военному министру проект реформирования бакин-

ских войск в бригады, что, я уверен, даст самые лучшие результаты. Если у вас имеются какие-либо на это возражения, я надеюсь, что вы откровенно выскажетесь о них.

Обещание помощи из Петровска, плюс полная реорганизация местных войск, при условии поднятия их боеспособности, могут временно улучшить положение, но я все же считаю своим долгом уведомить вас, что возможность спасения Баку военной силой кажется мне весьма проблематичной. Я имею достоверные сведения о том, что турки и германцы шлют к своей армии, осаждающей Баку, очень большие подкрепления с аэропланам и тяжелыми орудиями. Я самым настоятельным образом со [255-256] ветую вам принять все зависящие от вас меры к эвакуации отсюда женщин и детей.

5-го сентября 1918 г. Баку».

Вышеприведенные выдержки из моей переписки с Бакинским правительством дают ясную картину положения, царившего в городе в течение первой недели сентября 1918 года.

Прежде чем я окончательно покончу с отчетом о всех моих препирательствах с Бакинским правительством и с вопросами о военном командовании и всеми странностями революционеров вообще, я хотел бы пояснить читателю, что я отнюдь не намереваюсь преуменьшать достоинства их похвальной деятельности или издеваться над их затруднениями. То странное положение вещей, которое мною было только что описано, будет, в большей или меньшей степени, несомненно иметь место при всякой революции в любой стране.

Очень легко разрушить существующие формы правления, но создать вместо них что-либо существенное - дело значительной трудности; и еще долгий период беспорядка и разрухи должен быть пережит, в течение которого самые героические, усилия лучших людей не смогут изменить неизбежного в таких случаях странного и ненормального положения вещей. Военное начальство не могло бы сделать больше того, что оно сделало при наличии необученных войск, не имея при этом никакой возможности восстановить дисциплину. Молодые люди, составлявшие директорию, были энергичны, неглупы и преданы своему делу. Во многих случаях они достигали поразительных успехов.

Хотя все прежние законы находились теперь, так сказать, в выморочном состоянии, но порядок в городе всегда и везде соблюдался и вопрос о питании населения не сталкивался ни с какими затруднениями.

6-го сентября турецкий снаряд, предназначавшийся для нашего штаба, угодил в один из соседних домов и зажег его, Через пять минут на месте пожара уже работали пожарные насосы, и искусная и энергичная работа пожарных ничуть не уступала работе европейских пожарных команд. Пожар был быстро потушен и вслед за тем пожарную команду срочно потре [256-257] бовали в другую часть города, где она снова выполнила свой долг с таким же рвением. Этот эпизод, показывавший огромные успехи, достигнутые в деле восстановления нормальной жизни в городе, произвел на меня большое впечатление.

За одну неделю, с 5-го по 12-ое сентября, дело обучения местных войск сильно подвинулось вперед, но дисциплина среди них все еще продолжала хромать и войска, посылаемые на передовые позиции, очень часто не доходили до места назначения. Противник довольствовался, пока что, операциями разведывательного характера, изучал слабейшие места наших линий и обстреливал город.

Теперь мы располагали двумя русскими гидропланами и двумя нашими самолетами, и так как у противника не было совсем никаких воздушных сил, то мы должны были иметь большое преимущество перед ним. Но в Баку в сентябре сильнее всего дуют горячие ветры и «норд», так что все преимущества воздушной разведки, которую мы могли бы использовать, сводились, благодаря метеорологическим условиям, на нет.

У нас было в действии шесть броневых автомобилей, из которых три было наших, а три—русских, под командой маркиза д'Албици; все они отлично знали свою службу.

12-го сентября от турок к нам дезертировал один араб, и по сообщенным им сведениям противник готовился нанести нам сильный удар 14-го сентября. Это сведение было нам чрезвычайно полезно, так как оно давало нам возможность самим подготовиться к этому удару путем сосредоточения всех наших войск на передовых линиях, в то время как обычная часть наших войск всегда несла службу в тылу. Но наш информатор не то не хотел, не то не мог дать нам никаких точных указаний относительно места, куда будет направлена турецкая атака, а потому мы должны были быть готовы для отражения атаки на всем нашем 12-ти мильном фронте. Араб, конечно, высказал предположение о возможности наступления на наш левый фланг, вследствие чего этот участок фронта был нами должным образом усилен; но на его неопределенные предположения трудно было полагаться, так как казалось маловероятным, чтобы этот дезертир мог обладать такими сведениями, которые держались, [257-258] нужно думать, неприятельским штабом в секрете до самого последнего момента.

Предупреждение о возможности атаки на следующий день пришло как раз вовремя для того, чтобы я успел задержать полковника Раулинсона, который должен был 13-го сентября ехать в Ленкорань, откуда ему было поручено двинуться на автомобилях на север Муганской степи и произвести набег на турецкий тыл с целью расстройтва путей сообщения противника. Предполагено было разрушить же-

лезнодорожный мост и тем самым нарушить железнодорожное сообщение в тылу Кавказско-Исламской армии. Полковник Раулинсон тщательно подготовил эту операцию и я уверен, что она была бы успешной, имей мы только время привести ее в исполнение.

Небольшое подкрепление в лице 500 человек бичераховцев с десятью пулеметами было прислано нам генералом Бичераховым, который обещал прислать еще людей при первой же возможности. Эти люди не принадлежали к лучшим из его частей; собственно говоря, это были те же бакинцы, которых Бичерахов взял с собой на север в августе и которые теперь попросту возвратились к себе домой, но они были гораздо лучше обучены и дисциплинированы, нежели наши местные войска, а потому их помощь для нас была весьма желательной.

Я был уверен, что в предстоящем сражении, а также и в случае отступления, телефонная связь должна будет играть видную роль. Телефонным имуществом мы были снабжены в достаточной мере и майор Пульверман, который заведывал в течение последних шести месяцев всей телеграфно-телефонной связью в нашем отряде, работал, не покладая рук, в течение всего дня, накануне турецкого наступления и в самый день сражения. Он и капитан Фоксли были большими знатоками своего дела и тот успех, с которым было проведено наше отступление, был достигнут почти исключительно благодаря безукоризненно налаженной телефонной связи, которая работала без отказа до самого последнего момента.

В течение последней недели нашим аэропланам в промежутках между «нордами» удалось несколько раз произвести разведку в районе неприятельского расположения, причем нашими наблюдателями было установлено, что к туркам беспре [258-259] станно подходят поезда с запада, что давало нам все основания предполагать, что неприятель получает значительные подкрепления. Несмотря на это, диктаторы упорствовали в своем, ни с чем несообразном мнении, что турки собираются уходить.

До самого последнего момента вопрос о формировании бригад, о котором я уже упоминал, находился все еще в стадии обсуждения, что лишний раз подтверждало наше мнение о неделовитости революционных организаций. Диктаторы настаивали на том, чтобы все бригадные командиры были русскими или армянскими офицерами, на что я отвечал им, что не предвижу против этого никаких возражений при условии, если эти командиры кроме своего чина будут обладать еще и значительной долей опыта, почерпнутого в настоящей войне. Офицеров с надлежащим стажем у них не было, но уж я согласен был на все условия, лишь бы только начать приводить в исполнение задуманную реорганизацию армии. Во всяком случае, я знал, что английский батальонный командир будет вести дело надлежащим образом, вне зависимости от того, будет ли он официальным командиром или нет.

Наконец, армия, флот и городское население стали проявлять признаки беспокойства и нетерпения при виде бездеятельности директории; началось уже сильное движение в пользу свержения существующего правительства и передачи всей власти, как военной, так и гражданской, англичанам.

Об этом я уже подумывал и раньше. Мне представлялось, что единственным выходом из создавшегося положения был бы уход от власти диктаторов с тем, чтобы сформировать в городе правительство союзников с передачей мне всей полноты гражданского и военного управления.

Меня очень подмывало начать действовать в этом направлении, но я должен был оставить эту мысль, вследствие недостаточного числа в моем отряде таких офицеров, которым можно было бы поручить отдельные отрасли управления. Большинство моих офицеров осталось в Персии, а из тех, что были со мной в Баку, ни один не мог бы быть снят с передовых позиций или с той административной тыловой работы, которая была поручена некоторым из них.

Исходя из этих соображений, я принужден был удоволь [259-260] ствоваться тем небольшим влиянием, которым мы пользовались при наличии английского офицера в качестве начальника штаба и других наших же офицеров - начальников арсенала, пулеметной обороны и сводных пехотных частей.

В ночь на 14-е сентября 1918 года общее расположение войск, защищавших Баку, было таково:

Высоты на нашем крайнем левом фланге, прикрывающие нефтяные промысла Биби-Эйбата, занимались ротой «А» 7-го Северо-Стаффордского полка (около 60 штыков) под командой капитана Боллингтона. Один армянский батальон (вероятно, не больше 100 штыков) находился в резерве на этом же участке. Позицию у Волчьих Ворот занимал небольшой русский отряд с двумя пулеметами. Сто штыков Северо-Стаффордского полка, единственная английская резервная часть, была послана под прикрытием темноты занять позицию на гребне одного из кряжей холмов в тылу роты «А», с целью усилить именно этот участок, который доминировал над всем нашим левым флангом. На рассвете этот отряд был увезен на автомобилях в город.

На северном склоне этих высот была расположена батарея трехдюймовых орудий с двумя гаубицами.

Участок позиций к северу от Волчьих Ворот, на протяжении 800 шагов, занимался ротой «В» Северо-Стаффордского полка, под командой капитана Туркингтона. Справа к этому участку примыкали армянские части, которые занимали окопы против деревни Ходжа-Гассан. Одна гаубичная батарея и одно трехдюймовое орудие были выдвинуты к северу от Волчьих Ворот. Один резервный армянский ба-

тальон был отведен к Белому Дому, в полуторах милях от Баку, где помещался также штаб левого участка фронта под начальством полковника Вег-Сураба, с которым находился майор Дейрель в качестве офицера связи. Правый фланг наших позиций, под командой полковника Казарова, к которому был придан в качестве офицера связи майор Энгельдью, начинался от деревни Ходжа-Гассан. С этого места до самого конца баладжарских солончаков линию занимали бичераховцы, численностью в 600 штыков.

Баладжары занимались двумя ротами 9-го Уорчестерского батальона, а линия от станции Баладжар до Дарнагула—остальными людьми той же части. Южный берег Дарнагульского [260-261] озера (которое было почти сухим) оборонялся одним армянским батальоном, а проход, сейчас же к востоку от озера, охранялся четырьмя пулеметами и частями нашей пулеметной команды. Одна рота Северо-Стаффордского полка (около 50-ти штыков) была расположена, в качестве местного резерва, в том самом месте, где баладжарское шоссе пересекает небольшой каменистый кряж. Далее, одна рота Варвикского батальона (100 штыков) находилась в резерве у помещения штаба 39-й бригады, милях в двух к востоку от Баку-Бинагадинского шоссе. Четыре батареи полевой артиллерии вместе с 8-й батареей королевской полевой артиллерии и одной гаубичной батареей поддерживали весь наш правый фланг. Два английских бронированных автомобиля стояли у Баладжар, третий был в резерве в городе. Отряд из 500 армян с батареей трех-дюймовых орудий, три русских броневика и один эскадрон кавалерии оперировали в Сураханском районе, на крайнем правом фланге, для того, чтобы оказывать сопротивление турецкой кавалерии, которая постоянно угрожала правому флангу. Эта угроза никогда не была серьезной, но генерал Докучаев, перед которым я настаивал на необходимости увода отсюда части войск для усиления левого фланга, совершенно неосновательно беспокоился за свой правый фланг и ни за что не хотел ослаблять его. Командование всей нашей сводной армией принадлежало, конечно, русскому командующему, но непосредственное руководство всеми английскими частями было передано 14 сентября полковнику Кейворту, который через полковника Стокса, начальника штаба, сносился с генералом Докучаевым; такими же посредниками между ними и командующим войсками были: полковник Фавиель, командующий 39-ой бригадой, - на правом фланге, и майор Дей, командующий 7-м Северо-Стаффордским полком - на левом. Я сам находился в непосредственном общении с генералом Докучаевым, с диктатором и военным министром генералом Багратуни.

Приведенный здесь мною отчет не касается большинства бакинских воинских частей, расположение которых нам оставалось неизвестным. Мы получали копии приказов генерала Докучаева, но упомянутые в них части войск оставались к ним равнодушны. [261-262]

ГЛАВА XVII

Отступление

НЕ успел еще начаться этот роковой день 14-го сентября как сведения, сообщенные нам дезертиром-арабом, незамедлили оправдаться в точности.

В 4 часа утра, до моего штаба, на борту «Президента Крюгера», стоявшего у пристани общества «Кавказ и Меркурий», донесся грохот сильнейшей канонады, возвещавшей начало большого наступления. Теперь представился случай испытать стойкость местных войск! Если только они не дрогнут, - все будет обстоять благополучно. Дисциплина и моральное состояние бакинских войск за последнее время значительно улучшились, позиция была выбрана очень удачно, и если бы турки решили овладеть господствующими над городом высотами, им пришлось бы понести большие потери. Если бы они это сделали, наша контратака была бы несомненно победоносной и, прежде чем турки сумели бы снова перейти в большое наступление, помощь Бичерахова с севера и наших с юга спасли бы город.

С такими радужными надеждами ждали мы настоящего боевого крещения бакинцев, но надежды наши рассеялись, как дым, при получении нами первого же телефонного сообщения. Оно гласило, что сражение уже кончилось и что победоносные турецкие войска наступают форсированным маршем к городу, не встречая никакого сопротивления. Я не преувеличиваю фактов, которые в действительности были таковы: начав наступление в 4 часа утра, турки повели прежде всего атаку на Волчьи Ворота; овладев этим сильнейшим нашим участком позиций, подступы к которому естественно защищались отвесными скалами, и прорвав линии одного из бакинских батальонов, который, как предполагалось, должен был защищать этот участок фронта, турки оказались господами положения на ближайших к городу высотах, на расстоянии каких-нибудь нескольких [262-263] сот ярдов от окраин города и в трех тысячах ярдах от порта. Казалось невероятным, чтобы этот сильнейший участок нашего фронта мог так легко достаться противнику, в особенности, когда все войска были предупреждены о предстоящей атаке, но как бы это не было невероятно, это было именно так. С такими войсками, которые подверглись разгрому при самом же начале наступления, имея при этом все преимущества на своей стороне, поистине не на что уже было надеяться и единственной нашей задачей было теперь обеспечить себе пути к отступлению и задержать движение неприятеля, для того, чтобы провести правильную эвакуацию наших войск.

Так как турецкая пехота и кавалерия заняли уже эти высоты, то их артиллерия должна была появиться там в самом непродолжительном времени и тогда порт оказался бы под угрозой самого действительного орудийного огня.

Но в этот момент Кавказско-Исламская армия остановилась, как обычно, в нерешительности, дав нам этим возможность произвести такую перегруппировку сил, которая могла бы превратить наше поражение почти в победу; в самом деле, даже теперь победа за нами была бы обеспечена, сделай местные войска хотя бы одно маленькое усилие.

900 штыков 39-ой бригады, вместе с небольшим числом бичераховцев и местной артиллерией, были единственными силами, на которые еще можно было полагаться, но они были расположены на правом фланге, имея перед собой железнодорожную станцию Баладжары, а слева - части Северо-Стаффордского полка, левый фланг которого доходил до берега моря.

Противник нажимал теперь исключительно на центр левого фланга и на крайний левый участок позиций, и так как турки уже занимали центр наших линий, то сделалось необходимым отвести северо-стаффордцев несколько назад для того, чтобы обезопасить их от возможного обхода с фланга и вместе с тем сократить их фронт, оставляя, однако, под их защитой командные высоты. Это сокращение линии фронта дало возможность майору Лею, который с большим искусством и храбростью руководил действиями своего батальона во все время боя, послать одну из рот против турок, занявших одну из важных высот; в это же время полковник Кейворт послал сюда [263-264] дальнейшие подкрепления с целью усилить этот участок фронта и сделать дальнейшее пребывание турок на этой высоте невозможным.

Произведенная нами к восьми часам утра перегруппировка совершенно приостановила турецкое наступление, но благодаря сильно пересеченной местности и недостаточному числу английских войск, что делало контратаку с нашей стороны невозможной, - все наши усилия выбить противника с захваченных им позиций оказались тщетными.

Но, во всяком случае, наступлению противника был, пока что, положен предел и еще не все надежды были потеряны. Если бы бросить, как мы сначала хотели, в контратаку значительную часть 39-ой бригады, то это повело бы к ослаблению занимаемых этой бригадой линий, чего нельзя было бы допустить никоим образом. Не было ли с нашей стороны в этот момент опасными мечтаниями надеяться на

то, что контратаку возьмут на себя местные войска? И все таки мы надеялись именно на это в течение целого дня, так как в этот день подобный подвиг с их стороны казался более чем когда либо допустимым. Все контратаки, которые когда либо требовал генерал Докучаев, сводились, да и то не всегда, к тому, что местные части, коим отдавался приказ идти в атаку, начинали полегоньку собираться и затем таинственным образом куда-то исчезали. Но нет правил без исключения, и не герои совершают иногда подвиги истинного героизма.

Два раза бакинские войска храбро переходили в контратаку, но храбрость без умения и сноровки мало ценна: руководство было никуда негодным и обе контратаки были обречены на неудачу. В большинстве случаев командиры местных батальонов были на должной высоте, но ротные и взводные командиры, которые играют самую большую роль во время атак, были совсем плохи.

Во всяком случае, положение к восьми часам утра было не так плохо: левый фланг был усилен, к центру посланы значительные подкрепления; теперь турки, занимавшие одну из высот, опасались, по своей обычной нерешительности, продолжать свое победоносное наступление, которое они так успешно начали. Батальоны Варвикский и Уорчестерский, под командой [264-265] полковника Фавиеля, держались стойко на правом фланге, хотя они и находились под постоянной угрозой турецкой атаки с севера. Несколько позднее, днем, турки произвели атаку на этот участок позиций, но наши успешно отбили ее. По всему фронту мы произвели перегруппировку частей и вся линия оказалась значительно усиленной; два аэроплана обстреливали наступающих турок из пулеметов и сбрасывали бомбы, а шесть броневых автомобилей - три английских и три русских - успешно работали на равнине.

Но ввиду того, что неприятель занимал высоты по обе стороны Волчьих Ворот, ему было легко теперь подвести сюда свои резервы и, если бы мы не сумели перейти в контратаку, взятие города было бы неизбежно. Всякое дальнейшее продвижение турок на этом участке прорвало бы фронт 39-й бригады и вынудило бы ее к отступлению.

Во все время боя турки изредка переносили свой орудийный огонь на город. Снаряды причиняли городу мало вреда, но турки отлично знали, какое моральное действие производит обстрел города. Противник рассчитывал на то, что в городе начнется паника, и его надежды вполне оправдались.

В 9 часов утра пришло радостное известие, что к Баку подошли два парохода с подкреплениями от Бичерахова. Так как на его войска всегда можно было положиться, то, в самом деле, казалось, что положение еще могло быть спасено. Это известие с молниеносной быстротой облетело весь город и дошло до сражающихся и боеспособность местных войск повысилась не менее, как на пятьдесят процентов. Два парохода, набитые сверху донизу людьми, действительно, медленно входили в порт. Но увы! Наши бинокли показывали нам слишком ясно, что эти люди могли быть всем, чем угодно, только не солдатами. Вскоре выяснилось, что эти суда везли не бичераховских героев, а отнюдь не героических бакинских обывателей, которые погрузились на эти пароходы и поспешно вышли в море, но были возвращены обратно одной из канонерок. Но это ложное известие принесло пользу, а горькое разочарование все равно уж не могло сделать положение вещей хуже, чем оно было раньше.

Главными мишенями в городе для турецкой артиллерии служили: гостиница «Европа» и гостиница «Метрополь», кото [265-266] рые поочередно служили помещением для штаба полковника Кейворта. Эти здания пришлось вскоре совсем очистить.

Утром я не хотел видеться с генералом Докучаевым, так как я понимал, что самое лучшее будет не мешать ему проводить разработанный им самим план, и к тому же я вполне полагался на его начальника штаба полковника Стокса, который сумел бы всегда наладить связь между нашей 39-й бригадой и местными войсками и принять все нужные меры в критический момент. Когда же, позднее, я отправился навестить командующего войсками в его штабе, то я убедился, что я совершенно напрасно был спокоен.

Я приехал в штаб в 11 часов утра и нашел всех присутствовавших там в состоянии полного смятения. Это обстоятельство лишило меня последней надежды. Я не виню во всем этом самого генерала: играть роль главнокомандующего революционной армией, в которой все равны и где все имеют равные права предлагать свои планы кампании, - дело нелегкое, а проводить единолично какой-либо свой план действия при таком столпотворении - дело уж совсем невозможное.

Генеральский кабинет должен быть в таких случаях своего рода святая-святых; к нему я пробирался, проходя через множество комнат, в которых находилось несуразно-огромное количество всяких писарей и чиновников. Но открыв дверь кабинета генерала, я убедился, что хотя кабинет помещался и в укромном уголке, но он ни малейшим образом не напоминал святую-святых. Едва ли будет преувеличением, если я скажу, что грохот рвавшихся на улице снарядов отдавался в кабинете с оглушительнейшим резонансом. Первое, что мне попало на глаза, это был сам генерал, но не сидящий спокойно с офицерами своего штаба, погруженный в свою ответственную работу, а стоящий посреди комнаты с каким-то высоченным казачьим хорунжим, который так ожесточенно жестикулировал, что я, право, думал, что он собирается ударить генерала. Нет никакой необходимости называть фамилию этого хорунжого и, если эта книга когд-нибудь попадетя ему в руки, он сам узнает себя в нем.

Когда хорунжий вышел, то генерал, вместо того, чтобы велеть арестовать его, попросту сказал: «Да, горячий парень, неправда-ли?» Поистине русский характер - это чудеснейшая смесь. [266-267] всяких крайностей. Неистовое возмущение немедленно же сменяется невозмутимым спокойствием.

Другие, менее экспансивные советники ждали очереди сменить хорунжего; телефон звонил беспрестанно и генерал отвечал сам на большинство вызовов. На балконе же стоял полковник Стокс с несколькими английскими офицерами, которые, очевидно, находили, что уличный шум менее действует на нервы, нежели хаос генеральского кабинета.

Целью моего визита было узнать, во-первых, как обстоит дела в русском штабе, а во-вторых, убедить генерала в необходимости перейти в решительную контратаку, что единственно могло спасти положение. Последнее обстоятельство уже обсуждалось и теперь, после краткого совещания, можно было надеяться, что приказы, которые генерал собирался издавать, дадут желаемые результаты. Но из обрывков фраз, которые я уловил из разговора генерала по телефону с одним из своих офицеров, я понял, что на предполагаемую атаку больших надежд возлагать не следует. Вот что я услышал: «Почему же его батальона там нет? Я дал приказание два дня тому назад и с того времени повторил свое приказание еще три раза... Разве вы не знаете, где находится этот батальон?... Если он не исполняет приказаний, то его нужно взять под арест!»

В результате моего визита к командующему войсками я окончательно убедился, что только какое-нибудь вновь явленное чудо сможет спасти Баку, а пока что нам нужно готовиться к эвакуации. Я вернулся на судно и сделал распоряжение о принятии предварительных мер. Командир Норрис стал подготавливать суда к эвакуации. «Курск» и «Або» были оборудованы для перевозки раненых и больных, а «Крюгер» должен был взять орудия и большую часть людей. Число последних доходило до 1300, так как к 900 человек сражающихся нужно было прибавить еще 400 тех солдат, которые несли тыловую службу в городе. Мы взяли на суда тюки с хлопком, которые нашли на пристани, для того, чтобы защитить наиболее уязвимые места парохода от ружейного огня. Это было все, что мы могли сделать для своей безопасности, так как от орудийного огня бакинского военного флота, в случае, если бы он стал нас обстреливать, спасения все равно не было. [267-268] Для нас было большой удачей, что телеграфные провода не были перерезаны, несмотря на то, что город кишел неприятельскими эмиссарами, и наша телефонная связь работала без отказа до самого последнего момента, что нам очень облегчало эвакуацию.

Каждому нашему солдату были уже даны подробные инструкции на случай отступления. Оставалось только назначить час эвакуации и указать участок фронта, с которого она должна будет начаться. Но даже если можно было предвидеть все мелочи, то и в этом случае эвакуация была делом рискованным и шансы на ее полный успех были не велики. Выводить войска из под огня во время боя - операция сама по себе очень рискованная, и при активности противника она может привести к полному разгрому отступающего, но, к счастью, наш противник был не слишком активен. К тому же, когда весть о нашей эвакуации распространится по городу, все население, без сомнения, сочтет нас за предателей и моим войскам придется с боем продвигаться по улицам к нашим судам. В довершение всего я был уверен, что правительство даст приказ своему флоту открыть по нам огонь, едва только мы начнем отчаливать.

До 4-х часов дня у меня еще оставался слабый луч надежды. Нужно ведь было так мало для того, чтобы разбить противника, который что-то медлил целых двенадцать часов после того, как он уже овладел ключом ко всей нашей позиции.

Но с получением известия о том, что попытка двинуть местные войска в контратаку не удалась, погасла и последняя искорка надежды. Последовал приказ об эвакуации... Отход войск должен был начаться с правого фланга позиций в 8 час. вечера. Отход предполагалось было произвести под прикрытием войск левого фланга, на котором наши северо-стаффордцы должны были держаться до 9 часов.

Больных и раненых стали переносить на суда «Курск» и «Або» и было сделано распоряжение, чтобы сюда же направлять всех раненых с перевязочных пунктов. На известных улицах расставлены были, по возможности - незаметно, патрули на случай, если придется оборонять отступающие войска от нападения толпы.

Теперь оставалось только соблюсти все правила порядочности и хорошего тона. Еще раньше я предупреждал диктаторов о том, что в тот момент, когда я сочту необходимым увести свои войска, я сделаю это без дальнейшего оповещения. Поэтому я считал себя вполне вправе начать эвакуацию без всякого предупреждения. Но на войне нельзя быть пророком и чудо могло сотвориться и здесь после нашего отъезда и военное счастье, при наличии известных благоприятных условий, снова могло бы улыбнуться осажденным бакинцам. Однако, наш тайный уход с позиций, благодаря которому важнейшие участки фронта оказывались оголенными, едва ли мог создать для них «благоприятные условия». В сущности говоря, турки еще не были в городе; однажды уже при подобных же обстоятельствах турецкая армия, охваченная паникой, бежала с полей сражения в самый момент своей победы; то же могло случиться и теперь.

С другой стороны, были все основания предполагать, что диктаторы, получив предупреждение о моем уходе, обратят свои войска и свой флот против нас. Как теперь мне было спасать свою честь и одновременно с этим спасать своих людей?

В конце концов я решил поставить диктаторов в известность о моем намерении начать эвакуацию, полагая, что будет все же лучше подвергнуться известному риску, нежели оставить их под впечатлением (неправильным, но вполне понятным), что они были преданы англичанами. Приняв такое решение, я отправил капитана Брея, моего русского адъютанта, к диктаторам с краткой запиской, извещавшей их о моем намерении начать отступление. Когда капитан Брей явился в правительство, то здание, в котором оно помещалось, в этот момент находилось под сильным обстрелом турецкой артиллерии и те немногие из диктаторов вместе с различными комиссарами и депутатами, которых капитан там застал, пребывали в таком смятении, что они попросту крикнули ему: «Делайте, что хотите». Ответ этот меня вполне удовлетворил, но не показался мне исчерпывающим, а потому я не перестал действовать с осторожностью.

До самых сумерек бой не ослабевал и теперь весь успех нашей эвакуации зависел от того, смогут ли северо-стаффордцы продержаться до темноты на южном участке.

Я восхищаюсь доблестью этого батальона, который выпол [269-270] нил свою миссию до самого конца. Вся бригада работала с необыкновенной энергией и выдержкой и много можно порассказать о тех героях, которые сложили свои головы в этот последний день обороны Баку. Между ними были славные бойцы, как, например: майор Бересфорд Гавелок, офицер Северо-Стаффордского полка, внук знаменитого сэра Генри Гавелока, прославившегося под Лукновым*; майор Гавелок был ранен в тот момент, когда он шел во главе своего отряда и, смертельно раненый, продолжал подбадривать своих людей и отдавал нужные распоряжения до самого последнего вздоха.

С заходом солнца бой стал затихать; непрерывный четырнадцатичасовой бой утомил обе стороны, теперь наша задача вывода войск с передовых линий значительно облегчилась, да и новых потерь уже не было. Задача эвакуации раненых с поля битвы в темноте, при всех наших прочих затруднениях, была делом кошмарным, но, к счастью, все обошлось благополучно.

С наступлением темноты все больные и раненые были перенесены на суда «Курск» и «Або» и отправлены в Энзели. Судам даны были инструкции не оказывать никакого сопротивления в случае серьезной угрозы и исполнять все приказания встретившихся военных караблей, объясняя им, что суда везут больных и раненых, эвакуации которых едва ли могут препятствовать. К счастью, нам удалось отправить эти два судна прежде, нежели в городе об этом узнали.

К 10-ти часам вечера все войска и орудия были уже на борту «Крюгера». Часть артиллерийских лошадей нам удалось передать бичераховцам, у которых нашлось для них место на пароходе, на котором они эвакуировались к себе на север в Петровск. Оставалось теперь только нагрузить на «Крюгер» возможно больше снаряжения и помочь полковнику Раулинсону закончить погрузку своего маленького судна.

Арсенал, которым заведывал полковник Раулинсон, помещался шагах в пятистах от нашей пристани и имел свою собственную маленькую пристань. В течение дня Раулинсон был [270-271] занят перенесением содержимого арсенала на баржи, стоящие в порту, которые могли быть моментально затоплены в случае необходимости. Нам было, однако, крайне важно забрать с собой как можно больше военного материала, так как он мог бы нам понадобиться в случае возобновления операций. Для этой цели полковнику Раулинсону было предоставлено небольшое судно «Армянин», вместимостью всего в 200 тонн, которое доверху нагрузили оружием, снарядами и взрывчатыми веществами. Команда этого судна была очень революционно настроена и не хотела выходить в море. Вследствие этого нужно было принять меры к тому, чтобы в случае, если бы их пришлось заставить отплыть силой, они не взяли бы неправильного курса: для этой цели я решил, что при выходе в море моего «Крюгера» я потушу на мачтах огни, которые служили путеводными звездами к пристани нашим солдатам в городе, и полковник Раулинсон, заметив этот сигнал, должен будет постараться отчалить со своим судном и следовать за «Крюгером». Все эти планы были превосходны в теории, но на практике провести их оказалось настолько трудно, что, например, «Армянин» только каким то чудом сумел взять правильный курс. Обо всем этом я расскажу дальше со слов самого Раулинсона.

Когда все уже было готово к отплытию и оставалось только погрузить на «Крюгер» некоторое количество военных материалов, случилось то, что я и ожидал.

Настроение диктаторов улучшалось и ухудшалось в зависимости не от получения хороших или дурных известий с фронта, а в зависимости от того, уменьшалось или увеличивалось число турецких снарядов, рвавшихся неподалеку от их резиденции. Конечно, снаряды, попавшие в город, не производили на них никакого впечатления, но сами горожане смотрели на это несколько иначе.

* Лукнов - город в Британской Индии, провинции Ауд. В 1857 - 1858 гг. осаждался восставшими сипаями.

В Баку, когда город вдруг делался объектом сильнейшего орудийного обстрела, приносившего, впрочем, весьма мало вреда, жители говорили: «Все потеряно». Когда же турки сосредоточивали артиллерийский огонь на войсках и когда все действительно могло бы быть потеряно, они восклицали: «Мы спасены».

Теперь, с прекращением обстрела города, настроение дик [271-272] таторов поднялось и их воинственный дух, который только что перед этим совершенно иссяк, вдруг неожиданно окреп. Еще раз они издали свой боевой клич, который всегда замирал под огнем: «Будем биться до последней капли крови!» Затем стали лихорадочно наводить справки: «Что делают англичане? Почему они дезертируют?» и так далее, в результате чего за мной был послан ординарец.

Тем временем в городе тоже забеспокоились и, если в этот момент пристань была бы плохо охраняема, то могли бы произойти большие неприятности. Неожиданно к пристани подъехал верховой ординарец и, столкнувшись с нашим часовым, закричал ему: «Что здесь происходит? Почему англичане уезжают? Прекратить вашу погрузку на суда!» Затем ординарец снова ускакал в город с намерением, очевидно, поднять там тревогу.

Вслед за этим гонцом появилась ожидаемая мною депутация от правительства. Двое из диктаторов, Ляблин и Садовский, приехали на пристань и потребовали свидания с английским генералом по весьма важному делу. Я пригласил их на борт «Крюгера», усадил их в салоне и справился, в чём дело. Садовский заявил:

«Я имею к вам письменное постановление бакинского правительства, в котором вас предупреждают, что ваше отступление будет рассматриваться, как предательство, против которого будут приняты соответствующие меры. Если вы уже сняли свои войска с позиций, то вы должны немедленно же послать их обратно. Турки еще не вошли в город и мы намерены продолжать сражаться».

В ответ на это требование я изложил им вкратце свою точку зрения.

«Будьте добры довести до сведения бакинского правительства, что мой уход отнюдь не является предательством, так как мои намерения были в точности известны вашему правительству. Мои войска принимали участие в боях в продолжение всего дня, не получая ни смены, ни подкрепления в течение шестнадцати часов, в то время, как ваши войска сражались довольно слабо. При таких условиях я отказываюсь жертвовать жизнью моих солдат. Что же касается вашего требования, о немедленном возвращении моих войск на передовые позиции, [272-273] то сообщаю вам, что солдаты физически не в состоянии продолжать сражаться после того, как они пробыли под огнем беспрерывно шестнадцать часов. Подобного приказа я отдавать не стану и отплываю немедленно же».

Садовский принял угрожающий вид и сказал:

- В таком случае наш флот откроет по вам огонь и потопит ваши суда.

- Надеюсь, что нет, ответил я и спровадил их с парохода.

Один из офицеров моего штаба во время нашего разговора шепнул мне:

- Почему бы не арестовать их и не взять их с собой? Это был полезный совет, но я полагал, что нам удастся выполнить задуманный план, не прибегая к подобным мерам, и не согласился на это предложение.

Я был готов выйти в море в 11 часов вечера. Канонерки стояли довольно далеко от нас. Для того, чтобы решиться отдать распоряжение, довести его до сведения команды судов, для всего этого диктаторам нужно было время; да к тому же революционные флоты не имеют обыкновения стремительно выполнять приказание. Бакинский же флот не слишком считался со своим правительством и был скорее, на нашей стороне; могло бы легко случиться, что бакинские матросы в самый последний момент не решатся стрелять по тем войскам, которые, единственно из всех, сделали кое-что для спасения Баку от турок. Вдобавок, мы стали бы отплывать с потушенными огнями, а у канонерок не было прожекторов, так как мы их взяли на фронт; при таких условиях риск быть потопленными огнем с канонерок был не очень велик. Гораздо больше опасности для нас представляло сторожевое судно, которое, стоя у входа в порт, следило за всеми входящими и покидающими гавань судами. Нам нужно было пройти мимо него на расстоянии пятисот ярдов, но мы решили идти очень медленно, и к тому же ночь, по счастью, была темна. Если бы сторожевое судно даже открыло по нам огонь, то, не имея орудий крупного калибра, оно не могло причинить нам никакого существенного вреда. Наступил тревожный момент, когда часы пробили один [273-274]надцать и командир Норрис отдал приказ отчаливать. Все три огня на мачтах были потушены, что должно было послужить полковнику Раулинсону сигналом к отплытию, и наше судно бесшумно отошло от берега. Мы тихо скользили по спокойным водам гавани и наш капитан маневрировал таким образом, чтобы при проходе мимо сторожевого судна между ним и «Крюгером» оказалось какое-нибудь стоящее на якоре судно.

В такие напряженные моменты всегда случаются какие-нибудь неожиданные инциденты, которые почти губят все дело. Так было и в тот момент. Спокойствие ночи внезапно нарушилось душеразди-

рающим воплем какого-то русского.... Вслед за тем русский матрос вскочил на палубу и стал вопить самым отчаянным образом: «Моя жена! Моя жена! Она осталась на берегу. О, спасите мою жену!»

Для чувствительного экипажа судна этот призыв значил гораздо больше, нежели приказ капитана судна.

Машины застопорили, с грохотом и лязгом спустили якорь и пароход медленно повернулся; затем якорь снова подняли и мы поплыли к берегу, к которому пристали после некоторых искусственных маневрирования, и взяли покинутую жену на борт. Подобные инциденты всегда могут иметь место, когда вам приходится иметь дело с революционными матросами. Судно управляется матросами и всякое вмешательство в их действия только озлобляет их и не приводит ни к чему.

К счастью, лязг якорных цепей не вызвал никаких нежелательных последствий и я досадовал только на задержку и на то, что наш маневр поставил полковника Раулинсона в затруднительное положение, так как при таких условиях следовать за «Крюгером» было для него довольно мудрено.

При второй попытке выйти из гавани раздался опять чей-то умоляющий женский голос и мы снова задержались, спасая второе покинутое существо. Когда же, наконец, нам удалось отчалить в третий раз - было уже далеко за полночь.

Все шло хорошо до того критического момента, когда мы поравнялись со сторожевым судном, пробираясь позади целого ряда барж. В этот момент какой-то остроумный, враждебно настроенный к нам матрос повернул выключатель и осветил сразу [274-275] все судно ярким электрическим светом. Это не предвещало ничего хорошего.

Едва только на «Крюгере» появился свет, как сторожевое судно подало нам сигнал:

- Кто вы? Якорь, сейчас же!

На что мы немедленно же ответили согласием подчиниться приказу, но машины «Крюгера» дали полный ход.

Сторожевое судно быстро сообразило, что мы не собираемся подчиниться его приказу, и незамедлило открыло по «Крюгеру» огонь из своих орудий малого калибра. Первый снаряд просвистел очень близко от капитанского мостика, на котором в этот момент находился наш капитан вместе с командиром Норрисом и полковником Хоскиным. Это было уже слишком для нашего рулевого и он попросту удрал, предоставляя судну идти куда угодно. В следующее мгновение капитан, Александр Иванович Федоров, взялся за штурвал и стал управлять кораблем. Наша быстроходность вскоре вывела нас из под огня; ни один снаряд не попал в цель, но судя по тому, что стрельба все еще не прекращалась, я решил, что маленький «Армянин» замечен и сделался теперь объектом внимания сторожевого судна. Положение полковника Раулинсона на судне, нагруженном доверху взрывчатыми веществами и находящемся под ожесточенным обстрелом, было далеко незавидным и с минуты на минуту я ожидал услышать взрыв, который должен был возвестить о печальном исходе его миссии. Однако, подобный звук так и не долетел до наших ушей, пока мы были еще в сфере звуков, доносившихся из порта, но имея в виду тихоходность судна Раулинсона и малонадежность его экипажа, я был уверен, что шансы на успех его побега были весьма невелики.

«Крюгер» же находился теперь вне всякой опасности. Преследование едва ли было возможно, да к тому же скорость «Крюгера» была всего на один узел меньше скорости канонерок. Когда забрезжило утро, 15-го сентября, мы быстро скользили по гладкой поверхности Каспийского моря и все наши бакинские злоключения казались нам не больше, как скверным сном. При наличии семидесяти человек офицеров и 800 солдат на борту «Крюгера», претендовать на особенный комфорт не [275-276] приходилось, но все чувствовали себя превосходно и нас беспокоил только возможный недостаток провианта.

Последняя опасность не была, однако, следствием недосмотра с нашей стороны. Сухой паек выдавался людям на судне все время в количестве, вполне достаточном для того, чтобы прокормить любое число войск, которое могло только уместиться на судне, но никаких консервов в Баку достать было нельзя, а сделать запас свежего мяса при тех условиях, при которых мы покидали город, было совершенно невозможно. Было очень грустно видеть героев вчерашних боев, отдыхающих за одним только хлебом и чаем с сухарями. Если кто либо из английских солдат мог быть достоин чести присутствовать на банкете лорд-мэра города Лондона, то это были мои солдаты. Эта бригада, состоявшая целиком из вновь сформированных частей, покрыла себя неуязвимой славой, не имеющей себе равной в летописях наших лучших подков. Какихнибудь 800-900 солдат находились на линии огня бесменно в течение шести недель и все это время отражали турецкую армию, превосходившую их численностью раз в десять.

Было бы, конечно, хвастовством уверять, что мои солдаты одни держали бакинский фронт длиною в двадцать миль; некоторые из бакинских отрядов, которые занимали окопы вместе с нами, в некоторых случаях сражались превосходно и бакинская артиллерия была достаточно хороша, но ни один из свидетелей обороны Баку не станет спорить против того, что только эти парни коренной английской бригады не дали туркам войти в город.

Общее число потерь нашего маленького отряда в последних боях было: 180 человек убитых, раненых и пропавших без вести, т. е. около двадцати процентов всего числа сражавшихся. Потери турок, действовавших против них, были значительно больше. В этот день турки сражались до изнеможения, благодаря чему нам только удалось благополучно вывести свои войска из под огня. Для всякого же здравомыслящего человека было ясно, что ждать контратаки со стороны местных войск было невыносимо. Перейди бакинские войска в контратаку даже утром 15-го сентября, турки могли бы быть еще успешно отбиты, но зная, что этого не случится, дальнейшее откладывание эвакуации было равносильно почти отказу от нее, так как турки, в конце концов, заняли бы город и немало еще доблестных английских бойцов погибло бы совершенно бессмысленно.

В смысле потери военных материалов мы пострадали не особенно сильно. Два наших аэроплана, которые были изрешечены турецкими пулями, мы привели в негодность; бронированные автомобили, которые в продолжение всех шести недель доблестно выполняли свой долг, и тридцать фордов, работавших подобно троянцам в трудном деле транспорта, мы принуждены были оставить туркам, приведя, однако, их в негодное состояние.

Оставляя бакинский порт, я сожалел только о покинутом скелете маленького, стойкого легкового фордика, который неустанно возил меня с того самого времени, как я покинул Багдад в январе этого года.

Перед заходом солнца мы увидели знакомые очертания Эльбурсских гор на персидском берегу. Хорошо было уже одно то, что нам удалось благополучно доставить в Персию всех тех моих людей, которые находились на «Крюгере», но я все время беспокоился за судьбу «Курска» и «Або», которые ушли из Баку раньше нас. Первое, что мы узнали, приехав в Энзели, было то, что оба эти судна давно уже прибыли сюда и что все больные и раненые уже доставлены в наши лазареты на берегу. Теперь я имел основания беспокоиться только за «Армянина». Часы шли и я начинал уже отчаиваться, не имея о нем никаких известий. Но вот, к нашей общей несказанной радости, ровно через двенадцать часов после нашего прибытия в энзелийский порт, доблестное маленькое суднышко вошло в гавань, стало на якорь и отрапортовало: «Все в порядке». Судно получило шесть пробоин, но ни одно из них не было ниже ватерлинии. Привожу обещанную выдержку из рапорта полковника Раулинсона:

...В ночь на 14-ое сентября я сделал нужные приготовления для того, чтобы взять на «Армянина» из арсенальной пристани все военные материалы, могущие сослужить пользу противнику и в то же время необходимые нам в случае, если бы нам пришлось оставить город. [277-278]

Я получил извещение, что это последнее решение было принято 11-го сентября пополудни.

Взойдя на борт судна, я сейчас же понял, что все 26 человек команды были к нам враждебно настроены; они не желали с нами работать и вообще всеми мерами старались помешать нашей эвакуации. На пристани собралась толпа обеспокоенных жителей и дезертиров с фронта, распространявших самые нелепые тревожные слухи. Видя это, я вооружил моих четырех шофферов, своего денщика и капитана Джаксона и с их помощью очистил пристань; поставив их затем у ворот пристани, я отправился на «Крюгер» просить прислать мне дополнительную охрану. Просьба была удовлетворена и я получил четырех людей Гампширского полка.

Вернувшись на пристань я нашел там какого-то комиссара, который заявил мне, что согласно распоряжению правительства, пришел довести до моего сведения, что моему судну не разрешается выходить в море и что при первой же попытке сделать это, судно будет обстреляно канонерками. При этом он потребовал от меня выдачи ему, для отправки на фронт, одного из орудий, которое уже было погружено на судно. Я завел его в одно из помещений, желая задержать его там, но он немедленно же хотел улизнуть оттуда с явным намерением дать знать своим. Тогда я приставил к двери часового и сделал его своим пленником; сам же я стал лихорадочно готовиться к отплытию. Патруль же успешно поддерживал порядок.

По наступлении темноты явился второй комиссар (которого я знал лично) с такими же распоряжениями, как и первый. Он уверял меня, что миновать канонерки нет никакой возможности, но что он постарается достать для моего судна пропуск, если только будет возможно его жене и семье уехать со мною. Я немедленно же согласился на это предложение. После того, как я усадил на судно целый отряд его родственников, я отправился с рапортом на «Крюгер», где получил следующую инструкцию: как только на мачтах «Крюгера» будут погашены три огня, немедленно же выходить в море и следовать за «Крюгером».

Вернувшись в арсенальную гавань, я понял, что дела обстоят скверно. Я немедленно же велел патрулю удалить толпу [278-279] зевак, собравшихся у самых сходней парохода, и дал приказ капитану судна отойти от берега и стать в порту на якорь.

Шоффер Норрис и рядовой Порсанс своей решительностью и расторопностью очень много содействовали наведению порядка на пристани; попытки некоторых из экипажа судна сойти на берег и дать

знать в город о нашем предполагаемом отплытии, были предупреждены силою штыков и мы отчалили от берега в 11 час. 30 мин. вечера.

Я предполагал стать на якорь невдалеке от берега и ждал сигнала с «Крюгера», но что-то было подстроено с якорной цепью, так как, когда мы бросили якорь, цепь сорвалась и якорь оказался потерянным. Вследствие переполнения порта, стоявшими на якорю судами, нам пришлось очень долго лавировать прежде, нежели мы смогли повернуться, а тем временем «Крюгер» уже потушил свои огни на мачтах. Я видел, как «Курск» прошел мимо нас, держа курс совсем не в том направлении, в каком я предполагал нахождение входа в порт; это заставило меня предположить, что «Курск» шел навстречу «Крюгеру» для того, чтобы плыть с ним вместе. Я тоже взял направление к пристани «Крюгера», где встретился с ним и получил от него инструкцию ждать его отплытия и затем следовать за ним на возможно близком расстоянии.

Но вдруг, совершенно неожиданно для меня, «Крюгер» отчалил от берега, а на моем судне пары еще не были вполне готовы. Тогда я встал на мостике рядом с капитаном и, направив на него револьвер, дал ему понять, что всякая попытка с его стороны сыграть с нами какую-нибудь штуку плохо кончится для него. Когда же мы поравнялись со сторожевым судном, которое приказало нам остановиться, и наш капитан ответил ему, что «он держит на штирборт», я заставил его продолжать держаться нужного курса, несмотря на огонь со сторожевого судна. В этот же момент г. Дана проник с револьвером в машинное отделение и вслед за тем судно прибавило ходу. Когда сторожевое судно открыло по нам огонь из своих маленьких орудий, несколько снарядов попало в капитанский мостик, неподалеку от сложенных на палубе взрывчатых веществ. Капитан хотел уйти с мостика и оставить свой пост. Я принужден был применить силу и, приставив к его лицу дуло [279-280] моего револьвера, я вызвал на мостик четверых моих людей, при помощи которых мне удалось заставить капитана держаться нужного нам курса. Тогда ко мне явился представитель судового комитета и заявил мне, что экипаж не допустит увода судна из Баку. Я арестовал его тут же на капитанском мостике и мы продолжали свой путь.

Видя сопротивление, оказываемое нам командой, я обещал всем им вознаграждение по прибытии в Энзели, пригрозив им, что если они не согласятся на это, то я немедленно же прибегну к силе.

Так как представитель команды находился всецело в моей власти, то он должен был первый испытать действие применения нашей силы, что заставило его обратиться к своей команде с моим предложением в самом примирительном тоне и убедить своих товарищей принять его, после чего мы поплыли благополучно.

Заключительным аккордом этого эпизода явилась депутация революционных матросов с парохода «Курск», которая представила нам следующую свою письменную декларацию:

«Мы, члены судового комитета корабля «Курск», с восхищением следили за героическими подвигами ваших доблестных английских солдат во время обороны Баку. Мы видели, как они, изнемогая от ран и подвергаясь все время смертельной опасности, геройски защищали город, тогда как наши сограждане оказались слишком слабыми, чтобы противостоять врагу. Мы не перестаем восхищаться тем, что эти brave люди с далекого острова на Северном море пришли сюда к нам на берег Каспия, чтобы, отдавая за нас свои жизни, покрыть себя незабываемой славой

Стойкость и храбрость ваших солдат при обороне Баку против осаждавших турок произвели на нас такое сильное впечатление, что мы просим вас взять нас всех к себе на службу и сделать нас английскими подданными».

Трудно было бы составить лучшую аттестацию, чем эта, и наша бригада, которая сумела возбудить в душах бакинских матросов подобные чувства, имела теперь чем гордиться.

Теперь нам оставалось еще сделать переключку всех на [280-281] ших людей и убедиться, не остался ли в Баку ктонибудь из наших.

Я был уверен, что все наши эвакуировались, но на проверке оказалось, что мы не досчитываемся майора Суттора и унтер-офицера Бумера, из австралийских войск. Не доставало также одного маленького сторожевого отряда из частей N. C. O. и шести человек из охраны аэродрома. Я, конечно, не предполагал, что виной этому была нераспорядительность моего штаба, но чувство ответственности за этих людей все же неприятно тяготило меня, а потому я был чрезвычайно обрадован, когда услышал, что все, оставленные нами в Баку, находятся в полной безопасности. Майор Суттор и унтер-офицер Бумер уехали из города с беженцами в Красноводск, а сторожевой отряд присоединился к бичераховцам и отправился вместе с ними в Петровск.

Вскоре же мною был получен приказ о расформировании моего отряда и его слиянии с регулярными войсками нашей 14-ой дивизии.

На этом и кончается рассказ о злоключениях отряда генерала Денстервиля.